

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Забайкальский государственный университет» (ЗабГУ)

На правах рукописи

ЦЗЯН ДАНЬ

**УСПЕШНОСТЬ КИТАЙСКИХ МИГРАНТОВ В РОССИИ:
ФИЛОСОФСКО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ**

Специальность 5.7.8 Философская антропология, философия культуры

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени кандидата философских наук

Научный руководитель –
доктор социологических наук, профессор
Лига Марина Борисовна

Чита – 2024

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
Глава 1. Теоретико-методологические основы исследования мигрантов как субъектов миграционного процесса.....	18
1.1. Основные подходы к исследованию причин и факторов миграции в миграционных теориях.....	18
1.2. Стратегии адаптации мигрантов в контексте философско-антропологического подхода.....	48
1.3. Философско-антропологическая концепция миграции в исследованиях китайских ученых.....	70
Глава 2. Успешность китайских мигрантов в жизненном пространстве России: социокультурные факторы и социальные практики.....	89
2.1. Социокультурные факторы успешности китайских мигрантов.....	89
2.2. Социальные практики успешности китайских мигрантов в России.....	121
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	147
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК	153

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Современная эпоха характеризуется глобализмом, трансформацией всех сфер жизнедеятельности общества, интенсивным межкультурным взаимодействием, следствием которых оказываются миграционные процессы. Они порождают позитивные и негативные последствия как для обеих стран, так и для человека, непосредственно оказавшегося в ином социокультурном пространстве. Если исторически миграция рассматривалась как перемещение людей, то в условиях глобализации она становится закономерным процессом, характеризующимся не только интенсивностью, но и разнообразием. Она оказывает влияние на экономическое, культурное, а порой, и на политическое пространство принимающей страны. Глобализационные процессы изменили не только количественное, но и качественное состояние миграционных потоков, так как наряду с трудовой миграцией увеличился поток интеллектуальных мигрантов, заинтересованных в собственном образовательном, культурном росте. Данная тенденция характеризует международную интеграцию как свободу передвижения, мобильность, способствующую перемещению не только трудового капитала, рабочей силы, но и знаний, умений. Миграция становится фактором развития мирового сообщества, обеспечивая гибкость рынка труда, межкультурного взаимодействия, разрешение как внутренних, так и внешних проблем государства.

Политика реформ и открытости Китая детерминировала переход экономики Китая от плановой к рыночной, обеспечила интеграцию страны в мировое пространство, сформировала новый тип мигрантов – интеллектуальные мигранты. В рамках стратегии российско-китайских отношений особый научный интерес, как для российских, так и для китайских исследователей, представляют трансграничные регионы, в том числе территория ДФО. Согласно данным исследований, у китайских

мигрантов сформировались определенные установки: большая часть не планирует покидать территорию России в ближайшее время, предпочитает находиться здесь постоянно; отдельные китайские мигранты ориентируются на получение российского гражданства¹. Они успешно адаптировались в экономической сфере; имеют работу, достаточный уровень заработной платы. В то же время жизнь в новом социокультурном пространстве порождает определенные социальные и психологические проблемы, обусловленные контактами межкультурного взаимодействия в условиях культурного разнообразия, локальностью проживания, низким или недостаточным уровнем знания русского языка. Все это актуализируют необходимость исследования становления личной социальной и культурной адаптации китайских мигрантов как основы их социальной успешности, самосовершенствования. Поэтому обращение к философско-антропологическому подходу обусловлено тем, что он способствует обоснованию социальной успешности китайского мигранта в России, как проявления его сущности, в основе которой систематизация национального культурного потенциала с социокультурными факторами другой страны.

На данном этапе изучение предпосылок, детерминирующих социальную успешность китайских мигрантов как социальной группы, является важной проблемой не только философско-антропологического, социально-гуманитарного знания, но и социальной практики. В то же время тема социальной успешности китайских мигрантов мало освещена в современной российской и китайской научной литературе, что актуализирует ее значимость в силу сложившихся объективных и субъективных факторов.

Степень научной разработанности темы исследования.

Развитие миграционных процессов, рост численности мигрантов, появление новых субъектов миграционного процесса, видов и типов миграции вызывают наибольший интерес со стороны исследователей, как в

¹Рязанцев В. С. Китайская миграция в Россию: тенденции и подходы к регулированию // Вестник Академии экономической безопасности МВД России. – 2009. – № 4. – С. 87.

глобальном масштабе, так и в отдельных государствах как участников миграционного процесса.

Изучение трудов и концепций российских, западных и китайских авторов, рефлексирующих в своих исследованиях проблемы миграции в ее разных аспектах, позволило выделить трендовые направления обозначенной в работе проблематики. Среди них мы выделяем следующие направления исследования. Основы исследования миграционных процессов представлены в трудах Э. Г. Равенштейна, работами ученых Чикагской социологической школы (А. Томас, Ф. Знанецкий), американской культурно-антропологической школы (Р. Рэдфилд и др.). Причины, факторы миграции, детерминирующие желание населения сменить место жительства, ее последствия освещены в трудах ученых: Ш. Н. Айзенштадта, М. М. Гордона, Т. И. Заславской, Х. Г. Дункан, В. А. Ионцева, Э. Ли, Л. Л. Рыбаковского, С. В. Рязанцева, Т. Н. Юдиной и др.). В российских исследованиях проблема миграции является одной из дискуссионных сфер науки. Это обусловлено тем, что происходит трансформация трактовки понятий «миграция», «миграционный процесс». Этот аспект проблемы нашел отражение в работах В. В. Кашпур, С. В. Рязанцева и др. Анализ основных понятий, общих характеристик миграционных процессов, их типология, классификация представлены в трудах В. А. Ионцева, В. А. Тишкова, Л. Л. Рыбаковского, Т. И. Юдиной и др. Среди западных авторов можно выделить таких исследователей, как М. Д. Массей, М. Пиоре и др. Стратегии адаптации, аккультурации, интеграции как механизмы вписывания мигрантов в принимающее общество освещаются в исследованиях М. М. Гордона, Дж. Берри, Х. Г. Дункана, Т. И. Заславской, Ф. Знанецкого, В. М. Моисеенко, У. Томаса, Т. Н. Юдиной, и др.

В китайских исследованиях миграционных процессов выделяются два направления: первое – это государственные документы, которые представляют аналитический срез иммиграции из Китая; второе – научные исследования миграции. К первому направлению относятся материалы,

которые являются для исследования миграции правовой, законодательной, аналитической базой. Центром китайской глобализации выпущена книга: «Синяя книга “Доклада о международной миграции в Китае за 2020 год”»: Темпы роста международной миграции в Азии значительны», в которой представлен анализ миграционных потоков в Китае. Китайским центром иммиграционных исследований Университета Хохай подготовлено фундаментальное исследование «Резервуарный центр экономических исследований иммиграции». Материалы Кембриджской группы исследований китайской миграции (CCMSG) и Белой книги Hurun по инвестиционной иммиграции Китая позволили обосновать национальные особенности китайской миграции.

Представляют научный интерес и публикации Ван Хуияо, У. Вэйи, Гэ Цзяньсюн, Лао Ян, Лу Чжоусян, Чжуан Готу, в которых осуществлен анализ отношений к китайским мигрантам в различных западных государствах. Учеными рассматриваются причины и последствия китайской иммиграции, социальные последствия, культурные противоречия. Научные исследования посвящены анализу конкретной ситуации, при этом китайские авторы не дают определения термина «миграция». Тем не менее, данные работы представляют научный интерес для исследования, так как каждый автор, высказывая свою позицию, мнение, выражает общегосударственный подход к данному процессу.

В условиях развития российско-китайского сотрудничества большой интерес для научных исследований представляет феномен китайской миграции на территории России. Это становится областью исследования не только российских, но и китайских аналитиков, политологов, социологов, философов, антропологов. Массовый интерес к теме китайской миграции появился в науке в 1990-е гг., когда миграционный процесс начал ускоряться и огромное количество китайских мигрантов отправилось в разные страны, тем самым вызвав обсуждения о перспективе миграции, влиянии на страны-реципиенты и страны-доноры.

Следует отметить, что большинство авторов рассматривают мигрантов как социальную группу. Исследование мигрантов как социальной группы получило свою интерпретацию в трудах Т. Шибутани, Я. Щепаньского, в классических социологических теориях конца XIX – начала XX в. (Л. Гумплович, Э. Дюркгейм, Г. Зиммель, Ф. Тённис и др.), раскрывших роль социальных групп в жизнедеятельности социума, их функциональные особенности, место в социальной структуре общества.

Анализ специфических характеристик мигрантов в ином социокультурном пространстве, становления их социальной успешности в процессе социальной и культурной адаптации стал возможен благодаря исследованиям китайских и зарубежных авторов (М. Кастельс, Цай Дэци, Цзин Тан, Цзян Юнлянь, Фэн Чуньмэй, Чэнь Сюэюнь, Чэнь Юэ, Ши Сяньхуа и др.).

В последние десятилетия в исследованиях, рассматривающих китайскую миграцию на территории России в целом и в ДФО в частности, представлен анализ проблем не столько количественного, сколько качественного характера. Анализируя особенности миграции в трансграничном регионе, авторы акцентируют внимание на российско-китайских межличностных отношениях (к китайским мигрантам и их отношениях к жителям российских территорий). Это прослеживается в работах Н. А. Абрамовой, Л. Е. Бляхера, К. Х. Нурдиновой, Ч. Сюй и др.).

Блок исследований российских авторов проблем социокультурного пространства российско-китайского приграничья стал в рамках работы теоретической базой, что позволило осмыслить такое понятие, как «социокультурное пространство китайских мигрантов в России». К ним мы относим работы Н. А. Абрамовой и Чжоу Юй, В. В. Воног, Т. Н. Кучинской, В. С. Морозовой и др.

Исследования российских и китайских авторов Е. В. Афонасенко, В. С. Глаголева, О. В. Митиной, Ли Ван, А. Э. Салтыковой, Хунмэй Ян, В. Чжоу и др., анализирующих социальные механизмы, обеспечивающие

социализацию и культурацию китайцев, позволили дать характеристику условий, детерминирующих социальную успешность китайцев в России. На роль духовных ценностей, на взаимосвязь традиций и инноваций, как индикаторов жизнедеятельности китайского населения в эпоху глобализации, на их трансформацию в период пребывания в иной культуре обращают внимание О.Б. Бальчиндоржиева, Т. А. Шаренкова и др.

Проблемы взаимодействия китайского и русского населения в историко-современном контексте получили освещение в работе А. Г. Ларина. Автор анализирует роль китайских диаспор в жизнедеятельности России и Китая, историю появления китайской диаспоры, миграционные процессы, политику Китая в отношении своего населения.

Вопросы взаимодействия в области образования между китайской и российской стороной являются сегодня одним из направлений реализации стратегии сотрудничества, что актуализирует необходимость обращения к работам российских и китайских авторов А. А. Абжаппаровой и Сяоин Лю, Е. В. Ерофеевой и Чэнь Яо, Е. Ю. Кошелевой, Тонг Луяо и Гу Цянь; к исследованиям группы авторов: Е. Ю. Кошелевой, Е. И. Самофаловой, И. Я. Пак и др., стало в процессе работы основанием для анализа особенностей формирования социальной успешности китайцев в ходе образовательной миграции. Вопросы социальной успешности китайских мигрантов в образовательной среде российских вузов представлены в трудах Р. К. Боженкова и Г. Н. Майерс, И. В. Бойко и Ц. Гао и др.

Анализ исследований показал, что вопросы туристической миграции в работах китайских ученых не рассматриваются. Данная проблематика отражена в государственных, административных документах, которые имеют рекомендательный, установочный, регулирующий характер. В тоже время в трудах российских авторов М. И. Добрыниной, Л. Н. Жилиной, Н. Е. Журбиной и Е. И. Завалиной, Я. С. Лексютиной и других представлены вопросы туристической миграции, ее особенности, факторы функционирования, которые анализируются не столько с позиций

законодательной, организационной базы, сколько как культурный фактор, как показатель межкультурной коммуникации.

В ходе исследования мы учитывали фактор вхождения китайцев в языковое пространство России, что является доминирующим основанием их социальной успешности. Это было обусловлено исследованиями О. И. Беликова, С. В. Бойко, А. А. Фомичевой, Ван Кэвэнь, Гао Цзин, Е. В. Ерофеевой и Чэнь Яо, Мэн Ся и др.

На роль духовных ценностей, на взаимосвязь традиций и инноваций, как индикаторов жизнедеятельности китайского населения в эпоху глобализации, на их трансформацию в период пребывания в иной культуре обращают внимание О. Б. Бальчиндоржиева и др.

Когда мы ставим проблему социальной успешности китайцев в России, то возникает сопутствующая – социальная практика как ее условие. Впервые в истории науки понятие «социальная практика» обозначено в работах П. Бурдьё «Набросок теории практики» и К. Гирца «Интерпретация культур». Позже данное понятие получило свою концептуализацию в теориях структуралистского конструктивизма (П. Бурдьё), структуризации (Э. Гидденса) и этнометодологии (Г. Гарфинкеля). Обращение к данным источникам способствовало обоснованию взаимосвязи социальной практики и успешности китайских мигрантов в России.

Если рассматривать социальную успешность как социально-антропологический, антропо-культурологический, философско-культурологический феномен, то мы сталкиваемся с информационным вакуумом в китайских исследованиях. В работах российских авторов эти проблемы чаще всего представлены в контексте других исследований. Поэтому мы определили тот научный потенциал, который способствовал исследованию, опираясь на работы И. В. Терелянской, В. А. Толочек и др.

Философско-антропологические, философско-культурологические исследования социальной успешности представлены в работах

Е. В. Караханян, Н. В. Михайловой И. В. Терелянской и др. Аналогичный поиск в китайских источниках не увенчался успехом.

Однако, несмотря на достаточное количество работ, посвященных отдельным аспектам миграционного процесса, мигрантам как его участникам, в различных областях научного знания ряд теоретических и практических проблем до сих пор остается мало исследованным. В частности, отсутствуют исследования, рассматривающие успешность китайских мигрантов в России. В этой связи актуальным становится философско-антропологический анализ мигрантов как феномена социальной реальности и предмета научных исследований, позволяющий выявить не только основные тренды современных миграционных процессов, но и факторы социальной успешности, формирующие новую сущность китайского мигранта в России.

Объект – китайские мигранты.

Предмет – успешность китайских мигрантов как субъектов миграционного процесса в России.

Цель исследования – на основании анализа теорий миграции выявить и определить в рамках философско-антропологического знания их эвристическую значимость в оценке факторов, причин миграции, стратегий адаптации как основы успешности китайских мигрантов в России.

Достижение поставленной цели предполагает решение следующих **задач**:

1. Исследовать и обобщить основные концептуальные подходы к исследованию причин и факторов миграции в миграционных теориях.
2. Осуществить анализ стратегий адаптации мигрантов в принимающем обществе в рамках философско-антропологического знания.
3. Изучить и обобщить теоретические подходы к исследованию китайских мигрантов в философско-антропологическом знании в исследованиях ученых Китая.

4. Исследовать социокультурные факторы успешности китайских мигрантов на основе философско-антропологического подхода.

5. Осуществить анализ социальных практик успешности китайских мигрантов в процессе их интеграции в российское общество.

Теоретической основой философско-антропологического анализа социальных практик успешности китайских мигрантов в России стали:

- философско-антропологическая теория сущности человека М. Шеллера;
- концепция жизненных сил человека, его индивидуальной и социальной субъектности С. И. Григорьева;
- теория культурных ценностей, являющихся важнейшим фактором социального прогресса Л. Харрисона, С. Хантингтона;
- концепция роли социальных действий в формировании социальной практики П. Бурдьё;
- феноменология описания и обоснования важности практической стороны жизнедеятельности индивидов Э. Гуссерля;
- теории миграции Л. Л. Рыбаковского, Т. Н. Юдиной, Дж. Берри, Э. Равенштейна, Д. Массея и др.;
- концепция путей достижения успеха Сунь Цзин, Чжан Сяньхао, Гуань Биньинь и Хуан Ичжи;
- философские концепции цивилизационного, межкультурного взаимодействия и социальной интеграции В. С. Стёпина, определившие необходимость обращения к вопросам социальной успешности китайцев в социокультурном пространстве России.

Методологическая база исследования – философско-антропологический, системный, сравнительно-исторический, структурно-функциональный, междисциплинарный подходы. Философско-антропологический подход позволил обосновать успешность китайских мигрантов как проявление сущности человека в ином социокультурном

пространстве. Структурно-функциональный подход был использован в ходе исследования стратегии адаптации мигрантов в принимающем обществе, при анализе его воздействия на успешность китайских мигрантов в России. Системный подход позволил проанализировать систему ценностных ориентаций, включающую, с одной стороны, традиционные китайские ценности, а с другой – принятие ценностных установок принимающей страны, что способствует интеграции китайских мигрантов в другом социокультурном пространстве. Для решения поставленных в диссертации задач был применен сравнительно-исторический подход, в рамках которого осуществлено сопоставление миграционных теорий, рефлексирующих причины, факторы миграции как детерминантов их успешности. Междисциплинарный подход позволил исследовать успешность китайских мигрантов, выявить их специфические характеристики, причинно-следственные связи, обосновать выбор ими стратегии интеграции.

Достижение цели и задач исследования детерминировало использование следующих **методов научного исследования**: анализ и синтез, индукция и дедукция, абстрагирование и конкретизация, сравнение, типологизация и классификация.

Эмпирической базой исследования стали документы китайской федерации иммигрантов за рубежом («Изменения в международной миграции Китая с 1960 года – анализ, сосредоточенный на численности иммигрантов и направлениях их назначения», апрель 2023 г.); документы ООН («Китайские трудовые иммигранты в Европе: проблемы и перспективы»); аналитические документы Университета Хуацяо (Заграничного китайского научно-исследовательского института Чжу Дунцинъ): «Исследование ученых материкового Китая о новых иммигрантах»; материалы Международного валютного фонда «Побочные эффекты трансформации Китая и иммиграционные проблемы» (2016); аналитические документы Китайского центра иммиграционных исследований Университета Хэхай: «Резервуарный центр экономических

исследований иммиграции»; материалы Кембриджской группы исследований китайской миграции (CCMSG) и Китайского центра иммиграционных исследований (филиал) Университета Хэхай.

Научная новизна заключается в исследовании социальных практик успешности китайских мигрантов в доминирующей культуре российского общества в контексте философско-антропологического знания на основе анализа теорий миграции и фактов социальной реальности.

1. Доказано, что причины и факторы миграционного процесса, действующие в стране исхода и стране прибытия, формируют стратегии адаптации мигрантов в принимающем обществе.

2. Описаны качества личности мигрантов, сформированные в адаптационных стратегиях и влияющие на их успешность в принимающем обществе, а также в стране выбытия (интеграция, сепарация, ассимиляция, маргинализация).

3. Актуализированы и раскрыты философско-антропологические основы анализа миграционных процессов в исследованиях китайских ученых, что позволило объяснить выбор китайскими мигрантами стратегии интеграции в принимающем обществе, обосновать факторы, детерминирующие этот выбор, оказывающие влияние на социальные практики их успешности в обществе прибытия.

4. На основе философско-антропологического подхода уточнено понятие «успешность»; выявлены социокультурные факторы успешности китайских мигрантов, как условия их интеграции в российское общество, включающие в себя жизненные силы и жизненное пространство.

5. Доказано, что социальные практики успешности китайских мигрантов как виды деятельности позволяют им интегрироваться в российское общество, сохраняя свою идентичность.

Положения, выносимые на защиту.

1. Среди причин и факторов миграции выделены: объективные (экономические, политические, культурные социальные трансформации,

происходящие в принимающем и выталкивающем обществе и др.) и субъектно-личностные (мотивационные, целевые, жизненные установки, уровень и качество жизни, информационные и коммуникационные сети, социальный статус). Причины и факторы миграционного процесса детерминируют выбор мигрантом стратегии адаптации в принимающем обществе.

2. Среди теорий, исследующих стратегии адаптации мигрантов, концепция «аккультурационных стратегий» Дж. Берри, является наиболее значимой для анализа адаптации мигрантов в социокультурной среде принимающей страны. Классификация стратегий вписывания мигрантов в новое жизненное пространство позволила выделить в каждой из стратегий личностные качества субъектов миграционного процесса, сформированные в стране прибытия, формирующие их успешность в принимающем обществе и стране выбытия. Стратегия интеграции формирует такие качества личности мигранта как: желание быть включенным в жизнедеятельность принимающего социума, интегрироваться; ощущение стабильности, уверенности; чувство принадлежности к новому жизненному пространству; стремление к сохранению своей идентичности, принятию отдельных элементов доминирующей культуры в обществе прибытия в процессе двухстороннего взаимодействия. Мигрантам, выбравшим стратегию сепарации, присущи такие характеристики как: стремление к сохранению собственной идентичности, передаче ее последующим поколениям, неприятие культуры страны прибытия, нежелание взаимодействовать с принимающим обществом, чувство агрессивности, нервозности. Выбор и действие в рамках стратегии маргинализации порождает такие качества личности мигранта как: конфликтность, враждебность, чувство угроз, отказ от своей культуры, нежелание принимать культуру страны прибытия, отсутствие желания включиться в принимающее общество. Стратегия ассимиляции формирует такие характеристики как: знание языка, религии, традиций, обычаев страны въезда; погружение в ее культуру; отказ от

культуры страны исхода; отрицание своей культурной идентичности. Каждая из выделенных характеристик позволяет судить о том, какой стратегии адаптации придерживается мигрант и ее влиянии на их успешность.

3. Анализ исследований китайских ученых показывает, что выбор стратегии интеграции китайскими мигрантами обусловлен политикой открытости и реформ; миграционными установками правительства Китая внутри стран и в мире, направленных на поддержку миграции, ее различных форм и получившие свое обоснование в нормативно-правовых документах; формированием новой группы китайских мигрантов (транснациональные мигранты), создающих новое миграционное и социальное пространство, социальные сети, позволяющие им функционировать в нескольких сообществах, принадлежать к нескольким культурам; привлечением молодых людей для обучения за рубежом; созданием условий для приезда лиц, имеющих высокую профессиональную квалификацию и др.; стремлением сохранить свою культуру, идентичность, передать свои традиционные ценности последующим поколениям в доминирующей культуре, традициями, ценностями китайских мигрантов.

4. Философско-антропологический подход позволил определить успешность как философскую категорию, отражающую достижение желаемого результата как ценности жизни человека. Китайские ученые анализируют успешность в рамках инструментального и ценностного подходов. Согласно инструментальному подходу, успешность измеряется исключительно материалистическими ценностями. Ценностный подход ориентирован на самооценку человека, реализацию его социальной роли. В основе представлений об успешности в Китае лежат концепция мотивации достижения, концепция успеха, основанная на достижении экономической стабильности.

В рамках концепции жизненных сил человека, его индивидуальной и социальной субъектности выделяются культурные и социальные факторы успешности китайских мигрантов. Основу культурных факторов успешности

китайских мигрантов обуславливают жизненные силы, включающие: менталитет, ориентацию на достижения; азиатский тип ведения бизнеса; стратагемность; стабильность социальных связей (гуанси); субъективный социально-экономический статус (субъективное восприятие индивидом своего социального класса). Социальные факторы обусловлены особенностями жизненного пространства, включающего политический строй, уровень социально-экономического развития, качество жизни населения страны проживания мигрантов, социальный капитал.

5. Социальные практики успешности китайских мигрантов подтверждают, что доминирующей стратегией их адаптации в российском обществе является интеграция, обеспечиваемая освоением русского языка, культурных и социальных норм нового жизненного пространства, выстраиванием конструктивных взаимоотношений с социумом и властью, участием в экономической и культурной жизни местных сообществ, при этом сохранением своей идентичности, заинтересованности в благополучии своих соотечественников. Существует закономерность между социальными практиками успешности китайских мигрантов и их интеграцией в российское общество. Взаимообусловленность социальных практик успешности китайских мигрантов и их интеграции в российское общество представлена как рефлексия успешности на уровне личностного самосознания, в общественном признании в России и в поддержке Китая.

Теоретическая значимость исследования состоит в том, что его результаты могут быть использованы для дальнейшего изучения и анализа социальной успешности мигрантов в принимающих обществах; вносят вклад в развитие философско-антропологического, антропо-культурологического, философско-культурологического знания, дополняют и расширяют методологический потенциал философской антропологии в исследовании наиболее актуальных направлений миграции как социальной группы и их социальной успешности в современных условиях как фактора проявления межкультурной интеграции.

Практическая значимость исследования. Основные положения и выводы диссертационного исследования могут быть использованы при написании и реализации социальных проектов, грантов в контексте выстраивания технологий работы с мигрантами, государственными и общественными организациями в работе с мигрантами. Материалы диссертации могут быть использованы при чтении курсов «Социология миграции», «Миграция в современном мире», «Философская антропология» и др., в образовательных программах «Международные отношения», «Востоковедение» и в др.

Апробация и внедрение результатов исследования. Основные результаты нашли отражение в публикациях, научных статьях, выступлениях на конференциях различного статуса: «Социальные процессы: вызовы и пути решения», «Современные города и социальное управление в России и Китае», «Формы и методы социальной работы в различных сферах жизнедеятельности» (конференция посвящена 100-летию Республики Бурятия), «Технологии социальной работы с разными группами населения».

Основные выводы и результаты исследовательской работы были представлены на аспирантских семинарах кафедры философии Забайкальского государственного университета в 2019–2023 гг.

Основные положения и выводы диссертации отражены в 22 публикациях, в том числе в 1 монографии, 7 статьях, опубликованных в журналах из перечня, утвержденных ВАК. Соискатель являлся руководителем и исполнителем десяти научно-исследовательских работ по теме диссертации.

Структура работы. Диссертация состоит из «Введения», двух глав, включающих 5 параграфов, «Заключения» и библиографического списка. Общий объем диссертации составляет 183 страницы. Библиография включает 244 наименования.

Глава 1. Теоретико-методологические основы исследования мигрантов как субъектов миграционного процесса

1.1. Основные подходы к исследованию причин и факторов миграции в миграционных теориях

Влияние миграции на социально-экономическое состояние стран, ее место, формы, виды, роль в историческом и современном развитии социума получили свою рефлексию в различных концепциях и теориях. Особое внимание ученые в области миграции уделяют мигрантам, выделяя различные аспекты исследования:

- причины, детерминирующие стремления, мотивы к миграции;
- механизмы адаптации в стране прибытия;
- отношения с соотечественниками в стране происхождения и стране прибытия;
- профессиональная деятельность;
- выделение критериев, формирующих группы мигрантов.

Российский исследователь В. А. Ионцев на основе анализа большого количества публикаций выделил семнадцать подходов к определению понятия «миграция» и около пятидесяти миграционных теорий¹.

Для группировки многообразных миграционных теорий Т. Н. Юдина предлагает классифицировать миграционные концепции на основе следующих критериев: первая группа – теории, рефлексивные такие стороны миграционного процесса, как причины и факторы,

¹Ионцев В. А. Международная миграция населения: теория и история изучения. – М.: ДИАЛОГ-МГУ, 1999. – 370 с.

детерминирующие миграцию; вторая группа – теории, исследующие механизмы «вписывания» мигрантов в новое общество¹.

В настоящее время многие ученые обращают внимание на отсутствие единой теории миграционных процессов, что не позволяет получить целостное, объемное представление о миграции, ее объектах, субъектах, движущих силах. В частности, об этом пишут В. А. Ионцев, Т. И. Юдина, Д. Массей и др. Подтверждением данной точки зрения служит большое количество определений миграции (более сорока). Кроме того, миграционные процессы исследуют представители разных областей научного знания, в то время как необходим междисциплинарный подход к данному явлению. По мнению Х. Аранго, этого сделать просто нельзя. Сложность заключается в том, что «миграция многообразна, чтобы ее объединить единой теорией»².

Миграция – это сложное явление, весьма противоречивое, находящееся в зависимости от социально-экономических условий, международной обстановки, что актуализирует необходимость использования для ее анализа различных концепций, парадигм, теорий.

Сегодня учеными предпринимаются попытки создания таких комплексных концепций. В этом плане можно говорить о теории Д. Массея, в которой на основе использования различных миграционных концепций предпринята попытка дать комплексную характеристику миграционному процессу. Теоретико-методологической основой концепции Д. Массея являются такие теории, как неоклассическая экономика, новая экономическая теория миграции, теория сегментированного рынка труда, теория мировых систем, теория социального капитала и теория совокупной причинной обусловленности³. Широкая методологическая база позволила выделить

¹ Юдина Т. Н. Социология миграции: основные вехи становления и развития // Социальная политика и социология. – 2014. – № 4, Т. 2. – С. 227–247.

² Аранго Х. Объяснение причин миграции: критический обзор // Международный журнал социальных наук. – 2001. – № 32. – С. 44.

³ Блинова М. С. Современные социологические теории миграции населения: автореф. дис. ... канд. соц. наук: 22.00.01. – М., 2008. – С. 20, 27.

основные стороны миграционного процесса как социально-экономического, культурного и политического феномена.

К таким концепциям можно отнести и теорию транснационализма (Ш. Глик), теорию миграционных систем (М. Критц).

В связи с этим полагаем, что классификацию Т. И. Юдиной следует дополнить еще критерием, объединяющим все стороны миграционного процесса как целостной системы:

- взаимосвязь миграции с экономическими, экологическими процессами и др. в стране убытия и прибытия;
- влияние рынков труда на миграцию;
- эволюция мотиваций мигрантов, стремление либо встроиться в культурное новое пространство, либо его отторгнуть;
- создание социальной сети, транснациональных социальных структур;
- состояние миграционной политики государств.

В представленной диссертационной работе при анализе мигрантов как субъектов миграционного процесса мы опирались на классификацию Т. И. Юдиной, дополнив ее перечисленными выше критериями в контексте теории социальных сетей Д. Массея в рамках философско-антропологического подхода.

Анализ мигрантов как субъектов миграционного процесса, социальной группы был осуществлен в рамках теории Э. Равенштейна – одной из первых теорий, давших оценку данному явлению. Идеи ученого изложены в трех статьях¹. Им была предпринята первая попытка концептуализации миграционного процесса в противовес взглядам английского статистика и демографа У. Фарра, считавшего, что миграция есть стихийный процесс, «как хаотичное броуновское движение»². В качестве одной из причин миграции Э. Равенштейн называл уровень экономического развития стран:

¹ См.: Лисицын П. П., Степанов А. М. Новые законы миграции Э. Равенштейна // Социологические исследования. – 2022. – № 8. – С. 15–26.

² См.: Миграционные процессы в Евросоюзе: современные проблемы и вызовы / под ред. О. Е. Трофимовой. – М.: ИМЭМО РАН, 2019. – С. 11.

«...соответствующий уровень различий между странами может оказывать стимулирующую роль на размеры и направление миграционных потоков, определяющими причинами международной миграции являются экономические причины, что ей присущ так называемый “цепной” характер»¹.

Безусловно, многие из идей и положений исследователя стали не столь актуальны в современном мире. Эту ситуацию можно объяснить следующим: изменился сам окружающий мир, появились новые тренды его развития, идет процесс трансформации, модернизации, информатизации социально-экономического пространства, в котором живет человек эпохи цифровизации. Кроме того, изменилась и сама наука, появились новые отрасли научного знания, методы исследования миграционных процессов. Следует обратить внимание и на еще один момент. Э. Равенштейн формулирует свои выводы относительно процессов миграции на конкретных исторических данных, а именно применительно к Великобритании конца XIX в. В это время в стране наблюдался рост численности населения, шел процесс миграции из Англии в США, Канаду и другие страны². Многие ученые считают, что методы, используемые Э. Равенштейном, а именно данные переписи населения, а также узкая эмпирическая база, не создали объективной картины миграционных процессов. Кроме того, как замечает В. А. Ионцев, сам ученый и не обратил на это внимание.

Э. Равенштейн разработал законы миграции, определяющие состояние миграционного пространства и формирующие основные характеристики мигрантов. В работе «Законы миграции» (1885) им выделяются законы миграционного процесса. Считается, что он сформулировал одиннадцать законов миграции. Однако сегодня ряд ученых на основе анализа статей исследователя доказывают, что этих законов было всего семь. Остальные

¹Ионцев В. А. Международная миграция: населения: теория и история изучения. – М.: Диалог-МГУ, 1999. – С. 73.

²Лисицын П. П., Степанов А. М. Новые законы миграции Э. Равенштайна // Социологические исследования. – 2022. – № 8. – С. 16–26.

сформулировали другие ученые, опираясь на работы Э. Равенштейна. Причем сам исследователь писал: «Я колебался, прежде чем использовать термин “закон”, и сделал это только потому, что не смог найти лучшего термина. Все, что я хотел сказать, это то, что миграция происходит по определенным правилам»¹. Очень часто ученый называет законы принципами, правилами. Среди законов миграции им выделены следующие:

- передвижение населения на короткие расстояния;
- формирование мигрантами миграционных потоков. Этот процесс протекает следующим образом: результатом перемещения мигрантов в другие местности становится образование пустых мест, которые исследователь называет «дырами», заполняющиеся мигрантами из других территорий;
- местом перемещения мигрантов в большинстве случаев становятся промышленные и торговые центры. «Жители страны, окружающие быстрорастущий город, стекаются в него, уменьшая, таким образом, плотность ближайшего сельского населения, которое, в свою очередь, пополняется мигрантами из более отдаленных районов. Это происходит до тех пор, пока притягательная сила быстрорастущего города не распространит свое влияние на самый дальний уголок королевства»²;
- большую часть мигрантов составляют жители сельских территорий, городские жители имеют менее развитые мотивационные миграционные настроения по причине более комфортных условий проживания;
- женщины более ориентированы на миграцию, нежели лица мужского пола;
- миграционные настроения детерминированы экономическими причинами (как страны прибытия, так и страны происхождения);
- миграция в большей своей части носит семейный характер.

¹ См.: Лисицын П. П., Степанов А. М. Новые законы миграции Э. Равенштейна // Социологические исследования. – 2022. – № 8. – С. 19.

² Там же. – С. 23.

В истории научного знания это была теория, рефлекслирующая миграционные процессы на территории Великобритании, давшая характеристику мигрантов конца XIX в. Данная теория актуальна для своего времени. Ее значимость сегодня заключается, на наш взгляд, не в закономерностях, сформулированных в ней, не в применяемых методологии и методах, а в следующих моментах: постановка проблемы миграции, ее актуальности для развития общества на всем протяжении его существования; как основы для дальнейшего изучения миграционной проблематики.

Как отмечают ученые, теория Э. Равенштейна, изложенная в его работах, интересна поставленными вопросами, которые актуальны и в современной действительности: кто такие мигранты, каковы их отличительные признаки, существуют ли различия между группами мигрантов, каковы причины миграции, почему важно изучать миграционные процессы?

Обращаясь к вопросам, рефлекслирующим статус мигрантов, Э. Равенштейн использует в качестве метода исследования данные переписи населения. В то же время ученый понимает, что этот метод не позволяет ответить на поставленные вопросы и дать определение мигрантам. Однако исследователь, положив в основу данные переписи, все же дает определение понятия «мигранты», рассматривая их как людей, попавших под перепись в стране прибытия, а не в стране происхождения: «...существуют переписи, которые не классифицируют население по месту рождения, а делают это только по национальности»¹. Э. Равенштейн обращает внимание на расплывчатость, не конкретность данного им определения. Эта ситуация обусловлена такими факторами, как:

– существование различных подходов к критериям переписи, в одних выделены национальность, в других – место рождения;

¹Цит. по: Лисицын П. П., Степанов А. М. Новые законы миграции Э. Равенштейна // Социологические исследования. – 2022. – № 8. – С. 21.

– использование данных переписи оставляет открытым вопрос, связанный с выделением различия между местом рождения и фактическим нахождением мигранта, а также с индикаторами этого различия. Э. Равенштейн, рассуждая об индикаторах отличия, предлагает расстояние, административное деление и др. «...путешествие длиной не более чем в 25 миль, – замечает он, – превращает любого уроженца Рутленда (Rutland) в мигранта, в то время как уроженцу Йоркшира, чтобы считаться мигрантом, может потребоваться проехать более 95 миль»¹. К другим отличным характеристикам мигрантов ученый относил объективные (расстояние, время и др.) и субъективные черты (мотивы, ценности, причины и др.).

Следующим критерием выделения мигрантов ученый называет причины миграционного процесса. Анализ данной проблематики ведется Э. Равенштейном на примере миграции на территории Шотландии и других графств Англии. Обращаясь к анализу причин миграции, исследователь выделяет в первую очередь различия между странами-донорами и странами-реципиентами, называя их пространствами «поглощения» и «рассеивания». Территории «поглощения» – это промышленные и торговые центры, притягивающие население в силу высокого уровня экономического развития, позволяющего обеспечить достойный уровень жизни, работу. Поэтому основными причинами миграции исследователь считает экономические. Население этих территорий постоянно растет, но не за счет естественного прироста, а за счет миграционного населения. Он отмечает, что «если бы уроженцев каждого графства, теперь разбросанных по всему королевству, можно было бы заставить вернуться в графства, в которых они родились, население графств поглощения уменьшилось бы, а население графств рассеяния увеличилось бы до соответствующей степени»². Немаловажную роль в данном плане играют и демографические, социальные, природные факторы. Э. Равенштейн пишет, что «дополнительные стимулы к миграции

¹ Цит. по: Лисицын П. П., Степанов А. М. Новые законы миграции Э. Равенштейна // Социологические исследования. – 2022. – № 8. – С. 21.

² Там же.

предлагаются образовательными учреждениями... благоприятным климатом... доступностью необходимых товаров»¹. Территорию рассеивания будущие мигранты покидают, по мнению исследователя, в силу следующих причин: «плохие или репрессивные законы, тяжелое налогообложение, непривлекательный климат, неблагоприятное социальное окружение»². Эти факторы порождают характеристики объектов миграционного процесса и выступают как факторы, действующие на территории поглощения как основа объединения последних в группы.

Важной причиной, заставляющей мигрантов объединяться в группы, является реакция населения общества поглощения на их прибытие. Ученый выделяет три уровня реакции (сильный, слабый и компенсирующий), которые обусловлены:

- количеством мигрантов, их обременением (семья, связь с родственниками, профессией, образованием, состоянием здоровья);
- степенью влияния мигрантов на развитие принимающей страны, степенью их интеграции, адаптации, ассимиляции.

Кроме того, Э. Равенштейн выделяет различные типы социальных групп мигрантов:

- местные мигранты, «ограничивающиеся переездом из одной части города в другую»;
- мигранты, совершающие короткие и дальние переезды;
- поэтапные мигранты (bystages), «кочующие в поисках работы с места на место»;
- временные мигранты, такие как «сборщики хмеля, студенты, заключенные, военные, туристы и пр.»;
- добровольные и вынужденные;
- образовательные и трудовые³;

¹ Там же.

² См.: Лисицын П. П., Степанов А. М. Новые законы миграции Э. Равенштейна // Социологические исследования. – 2022. – № 8. – С. 21.

³ Там же.

– внешние и внутренние¹.

Выводы Э. Равенштейна, несмотря на их привязанность к конкретным историческим условиям и времени, отрицание их значимости для современности отдельными учеными, актуальны и в современном обществе, так как открывают возможности для разработки эффективной миграционной политики, направленной на формирование мигрантами различных повседневных, профессиональных, социальных практик, оказывающих влияние на развитие общества путем «вписывания» последних в различные практики страны пребывания.

Таким образом, на формирование мигрантов, согласно концепции Э. Равенштейна, оказывают влияние как объективные, так и субъективные факторы:

- существующие в стране выбытия, влияющие на движение мигрантов;
- обеспечивающие въезд мигрантов (нормативно-правовая миграционная база, уровень и качество жизни и др.);
- личностные (мотивы, установки, образование, возрастной ценз).

В истории научного знания это была одна из первых попыток анализа мигрантов, предпринятая в конце XIX в. Выводы в форме законов, принципов, характеристик мигрантов, как правило, распространяются только на внутреннюю миграцию как объект исследований ученого. В то же время положения концепции Э. Равенштейна, несмотря на ее конкретно-историческое содержание, стали основой разработки последующих концепций миграции, основным объектом которых являются мигранты, формирующие миграционные ценности, установки, традиции в принимающей их стране.

В 1940 г. была опубликована статья С. Стоффера «Вмешивающиеся обстоятельства: теория взаимодействия подвижности и расстояния», где автор обращает внимание на факторы, оказывающие влияние на миграционные потоки и характеристики мигрантов. Ученый к числу данных

¹ Там же.

факторов, затрудняющих процесс миграции, относит транспорт, законы принимающего общества, недостаточную степень адаптации по причине негативного поведения жителей страны прибытия, плохую информированность мигрантов о стране прибытия. Среди факторов, детерминирующих процесс миграции, С. Стоффер называет расстояние, хотя не считает его определяющим, описывая взаимосвязь между количеством населения, расстоянием и будущими перспективами мигрантов в стране прибытия. Количество людей, перемещающихся на определённое расстояние, прямо пропорционально открывающемуся количеству перспектив и обратно пропорционально количеству вмешивающихся обстоятельств»¹. Результатом исследования ученым миграции стала формулировка закона промежуточных возможностей.

В отличие от модели «вмешивающихся» факторов миграции С. Стоффера, гравитационная модель Д. К. Зипфа рассматривает расстояние как условие, влияющее на интенсивность миграционного потока, раскрывает взаимосвязь между мобильностью, дистанцией и количеством населения. «Мы подчеркиваем, – пишет он, – важность фактора расстояния, поскольку для перемещения людей на разные дистанции требуется разная работа, а согласно нашей теории, эта работа должна быть сведена к минимуму»². В основе теории ученого лежит принцип наименьших усилий, который он применяет при анализе миграционного процесса. Такой подход позволил Д. К. Зипфу сформулировать положение о предпочтении мигрантами перемещения на более короткие расстояния, поскольку они связаны с меньшими материальными затратами. «Человек, – пишет Дж. Зипф, – стремится решить текущие проблемы наименьшим трудом, при этом пытаюсь свести вероятные будущие проблемы к минимуму»³.

¹См.: Василенко П. В. Зарубежные теории миграции населения // Псковский регионологический журнал. – 2013. – № 16. – С. 38.

²См.: Лисицын П. П., Орлова Н. А., Степанов А. М. Миграционное поведение: принцип снижения трудозатрат Дж. Зипфа // Социологический журнал. – 2022. – Т. 28, № 3. – С. 76.

³Там же.

Однако это вовсе не означает, что ученый абсолютизирует данную позицию. Он считает, что миграционные действия, их расстояние зависят от имеющейся информации. Для подтверждения данного тезиса исследователь проводит подробный анализ существующей в его распоряжении информации: «...применяет контент-анализ статей, в том числе некрологов, газеты «Чикаго Трибьюн» (Chicago Tribune) за период с января 1937 г. по апрель 1940 г.»¹. Следующим источником информации о перемещении служат данные статистики о количестве пассажирских железнодорожных перевозок², а также восприятие расстояний на основе изучения данных телеграмм и телефонных переговоров.

В работе «Теория взаимозависимости мобильности и расстояния» С. Стоффер поднимает вопрос о мигрантах как социальной группе. Он пишет о субъектности мигрантов, складывающейся на основе их профессий, личностных воззрений, а также доступности информации. Д. К. Зипф пишет о таких характеристиках социальной группы, как индивидуальная субъектность и групповая субъектность, ограничивая постановку данной проблематики только ситуацией принятия решения о миграции. Он выделяет такие характеристики мигрантов, как одинаковые цели, действия на основе общих правил поведения: «...несколько совершенно неорганизованных людей становятся социальной группой в том смысле, что они преследуют одинаковые цели, придерживаясь одинаковых правил поведения»³. Обращаясь к проблематике мигрантов как социальной группы, ученый не дает ответа на вопрос: являются ли данные образования группой? В то же время Д. К. Зипф пишет о том, что «экономическое поведение отдельного человека влияет на экономику группы, равно как и экономика группы влияет на отдельного человека»⁴. Исследователь подчеркивает, что мигрантов объединяет восприятие общих целей миграции, осознание себя и как

¹ См.: Лисицын П. П., Орлова Н. А., Степанов А. М. Миграционное поведение: принцип снижения трудозатрат Дж. Зипфа // Социологический журнал. – 2022. – Т. 28, № 3. – С. 76.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

потребителей, и как производителей. Это дает основания, по мнению ученого, для трактовки мигрантов как социальной группы. Хотя решение о миграции каждый человек принимает индивидуально.

Таким образом, Д. К. Зипфом был поставлен вопрос о рассмотрении мигрантов как социальной группы, проблемы, которая до сих пор остается дискуссионной среди ученых в силу трансформационных процессов, сопровождающих каждую эпоху в истории человечества. Дискуссия ведется в двух направлениях: есть ли основания рассматривать мигрантов как социальную группу, каковы критерия ее выделения; идентифицируют ли себя сами мигранты как социальную группу.

В 60-х гг. XX в. ученым Э. С. Ли была создана теория Pull-Pushfactors, рефлексирующая характеристики мигрантов в аспекте факторов, стимулирующих и сдерживающих миграцию. Данный подход рассматривает мигрантов в контексте факторов, детерминирующих их существование в стране прибытия. Ученый выделяет две группы факторов:

- 1) позитивные (привязанность к территории, дому, коммуникационные родственные связи и др.);
- 2) негативные (трудности, которые возникают при переезде на новую территорию, в большинстве случаев это адаптационные проблемы).

Притягивающие и выталкивающие факторы исследователь подразделяет на действующие, на территории происхождения мигрантов и территории прибытия. По мнению ученого, деление факторов на позитивные и негативные весьма условно, так как зависит от уровня и качества жизни мигрантов, их субъективных характеристик.

Другая группа факторов, оказывающих воздействие на миграционный процесс, его объекты – это «вмешивающие» препятствия и ограничения, возникающие между принимающей и выталкивающей странами. К числу «вмешивающих» факторов Э. С. Ли относил уровень жизни мигрантов, формирующий следующую группу факторов: расстояние между странами, возможность использования транспорта, стоимость жилья и др. Для одних

мигрантов это легко преодолеваемые трудности, для других – барьеры, которые невозможно преодолеть.

Анализ позитивных и негативных факторов миграции, вмешивающихся препятствий позволил ученому создать модель миграции как баланса сил притяжения и выталкивания, где основным объектом становится мигрант. По его мнению, притягивающие и выталкивающие факторы субъективны, формируют субъектность мигранта. Среди этих факторов Э. С. Ли называет уровень образования, уровень жизни, возрастной ценз, условия проживания, эмоциональную составляющую. Притягивающие факторы территории прибытия: уровень экономического развития, отношение населения к мигрантам, безопасность, возможность получения работы, образования. Выталкивающие факторы территории выбытия: безработица, низкий уровень жизни, военные действия, политическая нестабильность, плохая экология. Сама миграция как процесс трактуется ученым как перемещение людей под влиянием притягивающих и выталкивающих факторов.

Э. С. Ли обращает внимание на то, что среди факторов, детерминирующих миграционные процессы, большое значение при принятии решения о миграции имеет эмоциональная оценка страны прибытия их соотечественниками, живущими в странах-реципиентах. В большинстве случаев, с точки зрения исследователя, именно эмоциональная уверенность и социальная вовлеченность становятся основными факторами, притягивающими мигрантов¹.

В рамках концепции Э. Ли обращает внимание на то, что влияние факторов притяжения и выталкивания может быть разным. Так, для высокообразованных людей, имеющих достойное качество жизни, обладающих высоким интеллектуальным потенциалом, первостепенное значение будут иметь следующие факторы притяжения: условия для самореализации, комфортная социальная и культурная окружающая среда, социальная безопасность и др. Выталкивающие факторы будут значимыми

¹Lee E. S. A Theory of Migration // Demography. – 1966. – Vol. 3, no. 1. – P. 47–57.

для малообразованных лиц, имеющих низкую профессиональную квалификацию, низкий уровень жизни. Следует отметить, что эти факторы детерминируют формирование социальных групп мигрантов в принимающей стране.

Таким образом, в рамках теории Э. С. Ли акцент сделан на субъектность мигранта, которая, с одной стороны, детерминирована всем ходом развития общества, а с другой – формирует личностные качества субъекта миграционного процесса.

Проблематика факторов, влияющих на миграционный процесс, получила свою рефлексию в трудах российских ученых (А. А. Рыбаковский, В. М. Моисеенко, М. С. Блинова, С. В. Рязанцев, Т. И. Заславская, В. А. Ионцев, И. В. Ивахнюк и др.). Следует обратить внимание, что в российской научной среде истоки анализа факторов миграции уходят ко второй половине XIX в. (В. Н. Григорьев, И. А. Гурвич, А. А. Кауфман и др.). Объектом исследования ученых были крестьянские переселения.

Теория сегментированного рынка М. Пиоре (1979) представляет собой новый взгляд на мигрантов как группу, отдельную личность, на причины миграции, их занятость. В концепции ученого рынок труда поделен на два сектора: первичный и вторичный. В первичном секторе используется труд высококвалифицированных профессионалов, получающих за него достойную заработную плату, имеющих социальные гарантии, комфортные условия жизнедеятельности, возможность карьерного роста, активно вписывающихся в принимающее общество. Миграцию данной группы называют «утечкой умов». Во вторичном секторе используется труд мигрантов с низкой квалификацией. Принадлежность мигрантов к первичному или вторичному секторам во многом определяет их специфические характеристики.

М. Пиоре обращает внимание на мотивы миграционного процесса. Приоритет в формировании мотивов миграции ученый отдает не выталкивающим факторам, а притягивающим. Среди притягивающих

факторов он называет потребность страны-реципиента в иностранной рабочей силе.

По мнению ученого, доминирующим фактором миграции является не столько низкий уровень жизни, невозможность удовлетворения потребностей, хотя и эти факторы не исключаются. В большей степени ими становятся притягивающие условия в принимающей стране, испытывающей острую потребность в иностранной рабочей силе, которую активно привлекают в секторы экономики, где существует низкая заработная плата, отсутствует возможность карьерного роста, а также социальные гарантии. Эти факторы отталкивают от этой отрасли местное население, которое предпочитает осуществлять профессиональную деятельность в других сферах, обеспечивающих высокий уровень заработной платы, комфортные условия труда, достойный уровень качества жизни. Занятость в сфере услуг во вторичном секторе, если следовать положениям теории М. Пиоре¹, формирует такие характеристики мигрантов, как отсутствие карьерного роста, неудовлетворенность реализацией личностных потребностей. Как правило, с точки зрения ученого, труд мигрантов, имеющих низкий уровень квалификации, используется в тех отраслях, где существует низкая заработная плата, некомфортные условия труда. Данная группа мигрантов не воспринимает себя частью принимающего общества, ориентирована только на получение заработной платы. Рассматривая заработную плату как индикатор, рефлексирующий социальный статус, престижность профессии, М. Пиоре приходит к выводу, согласно которому привлечение труда мигрантов с низкой профессиональной квалификацией очень выгодно для экономики развитых стран, так как эти мигранты не требуют социальных гарантий, согласны с любыми условиями труда.

Давая характеристику секторов рынка, П. Дерингер и М. Пиоре пишут: «Первичный рынок труда характеризуется высокой заработной платой, хорошими и безопасными условиями труда, устойчивостью рабочих мест,

¹Piore M. Unemployment and Inflation: Institutional and Structuralist Views. – N. Y.: Sharpe Press, 1979. – 256 p.

возможностями карьерного роста, включением сотрудников в решение проблем и т. д. Вторичный рынок труда определяется противоположностью первичного рынка труда. Здесь доминирующими характеристиками являются следующие: низкая заработная плата, плохие условия труда, высокая текучесть кадров, частая безработица, ограниченные возможности карьерного роста, низкие требования к квалификации»¹. В настоящее время в структуре рынка труда учеными выделяется еще один сектор – анклавный, где трудятся нелегалы и мигранты-соотечественники у хозяина-иммигранта. Это особая социальная группа с низкой оплатой труда, прямой зависимостью от хозяина, нелегальным положением, ориентированная на удовлетворение материальных потребностей, не нацеленная на адаптацию в стране, имеющая ограниченный круг общения.

Согласно положениям данной теории, мигранты, образующие второй и третий сектор, вряд ли могут стать успешными в принимающей стране в силу сегментированной структуры экономики, существующего противоречия между трудом и капиталом в развитых промышленных странах. В названной теории существует противоречие: если мигрант покидает страну происхождения по материальным соображениям, в связи с низким уровнем жизни, плохими жизненными условиями, то в принимающей стране (в силу сферы своей занятости) он эту проблему не решает. В то же время, если причинами миграции стали политическая нестабильность, военные действия, положения теории могут получить свою рефлексию в жизнедеятельности мигрантов.

Таким образом, формирование характеристик мигрантов М. Пиоре рассматривает, исходя из сферы их занятости в экономике принимающей стороны. При этом им выделяются две социальные группы мигрантов. Первая объединяет высококвалифицированные кадры, осуществляющие профессиональную деятельность в первичном секторе. Во вторую группу

¹ См.: Азимова М. Т. Особенности функционирования сегментарного рынка труда: дис. ... канд. экон. наук: 08.00.05. – Душанбе, 2018. – С. 26.

входят мигранты с низкой квалификацией, работающие во вторичном и анклавном секторах.

В работах представителей российской науки (Т. И. Заславская, Л. Л. Рыбаковский и др.) акцент сделан на различия в уровне жизни как причины миграции населения. Миграция носит постоянный характер, так как в жизнедеятельности личности всегда существует противоречие между потребностями и невозможностью их удовлетворения в данный момент в определенном территориальном пространстве. Именно это противоречие и формирует мотивы, стремление к смене места жительства. Российские исследователи миграции обращают внимание и анализируют экономические причины миграционного настроения. Миграция рассматривается как процесс социального взаимодействия, результатом которого становится изменение объективных и субъективных характеристик действующих субъектов как основы объединения их в новые социальные группы. В рамках поведенческого подхода Т. И. Заславская доказывает, что на формирование социальных групп мигрантов оказывают влияние не только внешние причины миграции, но и рефлексия их в сознании населения.

Миграция как сложный, противоречивый процесс получила свое освещение в концепции Л. Л. Рыбаковского¹. Ученый выделяет три стадии миграционного процесса: исходную, где формируется подвижность населения; основную – сам процесс перемещения; заключительную – укоренение. Последняя стадия характеризуется вовлечением мигрантов в социокультурную среду принимающего общества. Основным фактором, детерминирующим миграционный процесс, определяющим характеристики мигрантов, ученый считает мотивацию, пронизывающую все этапы миграции. В новом пространстве мигрант выстраивает линии поведения: либо «приживаемость» (Л. Л. Рыбаковский), либо «приспособление» (Л. Л. Рыбаковский). В российской науке данные понятия различаются

¹Рыбаковский Л. Л. История и теория миграции населения. Кн. 2: Миграция населения: явление, понятие, детерминанты. – М.: Изд-во «ЭконИнформ», 2017. – 234 с.

содержанием, оценкой поведения мигрантов на новом месте жительства. «Приспособление» – внешнее изменение поведения людей под влиянием норм и правил общества прибытия. Причем ученый отмечает, что данная форма вписывания имеет односторонний характер, тогда как «приживаемость» предполагает принятие традиций и ценностей нового жизненного пространства; сохранение идентичности прибывших как со стороны мигрантов, так и со стороны принимающего общества¹.

К. Девис, Ю. Арутюнян подчеркивают двухсторонний и социокультурный характер миграционного процесса. Их позиция исходит из следующих аргументов: миграция неотделима от всех процессов, протекающих в обществе, в том числе от социальных и культурных; культура является одним из способов вписывания мигрантов в принимающее общество.

Несколько в ином аспекте рассматривается проблема «вписывания» мигрантов в принимающее общество в теории сегментированной ассимиляции А. Портеса и М. Чжоу². В основу создания социальных групп мигрантов положены либо социальный статус, либо этничность, которые порождают различные варианты интеграции. Первый – интеграция в средний класс, что свидетельствует об успешности мигранта; второй – интеграция в класс, имеющий низкий уровень жизни, что ведет мигранта к бедности. Результатом третьего типа будет создание этнических обществ, сохраняющих национальные традиции, язык, культуру. «Это и есть “сегментная ассимиляция”, которая учитывает ряд индивидуальных и контекстуальных факторов (образование, знание языка, возраст иммигрантов, расовый статус, социально-экономическое положение семьи) и пытается определить, в каком сегменте принимающего общества определенная группа иммигрантов может интегрироваться»³:

¹Рыбаковский Л. Л. История и теория миграции населения. Кн. 2: Миграция населения: явление, понятие, детерминанты. – М.: Изд-во «ЭконИнформ», 2017. – 234 с.

²Portes A., Zhou M. The New Second Generation: Segmented Assimilation and Its Variants // The Annals of the American Academy of Political and Social Science. – 1993. – Vol. 530. – P. 74–98.

³Эндрюшко А. А. Теоретические подходы к изучению адаптации мигрантов в принимающем обществе: зарубежный опыт // Вестник Института социологии. – 2017. – Т. 8, № 4. – С. 52.

– существует множество различий в процессе адаптации разных социальных групп мигрантов (квалифицированные, неквалифицированные, студенты-мигранты, внутренние мигранты);

– уровень адаптации к новой жизни зависит от мотивов миграции, социальных контактов, социальных связей.

По мнению А. Портеса и М. Чжоу, развитие и улучшение транспортной инфраструктуры является важным фактором миграционного процесса.

Следует обратить внимание на то, что их концепция основана на результатах эмпирического исследования, что дало возможность сформулировать ряд теоретических выводов:

– среди всех видов адаптации (экономическая, политическая, психологическая) преобладает межличностная;

– на процесс адаптации оказывают влияние СМИ, социальные и личные связи, участие в общественной жизни, в то время как место проживания не влияет на данный процесс.

В теории Х. Эссера, получившей название теории ценностей и ожиданий, акцент сделан на субъективных характеристиках мигранта. По мнению ученого, мигрант из существующих альтернатив выбирает ту, которая в большей степени соответствует его ожиданиям и ценностям. Этот выбор основан на экономических, политических и психологических факторах, что позволяет личности сделать выбор между возможными затратами и ожиданиями. Именно решение о миграции принимает сам индивид на основе субъективных оценок и полученной субъективной информации.

Достоинство данной теории состоит в выделении активности самого мигранта, принимающего решение о миграции. В отличие от других теорий, делающих ставку на условия, факторы, детерминирующие принятие решения о миграции, в теории Х. Эссера в первую очередь обращается внимание на

личность самого мигранта, формирующего самостоятельный выбор¹. Эта же мысль проводится и в работе Ф. Хекманна². В концепции абсолютизируются субъективные причины выбора личностью решения о миграции. В то же время миграция есть многомерный всеохватывающий процесс, включающий разные стороны жизнедеятельности личности и во многом определяющий ее миграционную стратегию. На этот аспект проблемы обращает внимание И. В. Ивахнюк. «Решение о миграции всегда ...принимается на микроуровне – на уровне индивида, семьи, домохозяйства. Однако на принятие этого решения оказывают воздействие многочисленные обстоятельства, в рамках которых действуют индивиды, семьи и домохозяйства ...отдельные лица редко принимают решения относительно миграции и направления миграции в полном вакууме, а заработки иммигрантов или переводы денежных средств эмигрантами часто аккумулируются в хозяйствах семейств»³. Этой же позиции придерживается и российский ученый В. Мукомель, считающий, что решение о миграции принимается семьей, домохозяйством, а не самим индивидом⁴.

Последствия миграции не только сказываются на непосредственных участниках процесса передвижения, но и затрагивают все структуры, в которых они существовали до и после акта миграции, включая оставленный населенный пункт и страну, принимающее общество, государство назначения, а в определенном смысле и сложившиеся мирохозяйственные связи. Если миграции имеют массовый характер, эти взаимодействия проявляются особенно заметно⁵.

Объектом анализа в концепции новой экономической миграции О. Старка становятся домохозяйства, а не отдельный индивид. В данном случае

¹Esser H. Does the "New" Immigration Require a "New" Theory of Intergenerational Integration? // *International Migration Review*. – 2004. – Vol. 38, no. 3. – P. 1126–1159.

²Heckmann F. *Integration von Migranten. Einwanderung und neue Nationenbildung*. – Heidelberg: Springer VS, 2015. – 309 p.

³*Migration Theory: Talking across Disciplines* / ed. by C. B. Brettell, J. F. Hollifield. – New York, 2000.

⁴Мукомель В. *Миграционная политика в России*. – М.: ИС РАН, 2005.

⁵Ивахнюк И. В. Развитие миграционной теории в условиях глобализации // *Век глобализации*. – 2016. – № 1–2. – С. 26–43.

решение о миграции принимается с учетом не только выгод, но и возможных рисков, которые могут минимизировать домохозяйства, оказывая поддержку своим членам, получившим статус мигрантов путем перераспределения ресурсов. С другой стороны, домохозяйства могут получать поддержку со стороны мигрантов в форме денежных переводов как условие повышения жизненного уровня. Теория О. Старка¹ опровергла положение представителей неоклассической теории миграции М. Фридмана и П. Самуэльсона, в рамках которой движущим фактором миграции является стремление мигранта повысить свой уровень жизни. Если уровень жизни в стране выбытия становится таким же, как и в стране прибытия, то, по мнению ученых, миграция не прекращается, так как существуют другие факторы, которые становятся более значимыми. Очевидно, что выравнивание заработной платы в странах убытия и прибытия сводит на нет данный мотив миграционного поведения населения. По мнению О. Старка, одной из причин миграции в современном социуме становится ориентация на повышение своего социального статуса, что усиливает значимость социальной группы в реализации данной стратегии. Этой же позиции придерживаются М. Кастельс, А. Портес, Т. Файст, Н. Ван Хи. Ученые утверждают, что если миграция – явление социальное в первую очередь, то движение мигрантов во многом зависит от связей между странами и миграционных сетей. В. М. Моисеенко считает, что, принимая решение о миграции, индивид рассматривает ее как своеобразную форму инвестиции в свое будущее, и не всегда стремление к повышению материального дохода может стать приоритетной причиной миграционного выбора. Выбор решения обусловлен самой квалификацией индивида, возможностью преодолеть необходимые затраты при переезде, причем не только материальные (отсутствие заработной платы во время переезда, поиск жилья, расходы на транспорт и др.) и институциональные (получение новой профессии, изучение нового

¹ Stark O. Tales of Migration without Wage Differentials: Individual, Family and Community Contexts: ZEF Discussion Paper on Development Policy No. 73. University of Bonn: Center for Development research. – Bonn, 2003. – 15 p.; Stark O. The Migration of Labour. – Oxford: Blackwell, 1991. – 406 p.

языка, трудовая адаптация, вписывание в новые институты жизнедеятельности), но и психологические, эмоциональные (ослабление связей с родиной, формирование нового образа жизни, принятие ценностей страны притяжения). Ученый обращает внимание на то, что достаточно трудно выделить причины и факторы миграции, уложить их в предлагаемую схему: притягивающие – отталкивающие факторы.

Новые факты, явления, тенденции сформировали современные миграционные процессы, требующие совершенно другого, созвучного времени научного осмысления.

В настоящее время широкое распространение получила теория экологической миграции как ответ на изменение окружающей людей среды проживания под воздействием новых технологий, четвертой промышленной революции. Именно состояние экологии заставляет людей менять свое место жительства. Обращаясь, к проблемам экологической миграции, китайские ученые связывают ее возникновение только с экологическими факторами, а не с экономическими, такими как «...изменение методов производства, промышленных структур, развитие транспорта, освоение новых территорий и такими как война, религиозная деятельность и т. д.)»¹. Причем, по мнению ученых, на территориях экологического неблагополучия именно состояние природного пространства становится источником миграции, так как в этих зонах численность населения значительно превышает возможности региональной экологической системы, которая выталкивает людей за свои пределы. Представители данной теории рассматривают миграцию как позитивный процесс, который позволяет сохранять и восстанавливать окружающую среду; снижает давление на природный ландшафт определенного региона. В основе этих выводов лежит анализ ситуации в районах истоков трех рек (Янцзы, Хуанхэ и Ланьцан). В то же время, нельзя дать однозначную оценку последствий экологической миграции, которая

¹ 百度百科 = Китайская онлайн-энциклопедия «Байду байк». – URL: <https://baike.baidu.com/item/%E7%94%9F%E6%80%81%E7%A7%BB%E6%B0%91/1115316?fr=aladdin> (дата обращения: 11.08.2023). – Текст: электронный.

может обеспечить повышение уровня и качества жизни населения, а с другой – увеличить количество бедных слоев населения, способствовать росту безработицы, необходимости обязательной адаптации в новой среде.

Эволюционный подход к характеристике мигрантов отражен в концепции трёх стадий миграционного процесса (Т. И. Заславская, Л. Л. Рыбаковский). Показано, что миграционный процесс включает в себя момент выбытия, саму миграцию и прибытие. На каждой из этих стадий действует мигрант, вступающий в разные социальные отношения, которые и детерминируют его характеристики.

Сегодня, в условиях цифровизации общества, изменились коммуникации мигрантов с родиной. До начала информатизации переезд мигрантов на новое место жительства означал медленный разрыв и ослабление отношений с родственниками, полное вхождение в новое социальное пространство, образование новых социальных связей, принятие новых ценностей, а также утрату своей идентичности. В настоящее время, в условиях активного развития интернета, коммуникации мигрантов со страной выбытия стали более прочными, что оказывает влияние на их процесс адаптации в новой стране. Мигранты начинают ощущать себя как социальная группа, создавать различные союзы, объединения, стремятся сохранить свою идентичность. Эти процессы, их интерпретация нашли отражение в концепциях транснационализма, социальных сетей, образуемых мигрантами.

Среди российских ученых, обративших внимание на информированность как один из факторов миграции, можно назвать В. В. Покшишевского. Информированность понималась им как наличие знаний о месте переезда, а также наличие родственных или дружеских связей¹.

¹Рыбаковский Л. Л. История и теория миграции населения. Кн. 2: Миграция населения: явление, понятие, детерминанты. – М.: Изд-во «ЭконИнформ», 2017. – 234 с.

Создание теории транснационализма связано с именами Ш. Глика, С. Каслза, А. Портеса и Т. Файста. Возникновение данной теории объективно обусловлено:

- ростом миграционных потоков;
- появлением новых видов миграции;
- изменением характеристик мигрантов как индивидов и как социальной группы, их роли, как во внутреннем, так и во внешнем пространстве;
- такими факторами, как война, религиозная деятельность и т. д.)¹.

С именем А. Портеса связано распространение концепции транснационализма. Именно ему, как отмечают исследователи, принадлежит введение в научный оборот понятия «социальные поля», которые формируются новой группой мигрантов. Эта группа разговаривает на двух или более языках, имеет жилье в двух странах, через информационные сети поддерживает постоянные связи со страной исхода, создает и новые транснациональные практики (связь с родиной, постоянные поездки домой, денежные переводы, двойное гражданство и др.). По мнению ученого, транснациональные мигранты – это особая группа, формирующая и особые социальные практики, поэтому не всех мигрантов в современном обществе можно отнести к данной группе.

Перед создателями концепции транснационализма стояла задача дать теоретическое обоснование, описание фигуры, образа мигранта в новых условиях. Мигрант в современном пространстве выступает носителем двух и более идентичностей: он принадлежит своей стране и стране своего нового местонахождения². Поддерживая какое-либо религиозное, культурное, политическое движение, он входит в состав еще одной социальной группы. В данной теории акцент сделан на анализе процессов глобализации, развитие

¹ 百度百科 = Китайская онлайн-энциклопедия «Байду байкэ». – URL: <https://baike.baidu.com/item/%E7%94%9F%E6%80%81%E7%A7%BB%E6%B0%91/1115316?fr=aladdin> (дата обращения: 11.08.2023). – Текст: электронный.

² Кочеткова Л. Ю. Транснациональная миграция: понятие, условия развития и последствия // Географический вестник. Социальная и экономическая география. – 2013. – № 2. – С. 25.

которых приводит к ослаблению национальных государств, снижает возможность управления этническим населением страны. «Распространение групп, входящих в политические, экономические, социальные и культурные “поля” более чем одной страны, является помехой гомогенизации, ведет к увеличению разнообразия и мобильности населения, а также к появлению нового уровня национализма – групп со сложной и многослойной идентичностью»¹. Трансмигрант может участвовать в политической, экономической жизни двух стран, ощущая себя их гражданином.

Основными понятиями данной концепции являются «трансмигрант» и «транснационализм», «транснациональная социальная группа». Транснационализм – это социальный процесс, результатом которого является создание специфических социальных полей, лишенных географических, политических, государственных границ. Ш. Глик опровергла положение, согласно которому социальные группы мигрантов – это локализованные образования, которые не могут вписаться в новое общество, не пережив процесса ассимиляции. В концепции транснационализма существует новый вид мигранта, новый вид миграции – трансмигрант, транснациональная миграция как «повторяющееся или привычное движение индивидов через международные границы в качестве части их устоявшейся экономически выгодной деятельности, политической или культурной жизни»². Новая фигура мигранта живет в «транснациональном социальном пространстве», социальные сети которого формируют делокализованные, инновационные элементы, фрагменты национальной идентичности, жизненные стратегии и траектории.

Все эти процессы не предполагают ассимиляции в культуру принимающего общества. Результатом такого вида миграции становятся

¹Саманчина Ж. Б. Обзор классических и современных западных теорий миграции // Известия вузов. – 2012. – № 6. – С. 209.

²Блинова М. С. Глобальные миграционные процессы в современных теориях миграции (социологический аспект) // Миграция и социально-экономическое развитие стран региона Балтийского моря: материалы междунар. конф. (Светлогорск, 5–7 июня 2008 г.) / под ред. Л. Л. Емельяновой, Г. М. Федорова. – Калининград, 2008. – С. 278.

образования, существующие вне времени, вне пространства и вне территории. Социальное пространство, в котором находится мигрант, позволяет ему поддерживать связи с родиной и принимающим обществом. Мигрант находится одновременно в двух или более мирах, создает социальные группы в стране выбытия и образует новые социальные группы в принимающей стране. Т. Файст считает, что результатом процесса является образование трех типов транснациональных пространств, а именно транснациональных сетей, сообществ и групп¹. Именно им была разработана идея транснациональных пространств. Т. Файст пишет, что они включают «комбинации социальных и символических полей и их контекстов, позиций в социальных сетях или организациях, или сетях организаций, которые распространяются на два или более национальных государств»². В то же время в ракурсе данной проблематики возникает вопрос о новом виде адаптации мигрантов, принадлежащих к двум разным государствам. Хотя Е. А. Островская подчеркивает, что в рамках данной теории речь должна идти о «детерриторизированном национальном государстве»³ – пространстве вненациональных границ. По мнению Р. Смита, одна из характеристик мигрантов такая как принадлежность к двум обществам не есть равная принадлежность. Так, «локальная и национальная американская идентичность [у второго поколения иммигрантов], скорее всего, станет главной, а принадлежность к этнической общине – вторичной»⁴. Хотя, как подчеркивается учеными, такой жесткой альтернативы между идентичностью мигранта на родине и идентичностью страны прибытия нет. Вновь сформированная идентичность необязательно является альтернативой исходной идентичности. Мигрант может одновременно испытывать сильное

¹Faist T. Transnationalization in International Migration: Implications for the Study of Citizenship and Culture // *Ethnic and Racial Studies*. – 2000. – Vol. 23, no. 2. – P. 194–196.

²Faist T. Transnationalism // *Routledge International Handbook of Migration Studies* / eds. S. J. Gold, S. J. Nawin. – L.: Routledge, 2013. – P. 449–459.

³ Островская Е. А. Транснациональные пространства глобальных межкультурных взаимодействий: методология социологического изучения // *Журнал социологии социальной антропологии*. – 2013. – № 2. – С. 172.

⁴Smith R. Transnational Migration, Assimilation, and Political Community // *The City and the World: New York's Global Future* / eds. M. E. Crahan, A. Vourvoulias-Bush. – New York: Council on Foreign Relations, 1997.

чувство принадлежности к «исходному» обществу и вместе с тем, ассимилируясь в принимающем обществе, столь же сильно стремиться идентифицировать себя с ним. Обе идентичности могут сосуществовать друг с другом, но также могут формироваться различные кризисные типы социальной идентичности, создающие предпосылки для нарастания напряжённости, как в принимающих обществах, так и странах-донорах»¹.

Представители данной социальной группы являются носителями двух или ряда идентичностей, с которыми индивид или группа находятся во взаимодействии.

Характеристики транснациональных групп мигрантов весьма разнообразны, что позволяет говорить о том, что эти группы могут создаваться на основании лишь отдельных критериев. Учеными выделены следующие характеристики данной группы:

- ценности, нормы и правила, смыслы, разделяемые всеми членами;
- обмен услугами и благами, материальными, культурными и интеллектуальными ресурсами, денежные переводы, общение через интернет;
- двуязычие, владение языком принимающей страны;
- квалифицированная профессиональная деятельность и др.

Отличительной чертой данных мигрантов является несоотнесенность идентичности ее членов со страной их выбытия.

Примером группы транснациональных мигрантов могут служить китайские мигранты, проживающие на территории других государств.

В рамках теории миграционных цепей (Д. Гурак, Ф. Кейсес, Д. Массей, А. Симмонс) акцент сделан на «сообществе мигрантов» как основном участнике миграционного процесса. «Сообщество мигрантов» включает мигрантов и бывших мигрантов, складывающиеся между ними отношения,

¹ Петров В. Н., Заславская М. И., Ракачев В. Н., Ракачева Я. В. Социальная идентичность в условиях транснациональной миграции: теоретические конструкции социологического исследования // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия «Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология». – 2022. – Вып. 1. – С. 117.

базирующиеся на родственных и дружественных связях. Причем данное сообщество поддерживает миграционный процесс¹. Социальные сети понимаются как межличностные отношения между самими мигрантами и жителями страны убытия, родственниками, друзьями, семьями. Д. Массей рассматривает сети как формы социального капитала. Социальный капитал позволяет снижать риски и издержки в процессе миграции, а с другой стороны, денежные переводы в страны убытия поддерживают уровень жизни семей, а также становятся вкладом в экономику страны исхода.

Синтетическая теория Д. Массея представляет собой рефлексию миграционного процесса как целостного, структурного образования, результат происходящих в мире изменений. Д. Массей, создавая свою теорию, использовал достижения многих миграционных концепций. «Ученые в сфере социальных дисциплин подходят к изучению проблемы не через одну разделяемую парадигму, а через различные теоретические точки зрения, разделенные между дисциплинами, регионами и идеологиями. В результате исследование предмета имеет тенденцию сужаться, часто неэффективно, и характеризуется повторами, отсутствием коммуникации, повторными открытиями и спорами об основах и принципах. Только когда исследователи примут общие теории, понятия, инструментарий и стандарты, знания будут аккумулироваться»². В синтетической теории Д. Массея³ миграция рассматривается как результат изменений, происходящих как в принимающем, так и выталкивающем обществах во всех сферах жизнедеятельности. Ученый обращает внимание на то, что в процессе выбора решения о миграции доминируют, как правило, факторы притягивающие. Причем их значимость усиливается благодаря наличию информационно-коммуникационных сетей, предоставляющих возможность сохранения

¹Ионцев В. А. Международная миграция: населения: теория и история изучения. – М.: Диалог-МГУ, 1999. – Вып. 3. – С. 117.

² См.: Карпов Ю. Ю., Капустина Е. Л. Горцы после гор. Миграционные процессы в Дагестане в XX – начале XXI века: их социальные и этнокультурные последствия и перспективы. – СПб., 2012. – С. 13.

³Массей Д. Синтетическая теория международной миграции // Мир в зеркале международной миграции / гл. ред. В. А. Ионцев. – М.: МАКС-Пресс, 2002. – Вып. 10. – С. 161–174.

постоянного контакта с соотечественниками. Д. Массей считает, что устойчивость потока миграции обусловлена не только низким уровнем жизни и стремлением его повысить, но и наличием информационных сетей, позволяющим мигрантам поддерживать связь с родиной. Именно информационные сети в современном мире обеспечивают и детерминируют миграционные потоки.

Теория социальных сетей Дж. Барнса¹ формирует новый взгляд на мигрантов, факторы, детерминирующие миграционный процесс. Им впервые введен термин «социальные сети» в работе «Классы и собрания в норвежском островном приходе». Применительно к мигрантам ученый дает определение социальных сетей как совокупности связей, возникающих между мигрантами и иммигрантами в странах прибытия и выбытия. По мнению ученого, социальные сети – это специфическая форма социального капитала, позволяющая мигрантам, с одной стороны, снижать различного рода риски миграции, а с другой – получать выгоды. Социальные сети позволяют мигрантам легче адаптироваться на новом месте жительства, получая сведения о нем, а также сохранять связи с территорией своего проживания. Под влиянием социальных сетей как новой формы общения мигрантов формируются новые социальные группы, имеющие временный характер, и постоянные, основанные на связи с родственниками, страной происхождения.

Выводы. Возникновение новых феноменов миграционного процесса, вызванных к жизни самими процессами развития общества, актуализировало формирование иных концепций миграции, опирающихся на предыдущий научно-исследовательский опыт и объективные реалии современности.

В первом параграфе представлены различные теоретико-методологические подходы к исследованию мигрантов в рамках описания причин и факторов миграции. Показано, что причины, детерминирующие миграционные процессы, становятся основой формирования характеристик

¹ Barnes J. A. Class and Committees in Norwegian Island Parish // Human Relations. – N. Y.: HafnerPress, 1975.

мигрантов в странах прибытия. Среди причин миграции учеными выделяются как объективные (экономические, политические, социальные трансформации, происходящие в социуме и др.), так и субъективные (личностные, мотивационные и др.). Э. Равенштейн выделил четыре группы факторов, оказывающих влияние на миграционный процесс, действующих: в стране проживания мигранта; на этапе перемещения мигранта; в стране прибытия мигранта; личного характера или же системы предпочтений личности¹.

Л. Л. Рыбаковский в качестве причины миграции называет мотивацию к передвижению, которая присутствует на всех трех стадиях миграционного процесса, выделенных в концепции ученого.

В рамках теории Д. Массея выделяется фактор, оказывающий влияние на принятие решение о миграции. Таким фактором становятся миграционные сети, формирующие сообщества мигрантов, взаимодействующие на основе информационных технологий в процессе межличностных контактов, которые играют роль факторов, притягивающих и отталкивающих мигрантов.

Характеристики мигрантов носят эволюционный характер, они обусловлены историческими процессами, происходящими в обществе. В частности, в современном мире сформировалась новая группа мигрантов – транснациональные мигранты. Эта группа мигрантов формирует новое миграционное и социальное пространство, создает новые социальные сети, позволяющие им функционировать в нескольких сообществах. Подчеркивается, что одной из характеристик группы мигрантов – трансмигрантов – является обязательное наличие и поддержание семейных, экономических, социальных, организационных, религиозных и политических отношений, пересекающих границы национальных государств.

На разных стадиях миграционного процесса, в разное историческое время меняются и характеристики мигрантов, как целостного субъекта

¹См.: Ионцев В. А. Международная миграция населения: теория и история изучения. – М.: Диалог-МГУ, 1999. – Вып. 3. – С. 16.

миграционного процесса, а также факторы, детерминирующие актуальность миграции (цель, средства, сферы деятельности, уровень материального благосостояния, идентичность, информационные и коммуникационные связи, социальный статус и др.). В то же время ряд черт мигрантов как остается постоянным, что нашло отражение в теориях миграции.

В теориях миграции акцент сделан на взаимодействие, существующее на уровне личности, социальной группы, государств, диалектики внутренних и внешних условий, детерминирующих миграционный процесс. Однако в научной литературе отсутствует целостное понимание факторов и причин миграции.

1.2. Стратегии адаптации мигрантов в контексте философско-антропологического подхода

Глобальный, массовый, устойчивый, фундаментальный характер миграции, большое количество вовлеченных в этот процесс и функционирующих в нем людей, социальных институтов порождают и множество рисков, вызовов, конфликтных ситуаций. Пути решения проблем, порожденных миграцией как массовым явлением, обозначены в докладе ООН «Международная миграция и развитие» на Генеральной Ассамблее в 2016 г.:

- «повышение качества данных о миграционных потоках, денежных переводах;
- изучение опыта стран, традиционно привлекательных для иммигрантов;
- воздействие на рынок труда;
- «утечка умов». Перед странами с низкими и средними доходами остро стоит проблема эмиграции высококвалифицированных работников;
- доступ к системам социального обеспечения и трансфертность социальных выплат и прав на них;

- социальная и политическая интеграция;
- денежные переводы как источник капитала в развивающихся странах мира;
- связи с диаспорой;
- воздействие на экономическое развитие и снижение бедности»¹.

Все эти вопросы требуют не только практического решения, но и анализа, их рефлексии в сфере научного знания как одного из механизмов их реализации.

Одной из проблем миграции, ее последствий является адаптация и интеграция мигрантов в принимающем обществе «...в контексте социальных, экономических, демографических, политических и прочих реалий, существующих в тех конкретных пространствах, где происходят миграционные процессы, причем как в исходной, так и в конечной точке миграционного вектора»².

В центре внимания антропологов оказываются проблемы вписывания мигрантов в принимающие общество, механизмы их адаптации, ассимиляции, влияние миграции на культурные изменения. На значимость философско-антропологического анализа миграционного процесса, его субъектов обращают внимание исследователи, указывая, что «антропологи с помощью этнографии стараются понять, что значит быть иммигрантом, постичь смысл, суть, которую иммиграция имеет для самих мигрантов, суть социальных и культурных изменений, являющихся результатами выхода из одной среды и вступления в другую»³. В отличие от социологов, объектом исследования которых являются принимающие общества, антропологи изучают как общества выбытия, так и общества прибытия, что значительно

¹Международная миграция и развитие. Генеральная Ассамблея ООН. Доклад эксперта. 2016. – С. 25–26. – URL: gummg.mskobr.ru/files/ГА.pdf (дата обращения: 12.06.2023). – Текст: электронный.

²Ивахнюк И. В. Развитие миграционных теорий в условиях глобализации // Век глобализации. – 2015. – Т. 1. – С. 37.

³См.: Методология и методы изучения миграционных процессов: междисциплинар. учеб. пособие / под ред. Ж. Зайончковской, И. Молодиковой, В. Мукомеля. – М., 2007. – С. 37.

расширяет их исследовательское поле¹. В центре внимания антропологии оказываются проблемы культурных изменений, происходящие в стране прибытия, их влияние на этническую идентичность индивидов, социальных групп, взаимодействие разных культур, его результаты, а также формы, типы жизненных стратегий мигрантов: адаптация, интеграция, аккультурация и др.

В этом плане – плане выделения философско-антропологического аспекта исследования – значимым становится обращение к методологическим идеям М. Шелера. Ученый раскрывает идеи сущности человека в теории философской антропологии. Он, как основатель этого направления, предполагал, что сущность человека – это его отношение «к основе всех вещей; о его метафизическом сущностном истоке и его физическом, психическом и духовном начале в мире; об энергиях и силах, которые им движут и движимы им; об основных направлениях и законах его биологического, психического, духовно-исторического и социального развития, причем в равной степени как о их сущностных возможностях, так и реальном воплощении»².

Философско-антропологическая составляющая сущности человека предполагает, что человек рассматривается не как физическое или психическое и т. д. развивающееся существо, а как физическое, психическое, духовное и т. д. существо. Он объясняет это тем, что «основное направление этого множественного развития несомненно: рост и усиление человеческого самосознания, в кульминационные моменты истории приводящие ко все новым качественным скачкам»³ изменения его сущности. Суть этого высказывания состоит в том, что каждая культура, в которой находится человек, «основана на безусловном ощущении единства человека со всем живущим»⁴.

¹Методология и методы изучения миграционных процессов: междисциплинар. учеб. пособие / под ред. Ж. Зайончковской, И. Молодиковой, В. Мукомеля. – М., 2007. – С. 38.

² Шелер М. Человек и история. – Текст: электронный // THESIS. – 1993. – Вып. 3. – С. 132. – URL: https://igiti.hse.ru/data/987/313/1234/3_3_1Schel.pdf (дата обращения: 15.08.2023).

³Там же.

⁴Шелер М. Человек и история. – Текст: электронный // THESIS. – 1993. – Вып. 3. – С. 132. – URL: https://igiti.hse.ru/data/987/313/1234/3_3_1Schel.pdf (дата обращения: 15.08.2023).

Работы и теория сущности человека очень популярны в китайской философской, социологической академической школе. С 1989 г. его произведения переводятся на китайский язык, хотя, как пишет Чжан Жэньчжи, они чувствуют себя «на слабых ногах», так как еще много работ М. Шелера не переведено¹. Обращение к его философии и методологии исследования обусловлено, по мнению Чжан Жэньчжи, тем, что в современных условиях, когда экономическая глобализация изменила тенденции общения между различными культурами, проблема человека становится важной темой, которая находит отражение в философском мышлении и оказывается в центре внимания теории «интерсубъективности». Философия демонстрирует сдвиг в сторону новой парадигмы, начиная с сообщества, общества и интерактивности к интерсубъективности.

В миграционном поле принимающей страны действуют три игрока: мигрант как личность, государство и само принимающее общество, взаимодействие которых детерминирует уровни, виды, технологии пребывания мигрантов, их характеристики в стране-реципиенте. Дж. Холлифилд и К. Бреттелл доказывают, что поведение мигрантов обусловлено во многом их социальным, культурным и гендерным статусом². Ученые обращают внимание на тот момент, что мигранты сами определяют свое поведение, интерпретируя свой опыт и конструируя его в рамках структурных ограничений. Однако с этой позицией трудно согласиться, так как, как отмечалось выше, в процессе вписывания мигрантов в новое общество значительная роль отводится государству страны прибытия и самому принимающему обществу, миграционной политике государства, социально-экономическому развитию, отношениям местного населения к мигрантам и другим факторам, связанным с жизнедеятельностью нового общества.

¹Чжан Жэньчжи. Обзор исследовательского статуса Макса Шелера [张任之. 马克斯·舍勒研究状况述评]. – URL: <http://www.aisixiang.com/data/20676.html> (дата обращения 24.07.2023). – Текст: электронный. (На китайском яз.)

² Migration Theory: Talking Across Disciplines / eds. C. B. Brettell, J. F. Hollifield. – N. Y.: Routledge, 2000.

Процессы адаптации, ассимиляции, интеграции, аккультурации мигрантов в принимающем обществе получили свою рефлексию в различных концепциях, теориях. В научной литературе существуют разные подходы к трактовке данных понятий, их взаимосвязи, роли и месту в миграционном процессе.

Данная проблематика получила свою интерпретацию в исследовании У. Томаса и Ф. Знанецкого, описываемого в работе «Польский крестьянин в Европе и Америке»¹. Данная теория получила название теории приспособления к требованиям среды. Авторы, используя метод социальной биографии, подробно описали жизнь польских крестьян в США. Работа построена на эмпирическом материале, позволяющем дать ответ на ряд вопросов: причины и формы миграции, установки, ценности, особенности трудовой деятельности мигрантов в новом пространстве, виды и формы адаптации. Ученые поставили ряд задач:

- «моделирования внутреннего механизма адаптации;
- выявления спецификаций адаптации в разных группах эмигрантов, а также у людей с различным социальным характером»².

В результате столь глубокого и всестороннего анализа на основе субъективного мнения респондентов авторы пришли к выводу: польские крестьяне, включенные в американскую жизнь, остаются американцами, имеющими польские корни, сохраняющими традиции, ценности. Они называют польских мигрантов американцами польского происхождения³. Делая такое заключение, У. Томас и Ф. Знанецкий считают, что, несмотря на то, что патриархальные устои жизни польских крестьян в Америке меняются⁴, полной ассимиляции данной группы не произошло. Ученые

¹ Thomas W. I., Znaniecki F. The Polish Peasant in Europe and America: A Classic Work on Immigration History. – Urbana: University of Illinois Press, 1996. – 129 p.

² Корель Л. В. Социология адаптаций: вопросы теорий, методологии и методики. – Новосибирск: Наука, 2005. – С. 351.

³ Костенко В. В. Теории миграции: от ассимиляции к транснационализму // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2014. – Т. 17, № 3. – С. 62–76.

⁴ Ганжа А. О., Зотов А. А. Гуманистическая социология Флориана Знанецкого // Социологические исследования. – 2002. – № 3. – С. 116.

понимают адаптацию мигрантов как линейный процесс, результат которого – культурная ассимиляция. Данный вывод сделан на основе исследования 2 млн. польских крестьян-эмигрантов. Идеи ассимиляции, сформулированные в исследовании У. Томаса и Ф. Знанецкого, были использованы сторонниками Чикагской школы при изучении миграции населения из стран Европы на территорию США.

Идея об ассимиляции как единственном механизме вписывания мигрантов в принимающее общество высказывается в исследовании У. Л. Уорнера «Социальные системы американских этнических групп». По мнению ученого, существование различных этнических групп в США – это временное явление, поскольку, благодаря наличию равных для всех законов, а также механизму социальной мобильности, пришлое население ассимилируется с местным. Причем мигранты должны «отбросить свои ценности и представления, воспринимающиеся новым обществом как второсортные, чтобы в полной мере усвоить новую культуру»¹.

В теории поколенческой ассимиляции Х. Г. Дункана осуществлен анализ характеристик мигрантов в процессе их эволюции в принимающем обществе. Название концепции свидетельствует о том, что «вписывание» мигрантов в принимающий социум происходит эволюционно. В процессе эволюции меняются черты мигрантов, что еще раз подтверждает идею об относительности характеристик мигрантов, которые трансформируются под влиянием условий и времени проживания, уровня жизни, сферы профессиональной деятельности, отношений со своими соотечественниками. В концепции Х. Г. Дункана выделены три фазы процесса ассимиляции, объектом которого являются различные поколения мигрантов. Используя поколенческий подход, ученый показывает, как меняются черты мигрантов, как возникают новые миграционные группы.

¹См.: Костенко В. В. Теории миграции: от ассимиляции к транснационализму // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2014. – Т. 17, № 3. – С. 64.

Первое поколение мигрантов отличает ориентация на удовлетворение материальных потребностей, стремление вписаться в экономическую и социальную жизнь принимающего общества. В то же время первое поколение мигрантов сохраняет сильную привязанность к традициям, ценностям, жизненным установкам своей страны, не ставит и не имеет возможности освоить культуру, обычаи, традиции страны прибытия. Первое поколение ориентировано на выживание в стране прибытия.

Второе поколение мигрантов достаточно легко интегрируется в новое общество за счет образования, получения профессиональных навыков, умений, принятия новых ценностей, при этом сохраняя культуру мигрантов первого поколения, оставаясь ее носителем. На этой стадии запускаются в действие два противоречивых процесса: десоциализации (изменяется образ жизни страны происхождения, нормы поведения) и социализации (вписывание в принимающее общество при сохранении своей культуры).

По мнению Х. Г. Дункана, процесс ассимиляции получает свое завершение у третьего поколения мигрантов, о чем свидетельствует ориентация этого поколения на ценности, традиции принимающего общества, потерю этнической идентичности, традиционных норм и правил поведения.

Х. Г. Дункан выделяет различные типы ассимиляции: культурную, экономическую, социальную, действующие на разных этапах эволюционного процесса. Он не рассматривает их как взаимосвязанный процесс, не раскрывает механизмов перехода от одной фазы к другой, технологии интеграции, не конкретизирует процесс ассимиляции применительно к разным группам мигрантов. Согласно данной теории, первая модель ассимиляции и интеграции рассматривает мигрантов группу, которая принимает нормы и правила принимающей страны. Вторая модель утверждает невозможность мигрантов вписаться в силу экономических, психологических, эмоциональных, культурных причин интегрироваться в

новое общество. Третья модель обращает внимание на спад мобильности по различным причинам¹.

Заслужой Х. Г. Дункана является проведенный анализ мигрантов в процессе их эволюционного внедрения в принимающее общество. Однако теория поколенческой ассимиляции не конкретизирует механизмы интеграции, не раскрывает процесс ассимиляции применительно к разным группам мигрантов.

В контексте теории ассимиляции Х. Г. Дункана следует выделить модели ассимиляции и интеграции мигрантов в принимающее общество, разработанные на основе концепции «плавильного котла» (Р. Парка и М. Гордона – представителей Чикагской школы). Данная концепция связывала интеграцию мигрантов с их отказом от культуры страны происхождения, национальных традиций и ценностей и принятием «американского» образа жизни. Р. Парк выделяет различные формы «вписывания» мигрантов в новое общество: конфликт, размещение и ассимиляция. Данные формы представлены в созданной ученым модели, получившей название «цикл расовых отношений». Р. Парк в рамках предложенных моделей описывает поведение мигрантов. Одним из направлений научного исследования мигрантов стало обращение исследователей к анализу процессов их интеграции, ассимиляции, адаптации, инкорпорации (включение). Результатом этих процессов может стать образование различных групп, объединяющихся на основе потери мигрантами своей этнической принадлежности, культурных установок. Это один из результатов данных процессов, но его нельзя рассматривать как аксиому, абсолютную истину. Ведь результатом этих процессов – процессов, которые можно объединить в одно слово «встраивание» – может быть сохранение культуры, традиций, ценностей страны происхождения. Сегодня, когда коммуникации становятся более гибкими, масштабными, сохраняется тесная связь со страной выбытия.

¹Миграционные процессы в Евросоюзе: современные проблемы и вызовы / под ред. О. Е. Трофимовой. – М.: ИМЭМО РАН, 2019. – С. 22.

В своей теории ассимиляции, на основе анализа эмпирических данных (культура разных народов, дискриминация, межнациональные браки и др.) Р. Парк сделал выводы, что вписывание мигрантов в принимающее общество есть эволюционный процесс, включающий: контакт, размещение, ассимиляцию¹, который проходят все люди, попавшие в страны-реципиенты. Первый этап – новые контакты, знакомства. Второй – конфликт и соперничество. Третий – стремление к аккомодации, и наконец, заключенный этап – ассимиляция. Характеристики мигрантов не являются устойчивыми. Они находятся в состоянии постоянной эволюции. В рамках теории ассимиляции черты мигрантов варьируются в процессе ассимиляции и могут постоянно меняться.

В процессе контакта мигранты добровольно или вынуждено приспособляются к образу жизни принимающего общества. В продолжение вывода об обязательности приспособлении мигрантов к культуре принимающего общества ученые Р. Редфилд, Р. Линтон и М. Херсковиц² высказали идею о том, что приспособление осуществляется в процессе взаимодействия двух разных культур, результатом этого становится изменение не только культуры мигрантов, но и культуры населения страны-реципиента. Ученые понимали аккультурацию как «...результат прямого и длительного культурного контакта одной группы индивидов с другой, изменения культурных парадигм обеих групп³. В данном случае они обращают внимание на такой результат миграционного процесса, как изменение культуры принимающего общества под влиянием культуры страны выбытия. Такой анализ действительно необходим, так как позволяет говорить о «вписывании» мигрантов в страну-реципиент. Ученые, трактуя адаптацию как деятельность в процессе непосредственного контакта субъект-

¹Park P. Race and Culture. – Glencoe: Free Press, 1950. – 456 p.

²Эндрюшко А. А. Теоретические подходы к изучению адаптации мигрантов в принимающем обществе: зарубежный опыт // Вестник Института социологии. – 2017. – Т. 8, № 4. – С. 49, 52.

³ См.: Будаева З. А. Аккультурация как доминирующий теоретический маркер появления процессов глобализации // Вестник Бурятского государственного университета. – 2014. – Т. 6, № 2. – С. 95.

субъекта, субъект-объекта, обращают внимание на то, что происходят изменения всех субъектов данного взаимодействия, в том числе субъектов принимающего общества. Указывая на то, что процесс вписывания мигрантов в новое пространство достаточно сложен и противоречив, они выделяют его стадии:

- полное принятие доминирующей культуры, замена ею старых культурных ценностей и традиций (принятия);
- утрата части культуры страны исхода под давлением культуры общества прибытия как доминирующей (адаптация);
- сохранение своей культуры, полное отрицание культуры доминирующего общества (реакция).

Большим вкладом в разработку проблемы вписывания мигрантов в принимающее общество была концепция М. Гордона (1960-е гг.), основой которой стали идеи Р. Парка. Работа М. Гордона «Ассимиляция в американской жизни» вышла в 1960-х гг. Ученый выделяет следующие виды ассимиляции.

Первый вид М. Гордон называет аккультурацией. В рамках реализации данного типа мигранты принимают атрибуты повседневной жизни населения принимающего общества (язык, одежду, обычаи, нормы, ценности новой для них культуры). Ученый рассматривает этот вид ассимиляции как форму вхождения мигрантов в новое общество через приобщение их к культурным ценностям принимающего общества. Структурная ассимиляция понимается как процесс вхождения мигрантов в различные образования, что оказывает влияние на степень их участия в жизнедеятельности нового общества. Субъектами структурной ассимиляции становятся лишь отдельные представители общества мигрантов, сумевшие войти в узкие круги, клубы, учреждения принимающего общества. Наиболее распространенный вид ассимиляции – брачная. Другой формой ассимиляции, выделенной М. Гордоном, становится идентификационная ассимиляция как ситуация, в которой мигранты идентифицируют себя с местным населением. Кроме того,

ученым выделен еще и такой вид ассимиляции, как ценностная ассимиляция. М. М. Гордон рассматривает характеристики мигрантов в контексте культурных ценностей принимающей стороны, оставляя в стороне культурный фон страны выбытия. Особого внимания заслуживает такой вид ассимиляции, как поведенческая, характеризующаяся отсутствием дискриминации со стороны принимающего общества. Среди всех видов ассимиляции М. Гордон описывает гражданскую ассимиляцию как состояние, характеризующееся отсутствием конфликта между внутренними установками мигранта и ценностями нового жизненного пространства. Выделяя данный вид, ученый обращает внимание и на ее результат – полное вписывание мигрантов в принимающее общество, потеря своей культуры, ценностей, традиций¹.

В миграционной теории М. М. Гордона этническая принадлежность мигрантов к той или иной группе определяет их социальный статус, который детерминирован их экономическим, политическим положением. Он полагал, что группа мигрантов оказывает влияние на социальную структуру общества путем формирования новой социальной группы, которую ученый предложил назвать «этно-класс», рефлексирующей в себе этносоциальную дифференциацию общества².

Концепция М. Гордона была подвергнута критике Р. Альба и В. Ни, сформулировавших свое видение проблемы вписывания мигрантов в новое общество. Во-первых, в противовес позиции М. Гордона относительно ассимиляции мигрантов местным населением, ученые высказали противоположное мнение о возможности процесса ассимиляции группами меньшинства. Во-вторых, мигранты не могут ассимилироваться со средним классом принимающей страны, в него, как правило, вписывается только их небольшая часть. Такая позиция М. Гордона была объективно обусловлена

¹Эндрюшко А. А. Теоретические подходы к изучению адаптации мигрантов в принимающем обществе: зарубежный опыт // Вестник Института социологии. – 2017. – Т. 8, № 4. – С. 50.

²Савоскул М. С. Обзор теорий международной миграции населения во второй половине XX века // Региональные исследования. – 2015. – № 4. – С. 56–65.

рядом других положений его теории. По мнению ученого, изменяться будет только культура вписывающихся в новое общество людей, что не соответствует реальным фактам, отражающим жизнедеятельность мигрантов. Данная концепция не касается профессиональной, экономической мобильности мигрантов, которые, в конечном счете, и детерминируют многие составляющие процесса ассимиляции, в том числе и социальный, культурный статус мигрантов.

Одним из направлений исследования мигрантов анализ жизнедеятельности мигрантов второго поколения. Это нашло отражение в концепции сегментной ассимиляции, представленной такими именами, как А. Портес и М. Чжоу. Основной акцент в данной теории сделан на анализе жизнедеятельности детей мигрантов, образующих три социальные группы. Первая группа – дети мигрантов, вписывающиеся в «белый» – «средний» кластер. Вторая группа – дети мигрантов, пополняющие кластер бедняков или класс «андеркласс». Третья группа, по мнению ученых, самая успешная, причем причину этой успешности исследователи связывают с сохранением данной группой традиций, ценностей, культуры предыдущего поколения. Эти три сегмента были выделены на основе таких индикаторов, как образование, язык, гендер, возраст, уровень жизни¹.

А. Портесом и Р. Румбо было проведено исследование мигрантов, объектом которого стало второе поколение мигрантов, проживающих в Испании – подростки 13–15 лет (через четыре года, достигшие 17–19 лет) и их родители. В основу анализа мигрантов положен поколенческий критерий.

В данном случае следует обратить внимание на пролонгированный характер этого анализа (четыре года).

Учеными сформулированы следующие выводы:

– только один из четырех детей мигрантов может перейти в статус иммигранта и стать ребенком иммигранта;

¹Эндрюшко А. А. Теоретические подходы к изучению адаптации мигрантов в принимающем обществе: зарубежный опыт // Вестник Института социологии. – 2017. – Т. 8, № 4. – С. 53.

- полной ассимиляции мигрантов, как предполагают исследователи, никогда не будет;
- для части иммигрантов характерна «нисходящая ассимиляция» в соответствии с индикаторами «индекса нисходящей ассимиляции» (уровень образования, судимость, отсутствие работы и др.);
- согласно полученным данным разницы между детьми мигрантов и детьми коренного населения нет (пример Испании), что свидетельствует о позитивном процессе ассимиляции;
- большая часть подростков идентифицирует себя с испанцами;
- значительная часть родителей мигрантов уверена в успехе своих детей, связывая его со знанием языка, позволяющим им активно вписываться в принимающее общество.

Итогом проведенного исследования стала необходимость актуализации государственной миграционной политики, направленной на поддержку данной социальной группы. Государственная поддержка данного сегмента ассимиляции позволит избежать конфликтов, создаст условия для реализации этой группой мигрантов жизненных траекторий, обеспечит устойчивость самого общества.

Проблематика адаптационных стратегий мигрантов в контексте политики страны прибытия получила свою трактовку в концепции диалоговой модели интеграции иммигрантов и принимающего общества, разработанной Т. Н. Юдиной¹. В рамках диалоговой модели предложены и проанализированы четыре стратегии интеграции мигрантов в принимающее общество:

- 1) полное исключение;
- 2) дифференциальное исключение или сегрегация;
- 3) ассимиляция;

¹Юдина Т. Н. Миграционные процессы: теория, методология и практика социологического исследования: автореф. ... д-ра социол. наук: 22.00.01. – М., 2004. – С. 47.

4) плюрализм¹.

Интеграция мигрантов в принимающее общество, по мнению Т. И. Юдиной, может осуществляться в различных формах. В частности, через включение в культуру страны прибытия на основе двухсторонней адаптации. Результатом этого процесса становится общая культура, имеющая элементы разнообразия. Формой включения мигрантов может быть плюрализм, который обеспечивает культурное разнообразие. Следующей формой вписывания мигрантов, которая известна и получила интерпретацию в трудах многих ученых, Т. Н. Юдина называет ассимиляцию как утрату ими своей культуры и принятие культуры новой страны проживания. Кроме того, ученым выделена и такая форма, как сегрегация, означающая полное сохранение культуры прибывших, признание их права на культурную автономию. В своей концепции Т. Н. Юдина анализирует интеграционные стратегии, как мигрантов, так и аборигенов, которые могут быть реализованы одновременно. Основой данной модели является диалог между пришлым и местным населением. Диалог детерминирует стратегии адаптации, их выбор, поведение субъектов в принимающем обществе. В процессе адаптации изменяется образ жизни людей, социальная структура, возникают новые социальные группы и общности, институты, осуществляются процессы социальной мобильности, изменяются социальные статусы. Достоинством данной концепции является обращение к анализу жизнедеятельности не только прибывшего населения, но и местных аборигенов, что позволяет получить целостную картину миграционного процесса как фактора, с одной стороны, оказывающего влияние на все стороны жизнедеятельности общества, а с другой – испытывающего на себе его давление.

К проблематике адаптации и интеграции мигрантов в принимающем обществе обращается М. С. Савоскул, считая, что успешным эти процессы могут быть только при наличии следующих условий:

– знание языка страны прибытия;

¹ Там же.

- широкое участие мигрантов во всех сферах жизнедеятельности принимающего общества;
- равноправный с членами принимающего общества доступ к общественному достоянию¹.

Проблематика адаптации мигрантов озвучена в работах российских ученых. Так, Э. Н. Тужба и В. Н. Муха рассматривают адаптацию мигрантов как процесс, результатом которого становится приспособление к новой среде через взаимодействие с ней². В концепции В. В. Кашпур, И. Г. Поправко миграция представлена как система, включающая в себя результаты, условия, ход осуществления. Важным моментом становится выделение взаимосвязи социокультурной адаптации и этнической идентичности: этническая идентичность детерминирует адаптационные возможности мигранта, в то время как от стратегии адаптации, выбранной мигрантом, зависит либо сохранение своей идентичности, либо отказ от нее, либо трансформация. Результатом процесса адаптации становится поведение мигранта в принимающем обществе, а также его отношение к нему, умение решать поставленные задачи³.

Значимое влияние на процесс адаптации оказывают различные факторы. Так, И. Г. Стариков и Д. Л. Лободанова выделяют семь групп факторов, которые влияют на адаптацию мигранта в новой среде: тип миграции, культурная дистанция, языковые компетенции, контекст принятия, отношение принимающего общества, возраст миграции, внешность мигранта⁴.

В отличие от многих теорий, описывающих мигрантов как абстрактную категорию, С. Сью и Д. Сью рассматривают процессы

¹Савоскул М. С. Стратегии адаптации этнических мигрантов в локальных сообществах // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2011. – № 5. – С. 103–112.

²Тужба Э. Н., Муха В. Н. Социальная адаптация мигрантов: теоретическая модель анализа // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2019. – № 12. – С. 137–140.

³Кашпур В. В., Поправко И. Г. Социокультурная адаптация мигрантов: проблемы и стратегии // Вестник Томского государственного университета. – 2012. – № 354. – С. 88–93.

⁴Магомедова А. Г. Экономико-демографические аспекты внешней миграции в России: монография / гл. ред. В. А. Ионцев. – М.: ТЕИС, 2006. – 128 с.

аккультурации на примере социальной группы азиатов – китайцев-американцев, находящихся на территории США. Согласно взглядам ученых, адаптация данной группы осуществляется по двум направлениям: принятие культуры общества прибытия и сохранение традиционной культуры. На основе данного критерия исследователи выделили три группы мигрантов: традиционалисты – придерживаются культуры страны исхода; маргиналы – не признают полностью традиционных ценностей, но и нормы, ценности общества прибытия тоже носят неустойчивый характер; азиато-американцы – новый тип мигрантов, соединяющий культурные ценности общества выбытия и общества прибытия. Данная модель, по мнению ученых, очень близка по своему содержанию модели Дж. Берри.

Определение аккультурации мигрантов как механизма вписывания в новое общество, детерминирующего поведение индивида, социальной группы, в целом дано в модели Дж. Берри. Модель, предложенная ученым, представляет собой целостный продукт, включающий множество составляющих. Сама аккультурация понимается Дж. Берри как процесс изменений, происходящих на уровне индивида, социальных групп, социальных институтов, в пространство которых попадает человек в ходе взаимодействия.

Модель Дж. Берри включает следующие составляющие:

– определение аккультурации применительно к мигрантам, социальным группам мигрантов как действие, в котором мигрант сохраняет свою традиционную культуру и осваивает культуру принимающего общества. Дж. Берри считает, что аккультурация есть процесс взаимодействия представителей доминирующей и культуры страны исхода;

– аккультурация как сложный, весьма противоречивый процесс осуществляется по трем стадиям:

а) контакт (начальная стадия взаимодействия, в том числе в культурной сфере);

б) конфликт (возникает не всегда, а только в случае сопротивления, которое может возникнуть как со стороны выбытия, так и со стороны прибытия);

в) адаптация (осуществляется через принятие новой культуры и сохранение культуры своей страны);

– выделение стратегий адаптации как способов осуществления аккультурации¹:

а) ассимиляция (принятие культуры нового общества, дистант от своей культуры);

б) интеграция (сохранение отдельных элементов культуры общества выбытия и принятие культурных элементов новой культуры);

в) сепарация (существование мигрантских групп самостоятельно в силу непринятия ими доминирующей культуры);

г) маргинализация (потеря контакта как с доминирующей, так и с собственной культурой);

– характеристика типов поведения в обществе прибытия:

а) поведенческие сдвиги (формирование новой модели поведения, нового образа жизни) – достаточно длительный процесс, охватывающий не одно поколение мигрантов;

б) культурный стресс (аккультурационный), который возникает под влиянием действия как субъективных, так и объективных факторов и ведет к потере связи с родиной, изменению образа жизни, снижению процесса адаптации, появлению чувства неудовлетворенности, желанию вернуться;

– выделение «социального контекста» как условия, детерминирующего отношение между мигрантами и принимающим обществом, разные модели поведения со стороны населения общества прибытия.

Многие ученые подчеркивали значимость модели Дж. Берри, в то же время отмечая и ее недостатки: нет учета экономических факторов,

¹ Berry J. W. Conceptual Approaches to Acculturation // Acculturation: Advanced in Theory, Measurement, and Applied Research / ed. by K. M. Chun, P. B. Organista, and G. Martin. – Washington DC: APA, 2006. – P. 291.

оказывающих влияние на участие мигрантов в экономической сфере, в зависимости от их уровня образования, профессиональной квалификации; не выделен исторический фон взаимодействия между принимающей страной и страной исхода; адаптация представлена как статистический процесс без сложностей, противоречий; выделение четырех стадий адаптации не является обязательным для всех стран и мигрантов; не описаны культуры принимающей и выталкивающей стран, их специфика, что оказывает влияние на процесс адаптации; нет описания технологий адаптации на разных ее стадиях¹.

Таковы основные теории и концепции, рефлексирующие процессы «вписывания» мигрантов в принимающее общество, описывающие различные стратегии его жизнедеятельности, поведения. Данные теории обращают внимание на двухсторонний процесс адаптации, оказывающий влияние на формирование характеристик мигрантов. Акцент сделан на межкультурную коммуникацию мигрантов в новом социокультурном пространстве.

Выводы. Анализ современной миграции как феномена социальной реальности создает различные векторы ее исследования, среди которых можно выделить следующие: изучение мигрантов как субъектов миграционного процесса, характеристики которых детерминированы мотивами передвижения, формами связи со страной исхода, взаимодействием с доминирующей культурой и др. Одним из факторов, формирующих характеристики мигрантов, являются стратегии их вписывания в новое социальное пространство.

Данная проблематика озвучена в деятельности У. Томаса и Ф. Знанецкого, результаты которой освещены в работе «Польский крестьянин в Европе и Америке». Перед учеными стояла задача «...моделирования внутреннего механизма адаптации, выявления спецификаций адаптации в

¹Эндрюшко А. А. Теоретические подходы к изучению адаптации мигрантов в принимающем обществе: зарубежный опыт // Вестник Института социологии. – 2017. – Т. 8, № 4. – С. 46–66.

разных группах эмигрантов, а также у людей с различным социальным характером»¹. Созданная ими теория приспособления к требованиям среды получила апробацию в процессе исследования жизнедеятельности польских мигрантов в США. В качестве одного из факторов, влияющих на формирование характеристик мигрантов, ученые, используя библиографический метод, изучали мотивы и поведение мигрантов в принимающем обществе. Результатом стало выделение видов ассимиляции. В данном исследовании, как и в последующих, ассимиляция рассматривалась как единственный способ вхождения мигрантов в страну-реципиент.

Эта идея получила свою рефлексию в теоретических построениях других ученых:

– поколенческой ассимиляции Х. Г. Дункана, где осуществлен анализ характеристик мигрантов в процессе их эволюции в принимающем обществе;

– модели ассимиляции и интеграции мигрантов в принимающее общество, разработанной на основе концепции «плавильного котла» Р. Парка и М. Гордона, связывающей интеграцию мигрантов с отказом ими от культуры страны происхождения, национальных традиций и ценностей и с принятием «американского» образа жизни;

– концепции сегментной ассимиляции, представленной такими именами, как А. Портес и М. Чжоу, в которой в качестве объекта исследования выступали дети мигрантов и др.

Однако, по мере развития общества в конце XX в., его вступления в стадию постиндустриализма, процессов глобализации, интенсификации миграционных потоков, изменения их целевой направленности и содержания, появления новых типов мигрантов, новых игроков на миграционном поле, становится очевидным, что в процессе вписывания мигрантов в новое сообщество они:

¹Корель Л. В. Социология адаптаций: вопросы теорий, методологии и методики. – Новосибирск: Наука, 2005. – С. 351.

– сохраняют свою этническую культуру, традиции, ценности, нормы и правила поведения;

– в процессе адаптации происходит изменение не только культуры мигрантов, но и доминирующей культуры, в результате воздействие мигрантов на культуру страны прибытия;

– стратегии адаптации мигрантов может осуществляться в разных формах.

Все эти процессы и явления актуализировали необходимость создания новых теорий миграций, рефлексивных изменений социального пространства, формирующего его новые тренды. Ответом на все эти вопросы стала теория мультикультурализма, базирующаяся на идее многонационального государства, в котором все этнические группы обладают равными правами, сохраняется культурное наследие этнических групп.

Сегодня среди ученых существует неоднозначная оценка данного проекта и теории: от его принятия до отрицания (как не соответствующего современной реальности и не получившего реализации на практике). «Мультикультурализм представлен как проект – моральный проект – имеющий своей целью научиться жить с этим разнообразием, способствуя при этом равенству, справедливости и расширению общественной солидарности, основанной на взаимном признании и уважении, межкультурном диалоге и обмене, а также на справедливом распределении ресурсов»¹.

Примером принятия и реализации политики стали Канада (первая страна), затем к ней присоединилась Австралия. Чуть позже эта политика была принята другими европейскими странами.

П. Кивисто обращает внимание на отличие мультикультурализма и ассимиляции, которое заключается в том, что в условиях

¹ Кивисто П. Теперь мы все действительно мультикультуралисты // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2016. – Т. 19, № 2. – С. 22.

мультикультурализма население сохраняет свои характеристики, ассимиляция же предполагает дистанцирование от своей культуры¹.

В это время ученым Дж. Берри в противовес концепции мультикультурализма была разработана модель «аккультурационных стратегий», которая представляла новый взгляд на формирование характеристик мигрантов через стратегии адаптации. В понимании ученого аккультурация (или культурная адаптация) – это «процесс, который претерпевает индивид в ответ на изменение культурного контекста»², контекста принимающей культуры. Выбор стратегии адаптации зависит от поведения самого мигранта, социальной группы, что и будет детерминировать межкультурный контакт. Мигрант может выбирать стратегию сохранения приверженности своей культуре, своей идентичности. В то же время мигрант формируют стратегию поддержания межкультурных связей, взаимодействий. Однако в данном случае, как подчеркивает Дж. Берри, значима и позиция старожилов – готовы ли они к межкультурному взаимодействию, согласны ли с тем, что отдельные элементы культуры мигрантов могут проникнуть в доминирующую культуру?

Выбор стратегии адаптации детерминирует во многом характеристики мигрантов.

К факторам, детерминирующим выбор мигрантами стратегии адаптации, можно отнести мотивы миграции, жизненные планы, принадлежность к определенной социальной группе, социальные сети, отношения к ним общества прибытия, социальное благополучие, уровень жизни, сферу профессиональной деятельности.

Стратегия интеграции мигрантов предполагает наличие двух противоположных точек зрения: сохранение отдельных элементов своей культуры, ее традиций и принятие культуры общества прибытия, обогащение

¹ Там же. – С. 39.

² Берри Дж., Пуртинга А. Х., Сигалл М. Х., Дасен П. Р. Кросс-культурная психология: исследование и применение. – Харьков: Гуманитарный Центр, 2007. – С. 374; Берри Дж. Как мы будем жить все вместе? Альтернативное видение межкультурных отношений // Кросс-культурная психология: актуальные проблемы / под ред. Л. Г. Почебут, И. А. Шмелёвой. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2005. – С. 9–10.

двух культур за счет друг друга, формирование интереса к различным культурам. В рамках данной стратегии формируются такие черты мигрантов, как приверженность своей культуре, принятие культуры большинства, желание стать частью принимающего общества, потребность в общении с коренными жителями страны, уверенность в своей индивидуальности, осознание безопасности жизнедеятельности, толерантность. Идет процесс идентификации мигранта с новой культурой при сохранении своей идентичности. Согласно Дж. Берри, интеграция – «включение мигрантов в принимающее сообщество при сохранении некоторых элементов своей культуры»¹.

Стратегия сепарации мигрантов обуславливает такую характеристику, как собственная культурная идентичность, стремление к ее сохранению и передачи последующим поколениям, непринятие культуры страны-реципиента. Следующими признаками в рамках данной стратегии являются общение на языке своей родины, со своими родными, непринятие и незнание культуры страны прибытия, отказ от участия в общественной жизни страны, контакта с другими культурами.

Стратегия маргинализации мигрантов характеризуется конфликтами между группами мигрантов и обществами-реципиентами и порождает такие характеристики мигрантов, как враждебность, негативное отношение, отрицание как собственной культуры, так и культуры принимающей страны. Формирование этих характеристик происходит в процессе эксклюзии или дискриминации. Группа мигрантов, придерживающихся данной стратегии, находится в зоне бифуркации как ситуации неравномерности, неустойчивости, противоречивости, что становится основой формирования ее новых характеристик.

В рамках реализации стратегии ассимиляции формируются следующие характеристики мигрантов: знание языка, культуры, религии принимающей

¹Эндрюшко А. А. Теоретические подходы к изучению адаптации мигрантов в принимающем обществе: зарубежный опыт // Вестник Института социологии. – 2017. – Т. 8, № 4. – С. 54, 55.

страны, погружение в ее культуру, отказ от культуры страны исхода, отрицание своей культурной идентичности. Происходит смена идентичности.

1.3. Философско-антропологическая концепция миграции в исследованиях китайских ученых

Особенностью современного общества стало образование и функционирование миграционного пространства, включающего различные взаимодействующие элементы, процессы, большую часть населения планеты, страны и континенты. Миграция, будучи детерминирована всем ходом развития общества, оказывает обратное влияние на его эволюцию, состояние, на все сферы жизнедеятельности стран, как принимающих, так и выталкивающих мигрантов.

Согласно Е. Равенштейну, миграция как «постоянное или временное изменение места жительства человека», как непрерывный процесс обусловлена взаимодействием четырех основных групп факторов: в стране выбытия мигранта; на стадии движения в период миграции; в стране прибытия; личностные индивидуальные характеристики, система предпочтений личности, вся совокупность ее демографических характеристик и т. п.»¹.

Мигранты в принимающих странах содействуют развитию рынка труда, заполняя ниши непрестижных сфер экономики, требующих определенных ресурсов и энергии, при этом, не конкурируя с местным населением, занимающимся квалифицированным профессиональным трудом. В то же время рынок труда в принимающих странах заинтересован и в профессионалах, развивающих коммерческие предприятия, обеспечивающих научно-техническое развитие страны. Кроме того, мигранты оказывают влияние на экономику страны прибытия как потребители, увеличивая ее экономический потенциал, развивая свои

¹Ионцев В. А. Международная миграция населения: теория и история изучения. – М.: Диалог-МГУ, 1999. – Вып. 3. – С. 16.

предпринимательские способности. Значимым механизмом развития стран выбытия становится миграция: создание условий для добровольной миграции, поддержка соотечественников за рубежом, проведение политики содействия репатриации высококвалифицированных специалистов, политика двойного гражданства (Мексика, Португалия). Китайские студенты, получившие право на проживание в стране обучения или принявшие гражданство другой страны, продолжают оставаться гражданами Китая.

Активность китайского правительства после возвращения китайских специалистов на родину привело к возникновению такого понятия, как «тайкунжень» – возможность жить одновременно в двух странах, что нашло отражение в теории транснационализма. Речь идет, согласно взглядам Айва, о гибком гражданстве¹, или, как пишут Ип, Инглис и Ву², «инструментальном гражданстве», целью получения которого является реализация профессиональных задач.

Китайцы, проживающие за рубежом, оказывают влияние на развитие страны исхода. С точки зрения Цай Дэци, Цзян Юнлянь, в научной и политической литературе Китая представлены определения китайца, живущего за границей: «во-первых, – это человек с китайским гражданством за рубежом (хуацяо); во-вторых, люди с чистым китайским происхождением за границей; в-третьих, люди, которые частично имеют китайское происхождение за рубежом и считают себя китайцами или, по крайней мере, не отрицают, что они китайцы»³.

В исследовании проблематики китайской миграции, учеными (Ли Цян, Лю Цзинмин, Чжэн Лу) Китая выделены четыре этапа.

¹和睦享用合作供应国俭一个充满活力的华华人社会 = Взаимная гармония и сотрудничество с выигрышем для всех, построим исполненное живой силы сообщество для зарубежных китайцев. – Текст: электронный // 中国侨网 = Китай за рубежом. – URL: <http://www.chinaqw.com/news/200707/03/78232.shtml> (дата обращения: 26.09.2023).

²Ip D., Inglis C., Wu C. T. Concepts of Citizenship and Identity among Recent Asian Immigrants in Australia // Asian and Pacific Migration Journal. – 1997. – No. 3/4. – P. 374.

³Цай Дэци, Цзян Юнлянь. Новое развитие китайской диаспоры. – Ся Мэн: Изд-во Сямэньского университета, 2017. – 271 с.

Целью первого этапа стало исследование миграции из сельских территорий как избыточной рабочей силы. Выделены и основные направления исследования: маршруты миграции, количество мигрантов, причины миграции. Исследование второго этапа было сосредоточено на анализе мигрантов как объектов управления и контроля за их жизнедеятельностью на территории прибытия. На третьем этапе выделены социальные аспекты анализа мигрантов, они рассматривались как уязвимая группа. Четвертый этап анализа миграции предполагает ее исследование как целостной, комплексной системы, оказывающей влияние на все сферы жизнедеятельности как принимающих, так и выталкивающих обществ¹. Четвертый этап изучения китайской миграции начинает формально переходить в сферу исследования миграций, которые рассматриваются как полные миграционные системы.

Основные варианты влияния китайских мигрантов на процессы, людей в стране исхода описывает Ж. Гуйсян². Зарубежные китайцы решительно поддерживают дело реформ и открытости страны своих предков в следующих областях: крупномасштабные инвестиции в Китай, способствующие развитию экономики; продвигают и распространяют китайскую культуру за рубежом и осуществляют культурный обмен между Китаем и зарубежными странами. Участвуют в развитии зарубежной китайской общины через проекты общественного благосостояния. Большое количество зарубежных китайских семей вносят свой вклад в модернизацию родины, в осуществление политики реформ и открытости, являясь ценным ресурсом для Китая в построении процветающего общества.

¹李强, 刘精明, 郑路. 城镇化与国内移民: 理论与研究议题 / 李强, 刘精明, 郑路. —北京: 社会科学文献出版社, 2015. — 340 页. = Ли Цян, Лю Цзинмин, Чжэн Лу. Урбанизация и внутренняя миграция: теория и темы исследований. — Пекин: Изд-во по общественным наукам и культуре, 2015. — С. 20–22, 25.

²Гуйсян Ж. 任贵祥. 海外华侨华人与中国改革开放/任贵祥 // 北京: 中共党史出版社. — 2009 年. — 622 页. = Жэнь Гуйсян. Зарубежные китайцы и реформа и открытость Китая. — Пекин: Изд-во истории Коммунистической партии Китая, 2009. — 622 с.

О вкладе зарубежных китайцев в развитие страны пишет в своем исследовании Ч. Инлун¹. Речь идет о вкладе в область науки и техники, экономики, строительства, спорта, образования, общественного благосостояния и китайско-иностранных обменов в новом Китае. «...через механизм международной миграции происходит перераспределение ресурсов развития, без которого ни одна, ни другая группа стран не могут обойтись. Этот фактор подталкивает их к поиску партнерских форм взаимодействия, укреплению интеграции международной миграции в национальные стратегии по обеспечению эффективного использования потенциала миграции для стран приема, стран выезда и для самих мигрантов»².

Китайские мигранты сильны своей экономической мощью, существованием различных бизнес-организаций, интернационализацией экономической деятельности, модернизацией процесса управления бизнесом, созданным китайскими ассоциациями, интеллектуальным капиталом, увеличивающимся количеством китайских талантов в области науки и техники³.

Особое внимание причинам, факторам, определяющим мотивы миграции (как внутренней, так и внешней), уделяют китайские ученые. Причем в исследованиях используются конкретные факты, примеры. Миграционная политика Китая в соответствии с целями и задачами модернизации получила название «миграционная политика для развития». Среди причин миграции называются политика реформ и открытости, поощрения студенческой миграции как будущего интеллектуального развития страны и влияния Китая за рубежом, возможность решения проблемы занятости населения в стране исхода, использование денежных переводов, что открывает возможности для повышения уровня жизни

¹ Чжан Инлун. Хуацяо, зарубежные китайцы и новый Китай. – Гуанчжоу: Изд-во Цзинаньского университета, 2009. – 402 с.

²Международная миграция и развитие. Генеральная ассамблея ООН. Доклад эксперта. 2016. – С. 25–26. – URL: gummg.mskobr.ru/files/ГА.pdf (дата обращения: 12.06.2023). – Текст: электронный.

³蔡德奇, 江永良. 华侨华人的新发展/蔡德奇. –厦门: 厦门大学出版社, 2017年. – 271页 = Цай Дэци, Цзян Юнлян. Новое развитие китайской диаспоры. – Ся Мэн: Изд-во Сямэньского университета, 2017. – С. 15, 35.

местного населения, привлечения иностранных инвестиций в страну. «После реформы и открытия Китая растет число людей, эмигрировавших из материкового Китая (так называемых новых иммигрантов), и они становятся важной силой в зарубежных китайских и китайских общинах <...> усиление работы с новыми иммигрантами имеет большое практическое значение и далеко идущие перспективы в продвижении модернизации нашей страны, осуществлении воссоединения родины, расширении влияния нашей страны и развитии отношений между нашей страной и страной пребывания»¹.

Разработки ученых Китая относительно проблем миграции, ее влияния на составляющие жизнедеятельности страны убытия и страны прибытия опираются на объективные реальные факты и процессы:

- миграционную ситуацию на международной арене и в стране;
- историю миграции в китайском обществе, ее особенности;
- миграционную политику китайского руководства, ее эволюцию.

Согласно позиции Ши Гоцин, исследование мигрантов как субъектов миграционного процесса должно осуществляться на основе таких принципов, как:

- анализ миграционной деятельности как социальной системы, включающей механизмы и объективные законы изменения, развития и построения;
- использование теорий и методов интерпретации, анализа, прогнозирования, планирования, оценки, мониторинга, контроля при формировании системы управления деятельностью мигрантов и построения общества мигрантов.

Использование выделенных принципов даст возможность осуществить планирование, прогнозирование миграционных процессов. Кроме того, значимым в исследовании мигрантов должны стать такие вопросы, как

¹Хуан Жунлун, Бао Ситон, Лю Лин. Новые иммигранты из-за рубежа на материковой части Китая за последние десять лет // Население и экономика. – 1998. – № 1. – С. 19.

социальная справедливость, анализ социальных отношений, социальных сетей¹.

Китайская миграционная политика имеет отличительные особенности, сформированные как ответ на реальные события:

– перегруппировка ресурсов как внутри страны, так и на международной арене, что предполагает «...корректировку экономической структуры района переселения, дальнейшее развитие экономики, борьбу с бедностью, социальную стабильность...»;

– устойчивость переезда как системного проекта, использование экономических и рыночных средств для переселения и расселения мигрантов путем изменения прежнего способа расселения мигрантов, который был “лоскутным” и не имел общего планирования»².

Ученые Китая обращают внимание на эволюционный характер миграционной политики, что отражается в государственной миграционной политике. В частности, в связи с уменьшением миграционного потока, когда «бешеные волны миграции» стали успокаиваться, что было характерно для 90-х гг. XX в., выезд за границу стал планируемым, устойчивым. При этом используются легальные методы миграции. Давая оценку миграционной политике, Шэн Линь прогнозирует, что значимым фактором, который в дальнейшем может определить судьбу мигранта в принимающем обществе, становится уровень образования. Он пишет: «...с точки зрения состава знаний мигрантов, тем, кто покидает страну с низким уровнем образования, трудно добиться успеха»³. В исследовании «Китайские трудовые иммигранты в Европе: проблемы и перспективы» подчеркивается, что спрос

¹移民与社会发展—中国特色的移民之路”论坛综述(中国社会学会-2010年学术年会) 中国社会科学官网。 – URL: http://csa.cssn.cn/xsnh2010/ltzs2010/201008/t20100807_1966895.shtml (дата обращения: 25.07.2023). – Текст: электронный.

²王骏:“开发性移民方针”提出的实践意义和理论价值/王骏 //新视野。 – 2003年。 – № 4。 –第 68–69, 77页 = Ван Цзюнь. Практическое значение и теоретическая ценность «Миграционная политика для развития» // Новые горизонты. – 2003. – № 4. – С. 68.

³Шэн Линь “移民与社会发展—中国特色的移民之路”论坛综述 (中国社会学会-2010年学术年会) 中国社会科学官网 = Обзор Форума по миграции и социальному развитию – Путь к миграции с китайской спецификой (Китайская социологическая ассоциация – ежегодная научная конференция 2010). – Текст: электронный // Китайские общественные науки: [офиц. сайт]. – URL: http://csa.cssn.cn/xsnh2010/ltzs2010/201008/t20100807_1966895.shtml (дата обращения: 25.07.2020).

на мигрантов низкой квалификации под влиянием информатизации, технологизации производств, становления «экономики знаний» будет снижаться, тогда как формируется тенденция, отражающая спрос на мигрантов высокой квалификации. Сегодня на рынке труда существует потребность в работниках, обладающих такими навыками и умениями, как знание языка принимающей страны, способность интегрироваться в ее экономику в различных областях, таких как наука, технологии, инженерия и др. Причем потребность в таких работниках испытывают и китайские компании, функционирующие на территории других стран. Эти каналы будут обеспечивать мобильность высококвалифицированных китайских профессионалов, в том числе и студентов в начале профессиональной деятельности как технического персонала.

Важным аспектом концептуального анализа миграции китайскими учеными является вопрос о субъектах миграционного процесса и их характеристиках. Среди субъектов миграционного процесса уделяется внимание студенчеству. Давая оценку отношениям правительства страны к данной группе мигрантов, китайские ученые выделяют два ее аспекта. Во-первых, анализ факторов, сформировавших данный тренд: невозвращение на родину лиц, получивших образование в других странах, процесс, названный «утечкой мозгов», и невозможность правительства противостоять этому явлению. Во-вторых, формирование «политики сохранения талантов за рубежом».

В мире сформировалась новая группа мигрантов (инвестиционные мигранты), характеризующаяся высоким уровнем жизни, стремлением создать комфортные условия жизни, как в стране исхода, так и за рубежом. Инвестиционные мигранты – это люди, вкладывающие средства в бизнес в стране прибытия, делающие финансовые вложения, создающие в ней рабочие места. «К ним относятся иммигранты, занимающиеся финансовыми инвестициями, иммигранты, занимающиеся инвестициями в недвижимость,

иммигранты-предприниматели, иммигранты, занимающие руководящие должности, и иммигранты – владельцы бизнеса»¹.

Одним из видов инвестиционной миграции стала образовательная миграция как вложение в будущее детей, обеспечение их трудоустройства, достижения достойного качества жизни. Проблемы образовательной миграции получили освещение в исследованиях Ван Хуяю². «В настоящее время “образовательная миграция” фактически является специфическим подразделением инвестиционной миграции, которая представляет собой вид миграции с целью получения образования детьми, опираясь на инвестиционные каналы миграции для достижения семейной или детской миграции, чтобы помочь детям получить лучшее образование. Этот вид иммиграции может реализовать двойную цель – поселение семьи или детей и получение образования, а также снизить различные риски, связанные с обучением детей в будущем»³.

Одной из характеристик китайских мигрантов являются процессы адаптации, ее уровень, виды и формы в новом пространстве, факторы, детерминирующие этот процесс. Следует отметить, что эти факторы влияют на формирование социальных групп мигрантов в принимающей стране.

В отличие от эконометрической модели Э. Равенштейна и Э. Ли, в которой выделены как факторы притяжения, так и выталкивания, Чжу Ли останавливается только на факторах, обеспечивающих успешную интеграцию в районе прибытия. Ученый формулирует закономерность процесса адаптации, суть которой выражена в следующем:

– существует две группы мигрантов: интеллектуальные и физические, отличающиеся по уровню адаптации;

¹ Ван Хуяю. Новые характеристики зарубежной международной иммиграции Китая (Ч. 2). – Текст: электронный // Исследования и обсуждения. – 2014 – № 2 = 王辉耀. 中国海外国际移民新特点 (之二): 2014 年 No. 2 研究与探讨 . – URL: <http://qwgzzyj.gqb.gov.cn/yjyt/177/2451.shtml> (дата обращения: 11.04.2021).

² Там же.

³ Там же.

– высокий человеческий капитал, наличие высшего образования, достойный уровень и качество жизни обеспечивают более успешную и быструю адаптацию;

– социальная адаптация физических мигрантов происходит значительно сложнее;

– существует множество различий в процессе адаптации разных мигрантов (квалифицированные, неквалифицированные, студенты-мигранты, внутренние мигранты);

– стратегии адаптации к новой жизни зависят от мотивов миграции, социальных контактов, социальных связей.

Опираясь на законы Э. Г. Равенштейна, теорию притяжения и отталкивания Э. С. Ли, китайский ученый Чжу Дунцинъ указывает, что «миграция населения является результатом совместного действия толчка (или отталкивания) в стране выезда и притяжения (или притяжения) в стране прибытия. Считается, что миграция населения является результатом совместного действия сил отталкивания страны эмиграции и сил притяжения страны иммиграции»¹. Чжу Дунцинъ формулирует взаимосвязь между существующим низким уровнем экономического развития страны исхода и страной с высоким уровнем экономического развития и жизни, выделяет мотивы миграции. По его мнению, именно экономические факторы формируют установки к миграционной деятельности, а также постоянно возникающий дисбаланс в развитии мировой экономики, национальный доход на душу населения. К числу других факторов, формирующих мотивы к смене места жительства, ученые относят наличие миграционных сетей, социально-психологические особенности нации. Сюй Цзиньин², Ши

¹华侨华人研究所朱东芹 = Чжу Дунцинъ. Исследование ученых материкового Китая о новых иммигрантах. Университет Хуацяо. Международный китайский научно-исследовательский институт. – URL: <http://www.law.osaka-u.ac.jp/~c-forum/symposium/0611zhudongqin.htm> (дата обращения: 12.05.2021). – Текст: электронный.

²Сюй Цзиньин. Предварительное исследование двух волн иммиграции в современных заморских китайских поселках Фуцин // Journal of Overseas Chinese University. – 2002. – № 4.

Сюэцинь¹, Гао Сяоцзе, У. Юсинь² обращают внимание на особенности характера населения отдельных территорий Китая, влияющие на мотивы миграции. «...возникновение новой волны эмиграции из традиционных заморских китайских городов, помимо вышеупомянутых причин, связано с культурой традиционных заморских китайских городов, ориентированной на внешний мир, смелостью идти на риск, не боясь неудачи, и даже менталитетом сравнения»³.

Среди факторов, оказывающих влияние на адаптацию мигрантов, Чжу Ли выделяет человеческий капитал, высшее образование, конкурентоспособную работу, высокий экономический доход⁴. Именно эти факторы способствуют более быстрой и успешной адаптации мигрантов.

На роль образования как фактора успешной или неуспешной миграции обращает внимание Шэн Линь⁵, отмечая, что мигранты с высоким уровнем образования легче добиваются успеха, нежели те, кто имеет низкий уровень образования или не имеет его вообще.

К проблематике условий, детерминирующих миграционный процесс, обращается в своем исследовании Ли Нань. Ученый, анализируя развитие транспортной инфраструктуры, делает вывод, что именно развитие железных дорог оказало влияние на миграционные процессы. В качестве фактов, подтверждающих данную позицию, исследователь упоминает развитие железных дорог на Северо-Востоке Китая в период с середины XIX до начала XX в. Ли Нань констатирует, что между развитием железных дорог и

¹Ши Сюэцинь. Новые иммигранты в заморских китайских поселках Фуцин после реформы и открытия и нелегальные иммигранты // *Overseas Chinese Historical Studies*. – 2000. – № 4.

²Гао Сяоцзе, У Юсинь. Транснациональная иммиграция: исследование цинтянь из заморских китайских поселков // *Социология*. – 2002. – № 12.

³Сюй Цзиньин Предварительное исследование двух волн иммиграции в современных заморских китайских поселках Фуцин // *Journal of Overseas Chinese University*. – 2002. – № 4; Ши Сюэцинь. Новые иммигранты в заморских китайских поселках Фуцин после реформы и открытия и нелегальные иммигранты // *Overseas Chinese Historical Studies*. – 2000. – № 4; Гао Сяоцзе, У Юсинь. Транснациональная иммиграция: исследование цинтянь из заморских китайских поселков // *Социология*. – 2002. – № 12.

⁴移民与社会发展—中国特色的移民之路”论坛综述(中国社会科学网-2010 年学术年会) 中国社会科学官网 = Обзор Форума по миграции и социальному развитию – Путь к миграции с китайской спецификой (Китайская социологическая ассоциация – ежегодная научная конференция 2010). – Текст: электронный // Китайские общественные науки: [офф. сайт]. – URL: http://csa.cssn.cn/xsnh2010/lts2010/201008/t20100807_1966895.shtml (дата обращения: 25.07.2020).

⁵Там же.

миграцией существует причинно-следственная связь¹. По мнению ученого, развитие и улучшение транспортной инфраструктуры является важным фактором миграционного процесса.

Различные формы адаптации, оказывающие влияние на формирование характеристик мигрантов, выделяет Луо Яо². Это межличностная адаптация, адаптация к повседневной жизни, экономическая адаптация. Причем ученый обращает внимание на то, что самой низкой является экономическая адаптация, а самой высокой – межличностная. Сам процесс адаптации обусловлен различными факторами: «...воздействие СМИ, городское социальное взаимодействие, участие в общественной жизни»³. Немаловажным фактором в процессе адаптации является и помощь, оказываемая их соотечественниками, проживающими в новой стране. В отличие от новой экономической теории Старка, где речь идет о помощи мигрантов домохозяйствами, оставшимися на родине, для китайцев значимым является воссоединение с семьей, родственниками в стране прибытия. Чжуан Готу отмечает, что «...большинство китайцев старого поколения, поселившихся в США в 1970-х гг., привезли с собой десятки родственников. Один житель Фуцина, поселившийся в США в 1968 г., привез с собой более ста родственников»⁴. Формы помощи соотечественников весьма разнообразны: это предоставление жилья, информация о стране, возможностях трудоустройства, помощь в поиске работы, материальная и профессиональная поддержка через созданные в стране прибытия общины и другие организации.

¹移民与社会发展—中国特色的移民之路”论坛综述(中国社会学会-2010 年学术年会) 中国社会科学官网 = Обзор Форума по миграции и социальному развитию – Путь к миграции с китайской спецификой (Китайская социологическая ассоциация – ежегодная научная конференция 2010). – Текст: электронный // Китайские общественные науки: [офф. сайт]. – URL: http://csa.cssn.cn/xsnh2010/lts2010/201008/t20100807_1966895.shtml (дата обращения: 25.07.2020).

² Там же.

³ Там же.

⁴Чжуан Готу. Китайская зарубежная иммиграция за последние 30 лет: на примере иммиграции в Фучжоу. – Текст: электронный // Нации мира. – 2006. – Вып. 3. – С. 38–46 = 庄国土. 近 30 年来的中国海外移民 :以福州移民为例: 《世界民族》2006 年第 3 期: 38–46. – URL: <https://core.ac.uk/download/pdf/41345226.pdf> (дата обращения: 11.07.2023).

Стратегии адаптации рассматриваются китайскими учеными в контексте сохранения национальной идентичности и существования в культуре доминирующего общества прибытия, интереса к ней через контакт. Сохранение идентичности осуществляется в таких формах, как поддержка семейной миграции, социальные контакты в сети Интернет, зарубежное обучение и эмиграция, широкое привлечение иностранными государствами квалифицированных и инвестиционных мигрантов. Последние, ставят перед собой задачу – вложение инвестиций в бизнес за рубежом с последующим возвращением на родину. Следующий механизм – это поддержка трудовых мигрантов, ориентированных не на смену гражданства, а на экономический эффект своего пребывания в стране-реципиенте. Сегодня китайским правительством принят курс на «поддержку обучения за рубежом, поощрение возвращения и свободы передвижения»; политика в отношении обучения за рубежом стала более либеральной и разумной, а обучение за рубежом вступило в фазу устойчивого роста и развития¹, что отвечает целям современной политики развития китайского государства.

Особое внимание китайские исследователи уделяют такой категории китайских мигрантов, как «новые иммигранты». Данное понятие введено в научный обиход учеными Китая. Это – «...население материкового Китая, переехавшее за границу после реформы и открытия Китая»². Большинство исследователей считает, что новые мигранты есть «продукт политики реформ и открытости», что порождает их специфические характеристики.

В настоящее время в научных кругах Китая вокруг данного понятия ведутся споры, касающиеся следующих проблем:

¹Чэн Си. Некоторые размышления о статусе и роли иностранных студентов в эпоху глобализации // Развитие Китая. – 2002. – № 1. – С. 57.

²Чжу Дунцин. Исследование ученых материкового Китая о новых иммигрантах. Университет Хуацяо. Международный китайский научно-исследовательский институт = 中国大陆学者有关新移民问题的研究华侨大学·华侨华人研究所朱东芹. – URL: <http://www.law.osaka-u.ac.jp/~c-forum/symposium/0611zhudongqin.htm> (дата обращения: 12.05.2021). – Текст: электронный.

– кого можно отнести к данной категории? В частности, речь идет о китайских студентах, получивших образование в другой стране и оставшихся здесь на постоянное место жительства;

– каковы исторические рамки введения данного понятия, какие исторические факты и действия являются основой его появления?

Высокий уровень интеграции в принимающее общество демонстрирует группа «новых мигрантов», что обусловлено их характеристиками, о которых пишут Чжао Хуньин¹, Чжан Чжичэн². Большую часть этой группы образует молодежь, родившаяся после освоения Нового Китая. Учеными выделены основные характеристики данной группы мигрантов, свидетельствующие о выборе ими стратегии интеграции в принимающем обществе. Опираясь на концепцию Дж. Берри, проведем группировку этих характеристик по следующим параметрам:

– отношение к миру своей культуры, родине: обладают высоким чувством привязанности к своей родине, национальной идентичности, переживают за судьбу своей родины, беспокоятся о ее будущем, защите ее интересов, поддерживают связь с родиной;

– личностные характеристики: креативность, широта взглядов, легкая адаптация к новым условиям, высокий уровень образования;

– отношение к принимающему обществу: легко интегрируются в местное сообщество по своей инициативе, осваиваются в нем, участвуют в его жизни, защищают свои интересы, создают свои институты³. «Новые мигранты» выполняют функцию создания и поддержания имиджа Китая за рубежом. В связи с появлением новых мигрантов изменились и формы сохранения идентичности. Если раньше китайцы сохраняли свою идентичность, создавая различные организации, то сегодня связь с родиной

¹Чжао Хунин. Размышления о некоторых проблемах новых иммигрантов в материковом Китае в последние 1–2 десятилетия // Зарубежные китайские исторические исследования. – 2000. – № 4.

²Чжан Чжичэн. Обсуждение проблемы новых иммигрантов в Европе // Журнал китайских мигрантов Бакгуй. – 2002. – № 1.

³Чжан Сюмин. Иммигранты из континентального Китая в международной миграционной системе – также о проблеме новых иммигрантов // Зарубежные китайские исторические исследования. – 2001. – № 1. – С. 24.

можно поддерживать благодаря интернету, что оказывает большое влияние на ощущение мигрантом гражданином страны убытия.

Китайские мигранты, сохраняя свою идентичность, культуру и проявляя интерес к культуре общества пребывания, формируют стратегию интеграции, что обеспечивает решение их задач в различных сферах жизнедеятельности общества. Одним из критериев, позволяющих говорить о выборе китайскими мигрантами стратегии интеграции при вписывании в принимающее общество, является сохранение ими национальной идентичности. В век информатизации, технологизации, новых форм коммуникации проблема идентичности стала предметом анализа ученых, общественных и государственных деятелей. В программных документах ЮНЕСКО идентичность определяется как «жизненное ядро культуры, тот динамический принцип, через который общество, опираясь на свое прошлое, черпая силу в своих внутренних возможностях и осваивая внешние достижения... осуществляет процесс постоянного развития»¹.

Для китайских мигрантов сохранение национальной идентичности имеет большое значение, это своеобразная связь с родиной, ее историей, культурой и свое место в ней. Кроме того, значимым фактором выступает сохранение традиционной китайской культуры, ее ценностей. Как подчеркивает В. А. Тишков, экономическая модернизация Китая обновила национальную идентичность китайского народа, обозначив ее политические и культурные характеристики². «Традиционная китайская культура более не является антитезой современного пути страны – напротив, она выступает источником его исторической легитимности»³. Поднимая, вопрос о культурном наследии и специфике развития Китая Си Цзиньпин, сформулировал четыре положения, фиксирующие их значимость. Во-первых, каждая страна выбирает свой путь развития, опираясь на исторические

¹ См.: Матузкова Е. П. Культурная идентичность: к определению понятия // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. – 2014. – Вып. 2. – С. 62.

² Тишков В. А. Нация наций: о подходах к пониманию России. – М.: ИЭА РАН, 2023. – С. 43.

³ Там же. – С. 44.

традиции, культурное наследие. Во-вторых, китайская культура покоится на таких духовных моментах, как неустанное порождение жизни китайской нации, развитие ее добросердечия. В-третьих, китайская культура – это одно из преимуществ китайской нации. В-четвертых, социализм с китайской спецификой порожден китайской культурой, ее историческими основами и самой жизнью китайского народа¹. Китайские мигранты сохраняют приверженность своей традиционной культуре, многовековым ценностям, причем это проявляется как в повседневной жизни, так и в профессиональной. М. Кастельс обращает внимание на то, что «...значение клана сохраняется в Китае и по сей день, поскольку китайская организация бизнеса основана на семейных фирмах (цзяцзучи-е) и кросс-секторных деловых сетях, часто контролируемых одной семьей. Фирма является семейной собственностью, а доминантная ценность касается семьи, а не фирмы. Когда процветает фирма, процветает и семья. После того как накоплено достаточно богатства, оно делится среди членов семьи, которые инвестируют его в другие фирмы. Несмотря на частое соперничество внутри семьи, основой сделок всё ещё является личное доверие, ценимое выше юридических и конкретных отношений. Семейные фирмы связаны субподрядами, обменом инвестициями и разделением капитала»².

Среди факторов, оказывающих влияние на успешную интеграцию китайских мигрантов в российское общество, нами на примере исследования китайских студентов выделены «внешние (соответствие условий жизни, длительность оформления визы, несоответствие учебных планов и др.) и внутренние факторы (сложность изучения иной культуры, внутреннее беспокойство, недостаточное чувство комфорта)³.

¹Тишков В. А. Нация наций: о подходах к пониманию России. – М.: ИЭА РАН, 2023. – С. 44.

²Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура: пер. с англ. / под науч. ред. О. И. Шкаратана. – М.: ВШЭ, 2000. – 608 с.

³Цзян Дань. Исследование факторов, влияющих на качество жизни китайских мигрантов, проживающих на территории России // Russian Economic Bulletin (Российский экономический вестник). – 2024. – Т. 7, № 1. – С. 65.

Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) выделяет для измерения интеграция мигрантов в принимающее общество 68 показателей: знание языка, уровень заработной платы, качество жилищных условий, доступ к образованию, системе здравоохранения, состояние здоровья мигранта, включенность в рынок труда и уровень безработицы, дискриминации, вовлеченность в общественную, гражданскую жизнь и др.¹ Успех интеграции, как считает А. А. Илимбетова, может быть осуществлен путем применения «стратегии четырех Д»: доступ к информации, правовому статусу, инфраструктуре, ресурсам и услугам². Предложенная стратегия вызывает ряд возражений: как возможно измерить этот доступ, каковы его показатели? Если не будет получен один или несколько доступов, то можно ли считать интеграцию успешной? В данном случае этот доступ предоставляет страна-реципиент в соответствии со своей миграционной политикой, т. е. будет оцениваться не интегрированность мигрантов, а деятельность государственных и правовых структур. Поэтому свидетельством успешности мигрантов могут служить их социальные практики, о чем пойдет речь в следующей главе.

При анализе этого аспекта проблемы мы опираемся на методологические положения В. С. Стёпина. Проблема миграции, с одной стороны, порождена цивилизационным, межкультурным взаимодействием, а с другой – она порождает социальную интеграцию. Поэтому, обращение к теории цивилизационного взаимодействия В. С. Стёпина позволяет определить особенности социальных практик успешности китайцев в пространстве России. По мнению ученого, «модернизации переводят традиционалистские общества на путь техногенного развития, сохраняя при

¹ Indicators of Immigrant Integration 2015. – Текст: электронный // OECD: Official Website. – URL: <https://www.oecd.org/els/mig/indicatorsofimmigrantintegration.htm> (дата обращения: 13.06.2023).

² Илимбетова А. А. Адаптация и интеграция мигрантов: условия, цели, подходы // Вестник Института экономики Российской академии наук. – 2021. – № 2. – С. 144–155.

этом фрагменты традиционалистской культуры и порождая проблемы их адаптации к новым ценностям. Так было в истории России, Японии, Китая»¹.

Миграция предполагает, что «создаются предпосылки взаимопонимания культур, но не просматриваются возможности изменения базисных ценностей, их разделяющих»². Проблема успешности, если обратиться к работам В. С. Степина, может быть обоснована следующим положением: если в западной культуре «вектор человеческой активности направлен вовне, на преобразование мира», то для восточной традиции «вектор человеческой активности ориентирован не столько вовне, сколько вовнутрь, на самовоспитание, самоограничение, включение в традицию»³.

Путь интеграции китайских мигрантов в России, как отмечалось ранее, это «...путь от удивления и непонимания к постепенному принятию и интеграции с ними, чтобы еще больше обогатить свою жизнь»⁴. Даже такой, казалось бы, незначительный момент, как отношение к пище, и тот имеет значение в процессе интеграции, сохранения своей идентичности. Нами выделены следующие формы проявления культурной идентичности китайских мигрантов: складывающийся новый образ жизни в стране прибытия (иная сфера деятельности, новые отношения, другая пища, природа, другой досуг, ценности и т. п.); языковая адаптация; праздники, сохранение традиций, обычаев⁵.

Особенности появления культурных универсалий у эмигрантов выражаются в том, что в другой стране их традиционная культура, если сослаться на утверждение В. С. Степина, «накладывает на них определенные ограничения, направляет их действие по определенному руслу, которое

¹ Степин В. С. Глобализация и диалог культур: проблема ценностей. – Текст: электронный // Век глобализации. – 2011. – № 2. – С. 9. – URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_16950541_91066415.pdf (дата обращения: 22.05.2022).

² Степин В. С. Глобализация и диалог культур: проблема ценностей. – Текст: электронный // Век глобализации. – 2011. – № 2. – С. 9. – URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_16950541_91066415.pdf (дата обращения: 22.05.2022).

³ Там же.

⁴ Цзян Дань. Исследование культурной идентичности китайских мигрантов в России // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. – 2021. – № 5. – С. 20.

⁵ Там же. – С. 19–22.

очерчено исторически сложившимися традициями, привычками, образцами поведения, нравственными и правовыми нормами»¹. Этот тезис подтверждает наше положение о том, что, находясь долгое время на территории России, китайские мигранты не ассимилируются, а интегрируются в ее культуру, сохраняя свою и встраиваясь в другую культуру, которая является сферой их жизнедеятельности.

Интересный подход к исследованию мигрантов, особенностей ее формирования предлагает Хуан Сяосин². Объектом анализа в теории ученого стали мигранты с материка, приехавшие в Гонконг, чтобы реализовать свою «гонконгскую мечту». Исследователь отмечает, что вписывание материковых мигрантов в пространство Гонконга имеет ряд особенностей. Во-первых, интеграция материковых мигрантов в различные социальные сети формируется на основе их культурных традиций, что позволяет ей сохранять и развивать свою идентичность как социальной группы. Во-вторых, мигранты с материка в Гонконге на профессиональной лестнице успеха расположены на верхней середине, что отличает эту группу от мигрантских групп и местного населения. В-третьих, сочетание этих двух факторов (неучастие в местных социальных сетях, положение в профессиональной иерархии) делает их изолированной социальной группой, оказывая отрицательное влияние на формирование у нее идентичности Гонконга. «...дальнейшее ускорение социально-экономической интеграции двух мест является фундаментальной предпосылкой для решения проблемы двойной сегрегации»³.

Таким образом, анализ работ китайских ученых в области исследования миграции позволил сделать ряд выводов. В публикациях

¹Стёпин В. С. Цивилизация в эпоху перемен: поиск новых стратегий развития. – Текст: электронный // Журнал Белорусского государственного университета. Социология. – 2017. – № 3. – С. 6–11. – URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_36665773_51457955.pdf (дата обращения: 27.07.2022).

²移民与社会发展—中国特色的移民之路”论坛综述(中国社会科学网--2010 年学术年会) 中国社会科学官网 = Обзор Форума по миграции и социальному развитию – Путь к миграции с китайской спецификой (Китайская социологическая ассоциация – ежегодная научная конференция 2010). – Текст: электронный // Китайские общественные науки: [офф. сайт]. – URL: http://csa.cssn.cn/xsnh2010/lts2010/201008/t20100807_1966895.shtml (дата обращения: 25.07.2023).

³Там же.

китайских ученых проблематика миграции представлена достаточно широко.

В центре внимания находятся следующие вопросы:

- анализ субъектов миграционного процесса, их характеристики, различные виды профессиональной деятельности как в стране исхода, так и в стране прибытия;
- факторы, влияющие на принятие решения о миграции;
- вопросы, связанные с интеграцией в принимающее общество, детерминанты этого процесса.

Глава 2. Успешность китайских мигрантов в жизненном пространстве России: социокультурные факторы и социальные практики

2.1. Социокультурные факторы успешности китайских мигрантов

Положение китайских мигрантов в России весьма противоречиво. С одной стороны, оно характеризуется высоким уровнем успеха, который предполагает высокий уровень доходов, статус человека и т.п., о чем свидетельствуют их миграционные настроения: большая часть китайцев не планируют уезжать из России, рассматривая ее как постоянное место проживания. В то же время процесс достижения успеха может быть менее эффективным, о чем говорят следующие факты: компактность, замкнутость, изолированность, локализация проживания, отсутствие склонности к ассимиляции и культурной миксации, низкий или недостаточный уровень владения русским языком. Все эти процессы обусловлены социокультурными факторами успешности китайских мигрантов как условиями их интеграции в российское общество.

Философская антропология коррелирует с вызовами современности, одним из которых являются происходящие на современном этапе развития общества миграционные процессы, сущность и функциональную определенность которых мы рассмотрели в предыдущей главе. Философско-антропологический подход позволяет рассматривать выбор путей к достижению идеала, методы решения существующих проблем, что является важным для нашего исследования. В связи с тем, что философская антропология признает междисциплинарность и должна опираться на данные всех дисциплин, изучающих человека, на что указывают классики философской антропологии (А. Гелен, Х. Плеснер, М. Шелер), мы при анализе успешности используем концепции ученых разных областей наук.

Анализ концепций, описывающих успешность, показывает, что данное понятие, прежде всего, соотносится с понятием «успех», который Сунь Цзин и Чжан Сяньхао определяют как философскую категорию, означающую достижение желаемого результата. Человек в социальной жизни и производственной деятельности всегда стремится к успеху¹. Понятие успешность можно соотнести и с понятием «процветание». Процветание – это способность индивидуума, группы или нации создавать жилища, продукты питания и другие материальные блага, позволяющие людям, согласно их собственным представлениям, вести обеспеченную жизнь². М. Фэйрбенкс к основной составляющей процветания относит среду, в которой человек не ограничивает себя проблемами выживания³. Многие экономисты в основе этой составляющей видят возможность человека покупать товары и приобретать ценности, созданные другими людьми. Среда, способствующая более производительному труду, включает разные виды капиталов: социальный, гуманитарный, культурный. А. Сен также указывает на преимущество трактовки процветания, связанной с совокупностью разного рода капитала.

М. Портер связывает процветание с развитием экономической культуры – совокупностью убеждений, установок и ценностей, имеющих отношение к экономической деятельности индивидов, организаций, институтов⁴. Важными и основными составляющими экономической культуры ученый называет трудолюбие, инициативность, ценностный подход к образованию. Однако при этом отмечает, что все перечисленные качества, несомненно, имеют отношение к процветанию, но ни одному из этих атрибутов не присуща однозначная корреляция с экономическим

¹孙婧, 张祥浩. 中国哲学的成功论//学海.2011年5月,183页 = Сунь Цзин, Чжан Сяньхао. Теория успеха китайской философии // Сюэхай. – 2011. – № 5. – С. 183.

² Фэйрбенкс М. Преобразуя сознание нации: о ступенях, ведущих к процветанию // Культура имеет значение. Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу / под ред. Л. Харрисона, С. Хантингтона. – М.: Моск. школа политических исследований, 2002. – С. 242.

³Там же. – С. 240–259.

⁴ Портер М. Установки, ценности, убеждения и микроэкономика процветания // Культура имеет значение. Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу / под ред. Л. Харрисона, С. Хантингтона. – М.: Моск. школа политических исследований, 2002. – С. 49.

прогрессом»¹. Говоря о среде, которая является важной для процветания, следует учитывать соотношение факторов культуры с другими измерениями общественной жизни – географией, политикой, экономикой. При фиксированном состоянии данных переменных диапазон влияния, которое способна оказывать культура, сокращается. Д. Ландес отмечает, что «в Китае при нынешней политике, которая не подавляет, а поощряет экономическое развитие, дисбаланс между успехами китайцев у себя дома и за границей начинает исчезать»².

Анализ китайской научной литературы показывает, что китайские ученые выделяют два похода к изучению успешности.

Первый – инструментальный подход, который, по мнению китайских ученых, утилитарен и недальновиден³. Ценность успешности, прививаемая людям современным обществом, измеряется при данном подходе исключительно материалистическими ценностями, в результате чего человек слепо идет на все ради успеха и становится жертвой успешности. В стремлении к успешности нет ничего плохого, но если успешность сводится к количеству богатства, то это очень неблагоприятно для долгосрочного развития общества.

Китайские исследователи, рассматривая успех, указывают на неоднозначность его понимания. Чжэн Аньвэнь, анализируя представления об успехе, отмечает, что успех может предстать не только с положительной, но и с отрицательной стороны, если он понимается как «иррациональное и нездоровое понимание, осознание людьми проблемы и их стремление к ней»⁴. В современном китайском обществе под влиянием традиционной

¹ Там же. – С. 50.

² Ландес Д. Культура объясняет почти все // Культура имеет значение. Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу / под ред. Л. Харрисона, С. Хантингтона. – М.: Моск. школа политических исследований, 2002. – С. 33.

³ 卢艳君. 社会需要多元化的成功观/卢艳君//中国科学报(中央级). 2012. № 1. 第 006 版. = Лу Яньцзюнь. Общество нуждается в разнообразных представлениях об успешности // Новости науки Китая (Центральный). – 2012. – № 1, вып. 006.

⁴ 郑安文. 当代中国社会病态成功观问题探析/郑安文 // 学理论. 2013. № 21. 第 102 页. = Чжэн Аньвэнь. Анализ проблемы патологического взгляда на успех в современном китайском обществе // Научная теория. 2013. – № 21. – С. 102.

культуры, западных ценностей, рыночной экономики и других факторов данное понятие успеха становится преобладающим в определенной части социума и оказывает далеко идущее влияние на общество Китая. В результате в обществе утрачиваются основные нравственные устои и рушатся ценности. С этим патологическим явлением необходимо своевременно бороться, чтобы создать гармоничную и здоровую социальную среду, способствующую развитию талантов. В этом аспекте Су Ши предлагает связать процесс успешности с экстраординарностью, так как экстраординарные люди, прежде всего, обладают качеством не служить наживе, а устанавливать экстраординарные достижения¹.

Второй – ценностный подход к успешности, согласно которому достижение успеха заключается в учете самооценности человека, реализации им своей социальной роли. Понятие успешности, согласно этому подходу, отражает ценности общества. Стремление к успешности может быть позитивным стимулом для любого нормально функционирующего общества, и если в обществе отсутствуют такие ценности, которые формируют его, то в динамике развития этого общества будут наблюдаться определенные искажения.

Ван Люфэй, анализируя требования построения новой социалистической культуры, приходит к выводу, что отчуждение принципа социальной успешности и принципа индивидуального наслаждения является важной причиной многих культурных проблем в китайском и западном обществах; кроме того, принцип социальной успешности интегрируется с принципом индивидуального наслаждения посредством примирения противоположностей².

Философско-антропологический подход к анализу успешности позволяет констатировать, что она относится к категории человеческого духа

¹孙婧, 张祥浩. 中国哲学的成功论//学海. 2011年5月, 183页. = Сунь Цзин, Чжан Сяньхао. Теория успеха китайской философии // Сюэхай. – 2011. – № 5. – С. 183.

²王刘飞. 社会比较、成就归因与社会冲突感/王刘飞 // 社会科学. 2015. № 6. 第 90 页. = Ван Люфэй. Социальное сравнение, атрибуция достижений и чувство социального конфликта // Социальные науки. – 2015. – № 6. – С. 102.

и является важным элементом сознания. В то же время оно отражает уровень ценностного стремления субъекта и его регулятивы. Лю Цзунби, анализируя концепт успешности, характеризует психологическую мотивацию стремлений и потребностей людей в их практической деятельности, а также отражает разновидность ценностей людей¹. По сути, концепт успешности относится к категории теории ценностей, таким образом, представляя собой важный элемент человеческих ценностей. Таким образом, можно сказать, что концепция успешности относится к теории ценностей.

Лу Яньцзюнь отмечает, что общество Китая остро нуждается в правильном (ценностном) понимании успешности, ценности и цели успеха, а также в достижении успеха законными и правомерными способами, для чего необходимы совместные усилия общества, школы, семьи и отдельных людей². Поскольку представление людей об успешности часто очень социально ориентировано, первым шагом к формированию правильного представления об успешности должен стать отказ от культуры погони за славой и богатством и формирование ценностного представления об успешности. Нужен эффективный механизм формирования успешности³.

Таким образом, в китайской философии понятие «успешность» относится к разновидности ценности жизни, которая является категорией духовной жизни человека и важным содержанием в сфере сознания человека, отражая при этом уровень ценностных поисков человека и его положения в обществе.

В основе представлений об успешности в трудах китайских ученых лежит концепция мотивации достижения, описанная в трудах западных

¹ 刘宗碧. 中西传统成就观及其社会影响的比较 = Лю Цзунби. Сравнение традиционных китайских и западных представлений о успешности и их социальных последствиях. – URL: https://xueshu.baidu.com/usercenter/paper/show?paperid=83f1c2911561cd67e4d13472806c6a2c&site=xueshu_se (дата обращения: 12.05.2023). – Текст: электронный.

² 卢艳君. 社会需要多元化的成功观/卢艳君 // 中国科学报 (中央级). 2012. № 1. 第 006 版. = Лу Яньцзюнь. Общество нуждается в разнообразных представлениях об успешности // Новости науки Китая (Центральный). – 2012. – № 1, вып. 006.

³ Там же.

исследователей Дж. Аткинсона, В. Джона¹, Д. Макклелланда², Дж. Флеминг, М. Хорнера³, которая характеризует психологическую мотивацию как стремление к практической деятельности, потребность в ней и отражает одну из ценностей человека⁴.

Отметим еще одну концепцию, лежащую в основе понимания успешности в трудах китайских ученых, – концепцию успеха, основанную на формуле капитала, приносящего проценты, и связанную с экономической стабильностью⁵. Такое представление об успехе распространено и в реальной жизни, а потому заслуживает внимания. В использовании капитала необходимо искать основы для эффективного экономического развития. Лу Сяохэ отмечает, что устойчивая экономика – это не только материальная и экологическая устойчивость, но и, что еще важнее, устойчивость с точки зрения взглядов на жизнь и успех. Таким образом, это не просто вопрос, на который можно ответить в рамках экономической этики, а вопрос мировоззрения и нравственных идеалов. Юань Ли, председатель совета директоров и президент Shanghai Fudan Group, провел ценные исследования в этом направлении, определяя свой личный и деловой успех как веру и чувство ответственности за то, чтобы быть хорошим человеком и хорошим бизнесменом, что привело к устойчивому развитию его бизнеса и его самого как владельца⁶. Анализ научной литературы показал, что успешность рассматривается как особая направленность личности с характерной мотивацией на достижение, с ценностями, коммуникативными навыками,

¹ Atkinson J., John W. A Theory of Achievement Motivation Huntington. – N. Y.: RE Krieger Pub. Co, 1974. – 393 p.

² McClelland D. C. Human Motivation. Cambridge: Cambridge University Press, 1987. – 669 p.

³ Fleming J., Horner M. The Motive to Avoid Success // Motivation and Personality: Handbook of Thematic Content Analysis. – N. Y., 1992. – P. 190–204.

⁴ 刘宗碧. 中西传统成就观及其社会影响的比较/刘宗碧 // 呼兰师专. 1998年, № 1. 第 28–34 页 = Лю Цзунби. Сравнение традиционных китайских и западных взглядов на успешности и их социальное влияние // Хуланский педагогический колледж. – 1998. – № 1. – С. 28–34.

⁵ 陆晓禾. 从比尔·盖茨到巴菲特—对美国金融危机的成功观反思/陆晓禾 // 道德与文明. 2010. № 2. 第 22–25 页. = Лу Сяохэ. От Билла Гейтса до Уоррена Баффета: размышления об успешном взгляде на финансовый кризис в США // Этика и цивилизация. – 2010. – № 2. – С. 25.

⁶ Там же.

когнитивными способностями, умением контролировать эмоции и обусловлена культурой.

Говоря об обусловленности успешности культурой, считаем необходимым отметить, что культурные истоки лежат в основе различий между китайским и западным взглядом на успешность. Лю Цзунби, анализируя китайскую и западную традиции формирования успешности, отмечает, что различие между китайским и западным взглядами на успешность, в основе которых лежат культурные истоки, в первую очередь проявляется в том, что Запад ставит на первое место социальную значимость стремления к истине, а Китай – стремление к нравственности. На это же указывает Цзоу Хун, анализируя основы традиционной культуры Китая¹.

Лю Цзунби выявляет еще один культурный исток различий между китайским и западным взглядом на успешность – различные представления о влиянии различных концепций успешностей в обществе. Чжао Сюдун отмечает, что концепция успешности в Китае, как ценностно-ориентирующий культурный фактор, проявляется, прежде всего, в ее влиянии на образовательные концепции и психологию успеха². Культурные особенности традиционного китайского образования и подготовки кадров соответствуют идеальной личности китайских святых, и они являются продуктами традиционной китайской концепции достижений. Это полностью отличается от Запада, где концепция успеха ориентирована на стремление к истине и ее ценности с точки зрения рациональности и как цели человеческой жизни.

Подтверждение данной идеи можно увидеть в трудах В. С. Степина, который развивает мысль о том, что проблема успешности, если обратиться к работам, может быть обоснована следующим положением: если в западной культуре «вектор человеческой активности направлен вовне, на преобразование мира», то для восточной традиции «вектор человеческой

¹ Цзоу Хун. Влияние традиционной культуры Китая на современное общество // Гуманитарный вектор. 2009. – № 4. – С. 92–97.

² 赵旭东. 当前社会成功教育的问题及分析/赵旭东 // 思想政治工作研究. 2011. № 1. 第 12–14 页 = Чжао Сюдун. Актуальные проблемы и анализ образования о социальной успешности в обществе // Исследования по идеологической и политической работе. – 2011. – № 1. – С. 12–14.

активности ориентирован не столько вовне, сколько вовнутрь, на самовоспитание, самоограничение, включение в традицию»¹.

Существует множество видов человеческих достижений. По форме субъекта успешности их можно разделить на индивидуальные и социальные. Концепт успешности – это специфическое выражение ценности жизни, в основном отражающее опыт и понимание людьми концепции успеха. В соответствии с делением объекта познания концепт успеха можно разделить на концепт собственного успеха и концепт успеха других людей. Это деление относительно. Однако успешность, как продукт социальной практики человека, отражается в сфере восприятия или сознания; в идеалах и целях людей.

Поскольку представление людей об успешности часто очень социально ориентировано, одним из видов успешности является социальная успешность, которая связана с социальной природой человека, рассматривается как совокупность качеств личности, связанная с удовлетворением относительно своего положения в социальном окружении, а также как результат интеграции человека в данную социальную среду².

«Социальная успешность – это определенный уровень социальных достижений, признаваемый успешным в данной стране и ее культурой»³. Это отражено в работах О. С. Гуровой, в которых социальная успешность объясняется через «психическое состояние человека, которое характеризуется личным удовлетворением своего положения в социальном окружении, а также как результат интеграции человека в социальную среду»⁴. Социальная успешность содержит объективную и субъективную составляющие. Социальная успешность – это личностная характеристика человека,

¹ Степин В. С. Глобализация и диалог культур: проблема ценностей. – Текст: электронный // Век глобализации. – 2011. – № 2. – С. 12. – URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_16950541_91066415.pdf (дата обращения: 22.05.2022).

² Тугушева А. Р. Представление о социальной успешности и личностное самоопределение юношества: автореф. дис. ... канд. психол. наук: 19.00.05. – Самара, 2007. – 24 с.

³ Там же. – С. 54–55.

⁴ Гурова О. С. Представления современных студентов о социальной успешности // Вестник психологии и педагогики Алтайского государственного университета. – 2016. – № 1. – С. 53.

позволяющая включаться в систему социальных связей, построение взаимоотношений, приобретение социального статуса. Состояние успешности – это уверенность в себе, своих силах, самоуважение, ценность своего «Я»¹. Субъективные факторы социальной успешности личности зависят от уровня общих умственных способностей индивида². Кроме того, важны временные и пространственные характеристики условий социальной среды.

Социальная успешность, как следует из анализа научной литературы, рассматривается в качестве положительного результата процесса социализации³. Социальная успешность, как и социальное благополучие, является субъективной характеристикой. О. А. Поворознюк отмечает, что социальная успешность является не просто субъективной, а интегративной характеристикой личности, определяющей наличие субъективно-ценностных достижений в социально значимой деятельности, взаимодействии, решении жизненно важных проблем и способствующей преодолению учеником негативных обстоятельств социализации⁴. Является также результативностью личности в деятельности, влияющей на качества, которые позволяют в процессе освоения социального опыта конструктивно функционировать, позитивно развиваться, благополучно преодолевать трудности и разрешать социальные проблемы.

Внешними критериями социальной успешности являются положение в обществе и возможность оказывать влияние, ими определяется получение материальных и нематериальных благ и достижение поставленных целей⁵.

¹ Размолодина С. Н. Научный аппарат исследования формирования социальной успешности детей группы риска средствами социального цирка // Научные труды Московского гуманитарного университета. – 2022. – № 5. – С. 56.

² Терелянская И. В. Концепт понятия «социальная успешность» в социально-психологическом и историческом контекстах // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 11. Естественные науки. – 2015. – № 4. – С. 93.

³ Добря М. Я., Мальчевская М. Л. Исследование социальной успешности как показателя социального благополучия у младших школьников киргизской диаспоры Южно-Сибирского региона // Мир науки, культуры, образования. – 2021. – № 6. – С. 76.

⁴ Поворознюк О. А. Социальная успешность школьников как результат профилактики их виктимности // Вопросы воспитания и обучения. Сибирский педагогический журнал. – 2014. – № 3. – С. 13.

⁵ 罗家德, 邹亚琦. 社会资本对社会成就归因的影响—以地震灾区农村居民数据分析为例/罗家德, 邹亚琦 // 江苏社会科学. 2015. № 5. 第 21 页 = Ло Цзядэ, Цзо Яци. Влияние социального капитала на атрибуцию

Социальная успешность понимается нами как определенный уровень социальных достижений, признаваемый успешным в данной стране и ее культурой. Как правило, это определенный уровень материального достатка, гармонии самим с собой, профессионального и социального статуса и социального влияния.

Сравнительное состояние социальных успешностей мужчин и женщин позволяет судить о наличии или степени предвзятости и дискриминации по гендерным вопросам в той или иной стране. В китайском обществе существует гендерное разделение труда, при котором мужчины – сильные, а женщины – слабые, мужчины отвечают за внешний мир, а женщины – за внутренний. Выполнение обязанностей в семье, безусловно, сказывается на их успешности в социальной сфере. Однако данный процесс не является статичным, мы можем в китайском обществе наблюдать, когда социальная самореализация и семейные обязанности удачно совмещаются, но как отмечает Ло Цзяде, таких случаев, особенно в современном Китае, немного¹. Выводы ученого о социальных достижениях женщин основаны на анализе ряда показателей, включая участие в политической жизни, научные исследования, получение высших наград, занятость (учитывая недавние увольнения), распределение профессий и времени труда и отдыха в домашнем хозяйстве супружеской пары. Социальная успешность женского населения в Китае характеризуется увеличением численности, постепенным укреплением показателей и постепенным расширением отраслей, в которых они участвуют. Однако по абсолютным показателям и удельному весу отраслей она по-прежнему значительно уступает мужчинам. Ло Цзяде выделяет следующие причины этого: функциональные роли женщин по-прежнему ориентированы на решение семейных вопросов; некоторые женщины принимают традиционные роли добровольно; общество, в котором доминируют мужчины, особенно в условиях жесткой безработицы, по-

социальных успешностей: пример анализа данных сельских жителей в пострадавших от землетрясения районах // Социальные науки Цзянсу. – 2015. – № 5. – С. 21.

¹颜焯.我国女性人口的社会成就分析/颜焯//统计研究.2002.№01.第33页.

прежнему предвзято относится к женской занятости и социальным успешностям и даже приняло ряд жестких мер, затрудняющих женщинам более широкое развитие их талантов¹.

Однако Э. О. Леонтьева, Ван На, анализируя семьи китайских мигрантов в России, отмечают ситуацию смешения гендерных ролей в процессе их адаптации: «сформировалась небольшая, но устойчивая общность китайских мигрантов, ориентированных на долгосрочное проживание и работу в России. В этих семьях женщины сочетают выполнение традиционных женских ролей с зарабатыванием денег, а также реализуют важную коммуникативно-дипломатическую функцию. Именно они отвечают за контакт с окружающими как на формальном уровне, связанном с бизнесом или решением бытовых проблем, так и на неформальном, поддерживая общение в дружеских сетях. Реализация так называемой дипломатической функции делает роль женщины в процессе адаптации китайских мигрантов определяющей»².

Таким образом, социальная успешность в китайских исследованиях характеризуется как совокупность качеств личности, связанная с удовлетворением относительно своего положения в социальном окружении, а также как результат интеграции человека в данную социальную успешность.

Разновидностью социальной успешности является карьерная успешность, которая зависит от социально-психологических факторов среды. В число ведущих факторов внутренней среды вошли индикаторы хорошего социально-психологического климата и гомфотерности коллектива. Среди факторов внешней среды первостепенную роль играют инвариантность деловых отношений с партнерами, конкурентами и

¹Там же.

² Леонтьева Э. О., Ван На. Роль женщин в процессе адаптации семей китайских мигрантов в России // Социологические исследования. – 2022. – № 8. – С. 59.

клиентоориентированность при ведении бизнеса¹. В концепции карьерного успеха с позиций конструктивизма исследуются переменные и механизмы их действия, влияющие на карьерный успех на основе социально-когнитивной теории карьеры с точки зрения трех измерений: личности, среды и поведения².

Для анализа факторов формирования успешности представляется важным использование философско-антропологического подхода, который позволяет провести анализ выбора путей достижения идеала, методов постижения и разрешения общечеловеческих проблем, одной из которых являются миграционные процессы.

Сунь Цзин, Чжан Сяньхао отмечают, что существуют разные механизмы достижения успеха, как цели успешности. Ученые сформулировали основные положения теории успеха, обозначив в них субъективные и объективные факторы достижения успеха. «Только необычные люди могут добиться необычных успехов; где есть воля, там есть и путь, видеть ситуацию в мире, чтобы добиться успеха, половина планов человека и половина воли Бога»³.

Теория успеха, основанная на синтезе объективных и субъективных факторов его достижения, представлена и в трудах Цзэн Гофаня⁴. Ученый определяет главную идею концепции, которая заключается в следующем: планирование человеком – это первая часть достижения успеха, воля Неба – вторая. По мнению автора, эта идея имеет свои разумные основания, которые согласуются с теорией успеха в «Хуайнаньцзы». В данных теориях успех понимается как результат синтеза объективных обстоятельств и усилий

¹ Клейменова Ю. Э. Влияние социально-психологических факторов на успешность карьеры в малом бизнесе: автореф. дис. ... канд. психол. наук: 19.00.05. – М., 2007. – С. 22.

² 辛璐,周文霞,唐方成.职业成功观清晰度的前因变量及其作用机制—社会认知生涯理论(SCCT)视角 / 辛璐,周文霞,唐方成 // 经济管理. 2019. 41. 第 127–141 页. = Синь Лу, Чжоу Вэнься, Тан Фанчэн. Антецедентные переменные и их механизмы ясности карьерного успеха: перспектива социально-когнитивной теории карьеры (SCCT) // Экономический менеджмент. – 2019. – № 41. – С. 127.

³ 孙婧, 张祥浩.中国哲学的成功论 // 学海. 2011 年 5 月, 183 页.= Сунь Цзин, Чжан Сяньхао. Теория успеха китайской философии // Сюэхай. – 2011. – № 5. – С. 183.

⁴ 曾国藩: 曾国藩全集. 岳麓书友会, 1986 年. 290 页. = Цзэн Гофань. Полное собрание сочинений Цзэн Гофана. – Чанша: Книжный клуб «Юэлу», 1986. – 290 с.

человека. Важно понимать, что если есть усилия человека, но нет объективных обстоятельств, приложенные усилия не приведут к ожидаемым результатам, и если есть объективные обстоятельства, но нет усилий человека, то не может быть и речи об ожидаемых результатах.

На взаимосвязь объективных и субъективных факторов успеха указывают Гуань Биньинь и Хуан Ичжи, к субъективным факторам, важным для успеха человека, относят способности, личные усилия и образование, а личностные отношения, возможности и удачу – к объективным¹.

Анализ теорий китайских ученых о факторах успешности показывает, что субъективные факторы успешности китайских мигрантов связаны с теми свойствами человека, которые заложены китайской культурой, объективные – с условиями принимающей стороны.

Таким образом, философско-антропологический подход позволил определить успешность как философскую категорию, отражающую достижение желаемого результата как ценности жизни человека. Выделяются субъективные и объективные факторы формирования успеха, что соотносится с теориями российских ученых, концепцией жизненных сил человека, его индивидуальной и социальной субъектности С. И. Григорьева. Жизненные силы человека в данной концепции понимаются в качестве его способности к воспроизводству и осуществлению жизни как биологического и социального существа, способности к эффективному удовлетворению потребностей поддержания жизнеобеспечения и деятельного существования во всех сферах жизни общества. Жизненное пространство человека понимается как единство экологического, территориально-географического, социокультурного, экономического, политического, исторического и социально-бытового пространства среды обитания².

Жизненные силы обусловлены человеческими потребностями.

¹王刘飞.社会比较、成就归因与社会冲突感/王刘飞 // 社会科学. 2015. № 6. 第 90 页. = Ван Люфэй. Социальное сравнение, атрибуция достижений и чувство социального конфликта // Социальные науки. – 2015. – № 6. – С. 90.

² Григорьев С. И., Демина Л. Д., Растов Ю. Е. Жизненные силы человека. – Барнаул, 1996. – 92 с.

Основными теориями, на которые мы опираемся в своей работе и которые коррелируют с теорией С. И. Григорьева, являются следующие.

Концепция человеческих потребностей А. Маслоу, в которой он выделяет их классификацию: физиологические, в безопасности, принадлежать и любить, в уважении, в самоуважении, в самоактуализации: потребность человека реализовать свой интеллект, идеалы и амбиции¹.

Теория потребностей в успешности М. Клееланда², которая фокусируется в основном на социальных потребностях. Он утверждает, что после того как потребности в выживании в основном удовлетворены, три наиболее важные человеческие потребности – это потребности в успешности, в близости и во власти – развиваются параллельно. Эти три потребности имеют первичное и вторичное значение в структуре потребностей людей, и когда их первичные потребности удовлетворены, они склонны требовать все большего удовлетворения, т. е. те, кто имеет власть, стремятся к большей власти, те, кто имеет привязанность, стремятся к большей привязанности, а те, кто имеет достижения, стремятся к большим достижениям. Эти три потребности означают разные вещи для разных людей и в разное время. И уровень мотивации человека зависит от силы его желания преуспевать и стремиться к успеху.

Опираясь на идею о том, что классическая философская антропология выводит на первый план биологическую природу человека, мы согласны с выводом о том, что базовые потребности выражают генетически закреплённую необходимость в определённых группах условий жизни организмов, которая отражает непосредственные предпосылки возникновения организмов нового рода и вида. Данная идея берет свои истоки в теории С. С. Батенина о родовой сущности человека³. Важное место в этой теории занимает идея о социальной активности человека,

¹ Маслоу А. Мотивация и личность / пер. Т. Гутман, Н. Мухина. – СПб.: Питер, 2019. – 400 с.

² М. Клееланд. Мотивация человека. – СПб.: Питер. – 667 с. – URL: https://www.phantastike.com/motivation/chelovecheskaya_motivatciya/djvu/view (дата обращения: 11.06.2023). – Текст: электронный.

³ Батенин С. С. Человек в его истории. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1977. – 296 с.

обусловленной уровнем познания необходимости. В зависимости от конкретных исторических условий степень активности того или иного типа личности может не только возрастать, но и падать. Важно замечание С. С. Батенина о том, что «когда цель человека не только отражает его индивидуальные, личные потребности и интересы, но соответствует интересам и потребностям общества и человек осознает необходимость своего действия в рамках необходимости, то тогда его деятельность становится активной и свободной»¹.

Н. Л. Худякова связывает базовые потребности человека с базовой потребностью в самоактуализации, которая предполагает актуализацию открытости человека миру через освоение им культуры (различных групп культурных средств и форм культурно-опосредованных отношений)². На важную способность человека осмысливать культурные универсалии, рефлексируя их в мировоззренческие универсалии, указывают В. М. Межуев, В. С. Стёпин³.

На основе концепции жизненных сил человека можно говорить о жизненных силах национальных общностей, что позволяет создать адекватную реальность картины жизненных сил национально-этнической общности⁴. Оценка жизненных сил того или иного народа, национальной группы, их влияния на поведение этносов требует учета конкретно-исторической ситуации, законов, логики национально-государственного развития каждого из них.

В аспекте выявления культурных факторов (жизненных сил человека) успешности китайских мигрантов как условия их интеграции в российское общество представляет интерес идея Л. Харрисона, С. Хантингтона о том,

¹ Батенин С. С. Человек в его истории. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1977. – С. 281.

² Худякова Н. Л. Потребности человека и личностные ценности как социокультурная форма их существования // Вестник Челябинского государственного университета. – 2020. – № 4, вып. 55. – С. 36–47.

³ Стёпин В. С. Глобализация и диалог культур: проблема ценностей. – Текст: электронный // Век глобализации. – 2011. – № 2. – С. 8–17. – URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_16950541_91066415.pdf (дата обращения: 22.05.2022).

⁴ Григорьев С. И. Теоретические основы изучения жизненных сил национальных общностей // Социологические исследования. – 2000. – № 2. – С. 13–20.

что культурные ценности являются важнейшим фактором социального прогресса¹. Данная идея лежит в основе тезиса о том, что некоторые этнические группы, действующие в одинаковых для всех экономических условиях, добиваются гораздо более заметных успехов.

Успешность выражается в различных культурных формах. Поскольку культуры мира разнообразны и представляют собой полиэтнический способ существования, концепт успешности отражается в идеологии и жизненных практиках людей определенных этнических групп. Мы согласны с Ли Ипэн, который отмечает, что качество содержания концепта успешности отражает особенности национальных культур; концепты успешности различаются в разных этнических группах². Концепций успешности национальной идентичности столько же, сколько национальностей. Представления об успешностях можно разделить в зависимости от этнической принадлежности и культурных особенностей. По мнению ученого, восточные и западные концепции национальных успешностей можно подразделять в зависимости от конкретной национальности, забывая о том, что концепции успешностей тесно связаны с национальными традициями в культурном смысле. Если речь идет о нации, то концепция успешностей часто схожа или совпадает у людей внутри нации, что обусловлено средой, в которой они живут. Эти сходства отражают культурное наследование и преемственность в развитии нации и составляют традицию национальной концепции успешности.

Традиционная концепция успешности Китая отражает своеобразную культурную психологию людей определенной нации (или сообщества), которая является идеальной моделью для осмысления реальности, а также оказывает направляющее воздействие на развитие личности или общества в

¹ Культура имеет значение. Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу / под ред. Л. Харрисона, С. Хантингтона. – М.: Моск. школа политических исследований, 2002. – С. 19.

² 李宜篷. 民族文化深层结构中“社会成就原则”与“个体享乐原则”的对立统一——从中西民族文化深层结构差异视角对社会主义新文化建设的思考 / 李宜篷 // 理论与改革. 2004. № 4. 第 102–105 页 = Ли Ипэн. Единство дихотомии между «принципом социальной успешности» и «принципом индивидуального наслаждения» в глубинной структуре национальной культуры. Размышления о строительстве новой социалистической культуры с точки зрения глубоких структурных различий между китайской и западной национальными культурами // Теория и реформа. – 2004. – № 4. – С. 102–105.

плане ценностных ориентаций.

Су Ши, Лян Цичао, анализируя успех, отмечают, что культурные факторы успешности относятся к субъективным факторам и имеют решающее значение для достижения успеха¹. Субъективные факторы на протяжении времени были обусловлены историческими событиями и отношением государства к человеческим качествам. Цзэн Гофань, анализируя субъективные факторы достижения успеха, относит к ним человеческие ресурсы, что подразумевает овладение знаниями, что обуславливает дальновидность человека, т. е. способность понимать ситуацию в целом; к последовательности, в основе которой лежит смирение и благоразумие, что является основой пути к удаче².

Ван Шоурен, исследуя древний период развития китайского общества, приходит к выводу, что основной постулат успеха: «Кто хочет, тот добьётся»³. Древние мыслители так определяли волю, имея в виду намерение и решимость человека совершить поступок. Намерение и решимость, не реализованные на практике, не способны достичь желаемой цели. Поэтому древние мыслители придавали большое значение роли честолюбия для достижения цели. На этапе развития китайского государства до реформ существовала установка на то, что человек не должен быть поработан выгодой, должен предвидеть поведение людей, быть прагматичным, но не тщеславным.

Лян Цичао отмечает, что человек для достижения успеха должен быть авантюрным, терпеливым и избирательным. Совокупность этих субъективных качеств успешного человека совпадает с новым этапом модернизации и либерализации в Китае в период «реформ и открытости». Все это стало основой достижения успеха для будущих поколений. Сунь

¹ Лян Цичао. Избранные произведения Лян Цичао. Персонажи переходной эпохи и их необходимые добродетели. – Шанхай: Шанхайское народное изд-во, 1984. – 128 с.; Су Ши. Мнения о Сунь У. – Пекин: Гос. кн. компания КНР, 1986. – 145 с.

² 曾国藩：曾国藩全集。岳麓书会，1986年。290页。= Цзэн Гофань. Полное собрание сочинений Цзэн Гофана. – Чанша: Книжный клуб «Юэлу», 1986. – 290 с.

³ Сунь Цзин, Чжан Сяньхао. Теория успеха китайской философии // Сюэхай. – 2011. – № 5. – С. 184.

Цзин, Чжан Сяньхао к факторам достижения успеха в этот период относят умение анализа мировых тенденций¹. В древности этот фактор был связан с постулатами о развитии вещей. Менций отмечал, что очень важно понимать эти постулаты. «Мудрость, которая есть, не так хороша, как анализ трендов развития». Потенциал мирового развития относится к объективной категории формирования успеха, оказывающей непосредственное влияние на субъективные категории.

На субъективные факторы формирования успеха указывают и западные ученые. Э. Фромм² определяет законы успеха, к главным из которых относит следующие: главный смысл в жизни человека – тот, который он сам придает своей жизни, реализуя свои способности; для человека важно стать тем, кем он является потенциально, что приведет к главному результату – становлению человеческой личности. В трудах Э. Кречмера³ и других ученых широко представлена проблематика субъективных факторов формирования ориентации на успех у мужчин и женщин. В западных научных трудах, например, Д. Макклелланда⁴, А. Хоффмана⁵ также изучается успех как реализация призвания, когда, прежде всего, значимы не результат, а сама деятельность.

На успешность оказывают влияние субъективные характеристики личности, способствующие успеху и превосходству. Самая ранняя теория атрибуции фокусировалась на когнитивном уровне индивидов в психологии, но с дальнейшим развитием теории атрибуции успешности стала ведущим направлением исследований в области атрибуции, как отмечает Б. У. Вайнер⁶. Ученый выдвинул базовую модель атрибуции успеха и неудачи, в основе которой лежат внутренние (субъективные) и внешние (объективные)

¹ Там же. – С. 185.

² Фромм Э. Человек для самого себя. – М.: АСТ, 2009. – 118 с.

³ Кречмер Э. Гениальные люди. – СПб.: Академический Проект, 1999. – 303 с.

⁴ Макклелланд Д. Мотивация человека / науч. ред., пер. Е. П. Ильина. – СПб.: Печатный двор им. А. М. Горького, 2007. – 669 с.

⁵ Хоффман Б. Мотивация к обучению и производительность. – Амстердам; Бостон; Париж: Эльзевир, 2015. – 410 с.

⁶ Weiner B. An Attributional Theory of Motivation and Emotion. – New York: Springer-Verlag., 1986. – 304 p.

причины. Внутренние причины включают собственные способности, усилия и т. д., а внешние – барьеры окружающей среды, сложность задачи, удачу или невезение и т. д. Однако, опираясь исключительно на психологические методы, можно изучать атрибуцию только индивидуальных достижений, а не общества в целом, что тоже очень важно. Социальная психология, напротив, делает акцент на социальном познании и отдает предпочтение наблюдению в жизни общества в целом, т. е. делает акцент на объективных факторах успешности.

Л. Харрисон обращает внимание на те субъективные характеристики личности (установки, состояния ума), которые приведут к успеху. К ним относятся нацеленность в будущее; труд и успех; бережливость как основа инвестиций и финансовой безопасности, образование как ключ к прогрессу; индивидуальные способности как важнейший фактор личного карьерного роста¹. Т. А. Шаренкова отмечает, что в «условиях интернационализации образовательного пространства Китай стремится овладеть мировым рынком образовательных услуг, рассматривая образование как выгодную статью экспорта. Международные образовательные обмены между университетами в Китае и университетами разных стран можно рассматривать как стратегический фактор в распространении «мягкой силы» Китая»².

Основу культурных факторов составляет менталитет, который тесно связан с развитием и увеличением жизненных сил человека. Менталитет (от фр. *mentalite*) – образ мышления, мировосприятия, духовной настроенности, присущие индивиду или группе, который предшествует определённой деятельности³. Анализируя роль ментальности в формировании успешности китайских мигрантов, опираемся на принципы функционирования

¹ Харрисон Л. Способствуя прогрессивным преобразованиям в культуре // Культура имеет значение. Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу / под ред. Л. Харрисона, С. Хантингтона. – М.: Моск. школа политических исследований, 2002. – С. 276–290.

² Шаренкова Т. А., Никитина М. В. Особенности китайского маркетинга и китайских потребителей в современных условиях // Российско-китайские исследования. – 2019. – Т. 3. – № 1. – С. 68.

³ Евсеев В. О. Жизненное пространство как фактор формирования национального менталитета // Ученые записки Российского государственного социального университета. – 2010. – № 7. – С. 12–20.

ментальных моделей, выдвинутых С. Линдсэем¹. В состав ментальной модели входят убеждения, выводы и цели, которые личностны, конкретны и специфичны. Мы согласны с выводами ученого, что убеждения и установки могут быть новаторски ориентированными и нацеленными на создание условий для процветания или, напротив, препятствующими обновлению. Важным, на наш взгляд, является предположение А. Инкелеса о том, что в современном мире наблюдается тяга к конвергенции действий и убеждений².

Различные комбинации формируют разные ментальные модели. Ментальную модель можно определить, наполнить содержанием и протестировать, прилагая ее к специфичным, четко намеченным целям. Д. Норт считает, что для формирования эффективной экономики человечество использует как ментальные модели, так и институты³.

Чжан Чэнфэн, Ма Гуанхай, анализируя успешность, называют преодоление длительного стресса еще одним субъективным фактором успешности человека⁴. Стресс должен управляться и преодолеваться. К управлению стрессом, как отмечают авторы, следует подходить с двух сторон. Первая – изменение существующих отношений между человеком и окружающей средой, например, изменение когнитивных представлений человека или изменение окружающей среды для противодействия причинам стресса, разработка конкретного плана решения проблемы, решение проблемы, насколько это возможно, и переоценка познания для изменения смысла события. Вторая – эмоционально-ориентированное преодоление, когда человек пытается контролировать и уменьшить негативные эмоции, вызванные причиной стресса (например, гнев, разочарование и страх), чтобы

¹ Линдсей С. Культура, ментальные модели и национальное процветание // Культура имеет значение. Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу / под ред. Л. Харрисона, С. Хантингтона. – М.: Моск. школа политических исследований, 2002. – С. 245.

² Inkeles A. One World Emerging? Convergence and Divergence in Industrial Societies. – Boulder, CO: Westview, 1998. – P. 83.

³ Культура имеет значение. Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу / под ред. Л. Харрисона, С. Хантингтона. – М.: Моск. школа политических исследований, 2002. – 320 с.

⁴ Чжан Чэнфэн, Ма Гуанхай. Социальная психология. – Шанхай: Шаньдунское народное изд-во, 2018. – С. 94.

уменьшить беспокойство и поддерживать соответствующее внутреннее состояние для лучшей обработки информации.

Еще одну важную ценность успешности – культурную ориентацию на достижения, которая является важной культурной ценностью для китайцев, связанной с азиатским типом ведения бизнеса, выделяет Д. Макклелланд¹. Сочетание потребности в достижениях и подчинении занимало центральное место в практике социализации традиционного Китая и лежало в основе стабильности социальных связей – «гуанси», основанных также на общности персональной идентичности. С экономической точки зрения китайский опыт гуанси важен потому, что он предполагает взаимный обмен обязательствами даже между теми людьми, которые лично незнакомы друг с другом.

Одной из ценностей общества Китая является азиатский способ ведения бизнеса. Корни данного способа лежат в ценностях семьи. По меньшей мере со времен Конфуция, как отмечает Д. Перкинс, «семья играет в китайском обществе основополагающую роль. Конфуцианская система устанавливает строгую иерархию как внутри семьи, так и в ее взаимоотношениях с внешними властями вплоть до императора»². Семьи в Китае несут коллективную ответственность за поведение своих членов.

Ассимиляция капитализма с конфуцианской культурой – еще одна ценность азиатского способа ведения бизнеса, которую выделяет Пай Л³. Ученый указывает на присутствие в ней парадоксов. «Конфуцианство формально размещало торговцев в самом низу социальной лестницы, но принужденные всю жизнь мириться с этим статусом, китайские торговцы не имели иного выбора, кроме как успешно наживать деньги. Конечно, они могли дать своим детям образование, позволяющее пройти императорский

¹ Культура имеет значение. Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу / под ред. Л. Харрисона, С. Хантингтона. – М.: Моск. школа политических исследований, 2002. – С. 219.

² Перкинс Д. Законность, семейственность и азиатский способ ведения бизнеса // Культура имеет значение. Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу / под ред. Л. Харрисона, С. Хантингтона. – М.: Моск. школа политических исследований, 2002. – С. 199.

³ Пай Л. «Азиатские ценности»: от динамо к домино? // Культура имеет значение. Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу / под ред. Л. Харрисона, С. Хантингтона. – М.: Моск. школа политических исследований, 2002. – С. 216.

экзамен и сделаться чиновником, но такой вариант лишь ограничивал успешный бизнес одним поколением»¹.

А. Г. Ларин, анализируя конкурентную силу китайских предпринимателей, отмечает, что она возрастает благодаря наличию развитых неформальных личных связей, включая лиц не только китайской национальности. Это позволяет заключать даже крупные сделки, минуя формальности, основываясь на доверии².

Важным субъективным фактором формирования успешности является мотивация достижения, которая лежит в основе понимания успешности, о чем отмечалось выше. Среди двадцати основных человеческих потребностей, выделяемых Г. Мюрреем, мотивация успешности может быть понята как внутреннее стремление к успеху в выполнении задачи, внутреннее желание делать то, что человек считает важным и стоящим, и стремиться к достижению совершенства³. Среди китайских ученых, изучающих мотивацию успешности, Лу Цзяньлань отмечает, что она «играет важную роль как в развитии личности, так и в социальном прогрессе, выступая в качестве мощного двигателя, побуждающего людей упорно трудиться и добиваться на этом пути одного достижения за другим»⁴. Согласно Ф. Герцбергу, М. Бернару, С. Б. Блоху, мотивационные факторы включают вызов и успешность от самой работы, ответственность должности и ожидания человека в отношении будущего развития⁵.

Успешность китайских мигрантов, связанная с культурой, находится в тесной связи с китайской стратагемностью – культурным феноменом, включающим в себя: специфическое сознание и мышление, которое проявляется как совокупность личностных качеств, направленных на

¹ Там же. – С. 217.

² Ларин А. Г. Китайские мигранты в России: история и современность. – М.: Вост. книга, 2009. – С. 399.

³ Мюррей Г. Исследование личности. – М.: Логос, 2001. – 234 с.

⁴ 陆建兰. 汉族、壮族和毛南族初中生成就动机及相关因素研究：硕士学位论文/陆建兰 // 上海：华东师范大学. – 2007. – 4 页.

Лу Цзяньлань. Исследование мотивации успешности и связанных с ней факторов среди учащихся младших классов школ Хань, Чжуан и Маонань: магистерская диссертация. – Шанхай: Вост.-Кит. нормальный ун-т, 2007. – С. 4.

⁵ Херцберг Ф., Бернанд М., Блох С. Б. Мотивация к работе. – М.: Изд-во «Вершина», 2007.

получение результата и преимущества посредством построения комбинаторных планов; наличие социально поощряемых и культурно транслируемых паттернов поведения, созданных на основе известных в китайской культуре 36 стратагем; тысячелетнюю рефлексию практического опыта и практики применения стратагем в образе жизни и в разнообразных сферах жизни; эволюцию стратагемности, которая сопровождается её детальной систематизацией и доведением её до уровня науки и вовлечением в образ жизни больших слоёв населения и в культуру в целом; наличие в китайской культуре социальных институтов (от семьи и семейного воспитания до различных видов социальной организации), культивирующих данное явление¹.

Одним из факторов успешностей Ван Сяолэй называет субъективный социально-экономический статус – субъективное восприятие индивидом своего социального класса. Исследования китайских ученых относительно связи между субъективным социально-экономическим статусом и атрибуцией социальных успешностей имеют своей основной целью заменить субъективное восприятие социально-экономического статуса различиями в классовой принадлежности, профессиональном статусе, уровне дохода и уровне образования и проанализировать его влияние на атрибуцию социальных успешностей с разных точек зрения². Например, ученые, изучая факторы влияния на социальную успешность, обнаружили, что люди с разным уровнем дохода и разным профессиональным статусом имеют значительно отличающиеся атрибутивные тенденции социальных успешностей; люди с низким уровнем дохода и низким профессиональным статусом склонны к внешним факторам социальных успешностей (внешние факторы здесь больше похожи на семейные факторы, такие как социальная

¹ Очиров О. Р. Современная деловая культура Китая: сущность и специфика: на примере стратагемности: дис. ... канд. культурологии: 24.00.01. – Чита, 2006. – 194 с.

² 王晓磊. 主观社会经济地位如何影响社会成就归因?——基于社会公平感的中介效应分析 // 北京社会科学. 2018年第5期, 96页. = Ван Сяолэй. Как субъективный социально-экономический статус влияет на атрибуцию социальных достижений? Анализ опосредующего эффекта на основе чувства социальной справедливости // Социальные науки в Пекине. – 2018. – № 5. – С. 96.

сеть членов семьи, семейное происхождение и т. д.). Тогда как люди с высоким уровнем дохода и высоким профессиональным статусом более склонны к внутренним факторам социальных достижений. Как отмечает Ван Сяолэй, эта тенденция приписывать себе социальные успешности особенно очевидна в современной ситуации, когда классовая идентичность жителей Китая поляризована, а средний класс относительно малочислен¹.

Субъективный социально-экономический статус оказывает значимое положительное влияние на личностные факторы атрибуции социальной справедливости и социальных успешностей после контроля соответствующих переменных. Социальная справедливость оказывает значимое положительное влияние на личностные факторы атрибуции социальных успешностей, но значимое отрицательное влияние – на семейные факторы; социальная справедливость оказывает опосредованное влияние только между субъективным социально-экономическим статусом и личностными факторами атрибуции социальных успешностей. Ван Сяолэй отмечает, что правительству необходимо приложить усилия для создания равной и справедливой социальной среды и постепенно восстановить уверенность в социальной справедливости у людей с более низким субъективным социально-экономическим статусом, чтобы максимально повысить эффективность их личных способностей².

Таким образом, основу культурных (субъективных) факторов успешности китайских мигрантов как условия их интеграции в российское общество составляют жизненные силы человека, включающие: менталитет, который тесно связан с развитием и увеличением жизненных сил человека; ориентацию на достижения; азиатский тип ведения бизнеса; стратагемность; стабильность социальных связей (гуанси); субъективный социально-экономический статус (субъективное восприятие индивидом своего

¹ Там же.

² 王晓磊.主观社会经济地位如何影响社会成就归因?—基于社会公平感的中介效应分析/王晓磊 // 北京社会科学. 2018. № 5. 第 95 页. = Ван Сяолэй. Как субъективный социально-экономический статус влияет на атрибуцию социальных успешностей? Анализ опосредующего эффекта на основе чувства социальной справедливости // Социальные науки в Пекине. – 2018. – № 5. – С. 95.

социального класса). Хотя культура включает в себя передачу смыслов от поколения к поколению, данный процесс нельзя считать генетически обусловленным. Производственные новации создают новые институциональные установления и задают новые роли для индивидов, а также стимулируют новые установки и ценности.

Социальные (объективные) факторы обусловлены особенностями жизненного пространства, включающего политический строй, уровень социально-экономического развития, качества жизни страны проживания мигрантов. Важно замечание Л. Пай о том, что попытка найти прямую взаимосвязь между успехами в сфере экономики и обобщенными ценностями культуры приводит к возникновению проблем, если не принимать во внимание ситуационный контекст и внешние факторы¹.

Мигранты находятся в условиях поиска путей адаптации. Становится важным понимание того, что требует среда той страны, в которую попадает мигрант, и осознание целей, которые перед собой ставит мигрант². Жизненные стратегии тесно взаимосвязаны со стратегиями аккультурации китайских мигрантов, что в итоге приводит к формированию их идентичностей. Приписывание первостепенной важности внешним обстоятельствам формирует особую чувствительность к объективным факторам успешности китайских мигрантов. Принятие любых решений сфокусировано на тщательном взвешивании ситуации и использовании любых преимуществ. Такая ориентация сделала китайцев весьма восприимчивыми к характеру и структуре рынков.

Опора на социальные связи гуанси, расчет долгосрочных перспектив, стремление не столько к прибыли, сколько к завоеванию прочного места на рынке, отсрочка вознаграждения, активное накопление ради будущего – все эти качества влекут за собой различные последствия в зависимости от

¹ Пай Л. «Азиатские ценности»: от динамо к домино? // Культура имеет значение. Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу / под ред. Л. Харрисона, С. Хантингтона. – М.: Моск. школа политических исследований, 2002. – С. 224.

² Сердюков К. Н. Жизненные стратегии иностранных трудовых мигрантов (на материалах Приморского края): дис. ... канд. социол. наук: 5.4.4. – Владивосток, 2022. – С. 30.

состояния экономики и уровня ее развития, оказывают влияние на формирование успешности китайских мигрантов.

Анализируя социальные факторы успешности китайских мигрантов в России, мы отмечаем, что одним из факторов является социальный капитал. Ф. Фукуяма определяет социальный капитал как «свод неформальных правил или норм, разделяемых членами группы и позволяющих им взаимодействовать друг с другом»¹. Если члены группы ожидают, что их сотоварищи будут вести себя надежно и честно, значит, они доверяют друг другу, что позволяет группе или организации функционировать более эффективно.

Разновидностью социального капитала у китайцев за пределами континентального Китая является выстраивание личностных «сетей». Т. Вэймин указывает на важную роль образования, которое должно стать гражданской религией общества, в аккумуляции социального капитала через коммуникацию. Образование, основной целью которого является воспитание характера, создание всесторонне развитой личности, развивает когнитивные и этические навыки, расширяя культурную компетенцию и приобщая к духовным ценностям².

Опираясь на теорию социальной поддержки С. Кохена и С. Нобермана³, можно констатировать, что китайским мигрантам присуща потеря социальных и эмоциональных связей, что оказывает негативное воздействие на адаптацию. Напротив, наличие данных связей оказывает положительное влияние на преодоление негативного влияния той социо- и этнокультурной среды, в которую попадают китайские мигранты. «Все это лишний раз подчеркивает тот факт, что социальные сети выступают одним из важных

¹ Фукуяма Ф.. Социальный капитал // Культура имеет значение. Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу / под ред. Л. Харрисона, С. Хантингтона. – М.: Моск. школа политических исследований, 2002. – С. 123.

² Вэймин Т. Множественность модернизаций и последствия этого явления для Восточной Азии // Культура имеет значение. Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу / под ред. Л. Харрисона, С. Хантингтона. – М.: Моск. школа политических исследований, 2002. – С. 226–234.

³ Cohen S., Hoberman, H. M. Positive Events and Social Supports as Buffers of Life Change Stress // Journal of Applied Social Psychology. – 1983. – No. 13. – P. 99–125.

условий, влияющих на успешность социально-психологической адаптации»¹.

Таким образом, в русле развития китайской культуры принцип успешности в глубинной структуре китайской культуры регулярно демонстрирует культурную практику, которая в значительной степени не контролируется индивидуальными или даже социальными условиями, эволюционирует от индивида к обществу, нацелена на максимизацию социальных благ и оценивается по количеству социальных ценностей, которых может достичь индивид².

А. Г. Ларин, анализируя историю китайской миграции в России, отмечает, что Россия – поприще для хозяйственной деятельности китайских мигрантов, при этом «никогда не являлась для китайцев желанным местом для эмиграции, почти все они приезжают сюда не для того, чтобы поселиться здесь навсегда, а с целью заработать денег и вернуться назад»³. Основной единицей мигрантов являются коммерсанты, участники народной торговли⁴. Образование в России для китайских мигрантов – выбор детей со слабым аттестатом⁵. Большинство жителей КНР не являются гражданами России, постоянными ее жителями, не инвестируют в ее среду. Хотя, конечно, нельзя не отметить, что современные исторические вызовы разворачивают данную ситуацию в другую сторону.

Социальные факторы успешности китайских мигрантов в России включают в себя отношение к ним принимающего населения. Большинство россиян положительно оценивают российско-китайские отношения и

¹ Гриценко В. В. Влияние социальных сетей на успешность социально-психологической адаптации мигрантов // Социально-психологическая адаптация личности в изменяющемся обществе: материалы междунар. (заоч.) науч.-практ. конф. / под ред. Т. Н. Смотровой. – Балашов, 2010. – С. 45.

² 李宜篷. 民族文化深层结构中“社会成就原则”与“个体享乐原则”的对立统一——从中西民族文化深层结构差异视角对社会主义新文化建设的思考/李宜篷 // 理论与改革. 2004. № 4. 第 103 页. = Ли Ипэн. Единство дихотомии между «принципом социальной успешности» и «принципом индивидуального наслаждения» в глубинной структуре национальной культуры. Размышления о строительстве новой социалистической культуры с точки зрения глубоких структурных различий между китайской и западной национальными культурами // Теория и реформа. – 2004. – № 4. – С. 103.

³ Калмыков П. Н. Современная китайская диаспора. Россия в структуре международной китайской миграции: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.07. – М., 2013. – С. 25.

⁴ Ларин А. Г. Китайские мигранты в России: история и современность. – М.: Вост. книга, 2009. – С. 160.

⁵ Там же. – С. 249.

рассматривают КНР как важнейшего партнера России¹. На отношения к иммигрантам также влияет позитивный образ Китая, который сформировался в последние десятилетия². На жизненное пространство мигрантов накладывают отпечаток реальные или воображаемые экономические ситуации, культурно-поведенческие, криминальные, территориально-бытовые, демографические. У принимающего общества должен быть определенный набор качеств: возможность обеспечить сопровождение иммигрантов, должно быть заведомо толерантно, создать законы, защищающие права новых граждан³. На проблему отношения территориального сообщества к представителям иных групп указывает Л. Е. Бляхер, считая ее одной из наиболее острых в социальных науках⁴. Именно здесь, как отмечает ученый, осуществляется самоидентификация социального агента, выстраивается система «свой – чужой» («друг – враг»), определяющая модель поведения в социуме. Особенно остро эта проблема встает в условиях, когда структура самой территориальной общности достаточно сильно размыта. Тогда восприятие «чужого» («чужака») обострено, особенно если речь идет не о «дальнем чужом», наличие которого не особенно сильно сказывается на жизни сообщества, а «ближнем другом», который живёт рядом, оставаясь «не своим». В такой ситуации оказались жители российского Дальнего Востока по отношению к мигрантам, особенно из сопредельного Китая⁵. Именно Дальний Восток является пространством, где восприятие китайских мигрантов оказывается ярким индикатором тех форм, в которых происходит структурирование дальневосточного социума.

Анализируя социальные факторы успешности китайских мигрантов в России, необходимо отметить, что формальные и неформальные структуры

¹ Ларин А. Г. Китайские мигранты в России: история и современность. – М.: Вост. книга, 2009. – С. 419.

² Бокавнева О. В. Образ Китая в России: история вопроса // Концепт: философия, религия, культура. – 2021. – Т. 5, № 2. – С. 161–174.

³ Ларин А. Г. Китайские мигранты в России: история и современность. – М.: Вост. книга, 2009. – 512 с.

⁴ Бляхер Л. Е., Григоричев К. В. Мигранты и миграционная политика в постсоветской Сибири и на Дальнем Востоке // Восток России: миграции и диаспоры в переселенческом обществе. Рубежи XIX–XX и XX–XXI веков / И. Т. Абдулова, А. Н. Алексеенко, Г. Н. Алишина [и др.]. – Иркутск, 2011. – С. 142–183.

⁵ Бляхер Л., Пегин Н. Представления населения Дальнего Востока о китайских мигрантах (на рубеже XX–XXI вв.) // Диаспоры. – 2011. – № 1. – С. 154.

существуют в той мере, в какой они могут развиваться в той нише, размер которой определяется состоянием российской экономики и политикой российской власти.

Жизненное пространство мигрантов состоит не только из положительных компонентов, но и из отрицательных, к которым можно отнести следующие: низкий уровень адаптации и интеграции мигрантов (слабое знание русского языка, местных законов, культуры; трудности поиска и ненадежность жилья, работы; доминирование неформальных внутренних механизмов разрешения возникающих проблем и пр.), недостаточность административных усилий принимающей стороны, направленных на разрешение существующих в рассматриваемой сфере проблем. Китайское правительство оказывает влияние и на формирование положительных условий воздействия среды принимающей стороны, так, например, созданы Наставления Министерства торговли КНР, которые включают следующие наставления: хорошо изучите российский рынок; действуйте только установленными путями; соблюдайте законы страны пребывания; инвесторам надо смотреть вперед, учитывая политическую обстановку в стране пребывания; уметь и не бояться защитить себя.

Ресурсы зарубежных китайцев стали одной из важнейших движущих сил реформ и открытости, или, как выразился Дэн Сяопин: «У нас есть десятки миллионов патриотически настроенных соотечественников за рубежом, что является уникальной возможностью для развития Китая»¹. При анализе субъективных и объективных факторов успешности необходимо учитывать, что мотивация, уровень образования, экономический потенциал, профессиональная структура и статус поселения новых китайских мигрантов, независимо от того, едут ли они в развитые или развивающиеся страны, значительно отличаются от мотивации, уровня образования и т. д. мигрантов старшего поколения. До 1950 г. подавляющее большинство зарубежных

¹ Речь Дэн Сяопина на праздновании китайского Нового года 1993 г. с участием представителей всех слоев общества в Шанхае, первоначально опубликованная в газете People's Daily (23 января 1993 г.).

китайских мигрантов были выходцами из прибрежных районов Фуцзянь и Гуандун. Большинство из них были неграмотными, бедными крестьянами, не имевшими никакого имущества, владевшими только диалектами, и, чтобы выжить, они были вынуждены уехать за границу. Из-за низкого уровня образования и экономических возможностей пожилые мигранты обычно оседали в тех районах, куда прибыли, и до конца жизни жили вместе со своими односельчанами в кластерах¹.

Чжуан Гуту, Чжан Цзиньин отмечают, что, по сравнению со старыми мигрантами, новые китайские мигранты отличаются высоким уровнем образования, определенным экономическим потенциалом, высокой мобильностью. Значительная часть имеет высшее образование и является элитой или потенциальной элитой в обществе. Их мотивация для эмиграции – это не выживание, а развитие. Новые иммигранты – это инвестиционные иммигранты, обладающие значительными финансовыми средствами в месте своего происхождения. Целью их миграции, как правило, является поиск деловых предприятий в зарубежных странах. Торговцы, составляющие значительную часть новых иммигрантов, обычно обладают некоторыми собственными активами, позволяющими им заниматься торговой деятельностью в зарубежных странах и накапливать большой капитал². На современном этапе миграционных процессов из Китая в Россию можно констатировать, что китайским мигрантам присущи высокая конкурентоспособность, предпринимательский талант, вовлеченность в межнациональный бизнес, тесные связи внутри данной социальной группы, закрытость.

¹ Чжуан Гуту, Чжан Цзиньин. Типы и распределение новых иммигрантов в Китае. – Текст: электронный // Общественные науки. – 2012. – Вып. 12. – С. 4–11 = 庄国土 张晶盈. 中国新移民的类型和分布: 社会科学 2012 年第 12 期: 4–11. – URL: http://www.ims.sdu.edu.cn/__local/0/94/42/77413559F4883D89FCCF18_C9C99_E0D8FE6E_4C619.pdf (дата обращения: 11.07.2023).

² Чжуан Гуту. Отношения между зарубежными китайцами и Китаем. – Гуанчжоу: Гуандунское изд-во высшего образования, 2001. – С. 282.

Необходимо учитывать, что разные позитивно влияющие условия жизненного пространства не равно значимы для всех людей¹, они находятся в тесной взаимосвязи с индивидуальными качествами человека.

Таким образом, успешность рассматривается в соотношении с успехом – философской категорией, означающей достижение желаемого результата; с процветанием – способностью индивидуума, группы или нации создавать жилища, продукты питания и другие материальные блага, позволяющие человеку, согласно их собственным представлениям, вести обеспеченную жизнь. Философско-антропологический подход позволил определить успешность как философскую категорию, отражающую достижение желаемого результата как ценности жизни человека.

Являясь ценностным культурным фактором в человеческих сообществах, концепция успешностей не только влияет на социальные концепции и институты, но и воздействует на структуру знаний и компетенций конкретных людей. В Китае, в отличие от Запада, предпочитают понимание, постижение гуманитарных знаний, реализацию интуитивного опыта, нежели опыта рациональности. Культурные истоки лежат в основе различий между китайским и западным взглядом на успешность.

Успешность выражается в различных культурных формах. Поскольку культуры мира разнообразны и представляют собой полиэтнический способ существования, концепт успешности отражается в идеологии и жизненных практиках людей определенных этнических групп.

Китайские ученые анализируют успешность в рамках двух подходов: инструментального, который, по мнению китайских исследователей, утилитарен и недальновиден; ценностного, согласно которому достижение успеха заключается в учете самооценности человека, реализации своей социальной роли. В основе представлений об успешности в Китае лежат

¹ Толочек В. А. Условия социальной среды, ресурсы и социальная успешность субъектов: открытые вопросы // Психологический журнал. – 2022. – Т. 43, № 4. – С. 36–47.

концепция мотивации достижения, концепция успеха, основанная на формуле капитала, приносящего проценты.

Социальная успешность понимается как определенный уровень социальных достижений, признаваемый успешным в данной стране и ее культурой. Обычно это определенный уровень материального достатка, гармонии самим с собой, профессионального и социального статуса, социального влияния.

В аспекте выявления культурных факторов (жизненных сил человека) успешности китайских мигрантов как условия их интеграции в российское общество представляет интерес идея Л. Харрисона и С. Хантингтона о том, что культурные ценности являются важнейшим фактором социального прогресса, которая положена в основу тезиса о том, что некоторые этнические группы, действующие в одинаковых для всех экономических условиях, добиваются гораздо более заметных успехов. Основу культурных факторов составляет менталитет, который тесно связан с развитием и увеличением жизненных сил человека. К культурным факторам успешности китайских мигрантов как условия их интеграции в российское общество относятся менталитет, ориентация на достижения, азиатский тип ведения бизнеса, стратагемность, субъективный социально-экономический статус (субъективное восприятие индивидом своего социального класса).

Социальные (объективные) факторы обусловлены особенностями жизненного пространства, включающего политический строй, уровень социально-экономического развития, качества жизни страны проживания мигрантов, социальный капитал. Приписывание первостепенной важности внешним обстоятельствам формирует особую чувствительность к объективным факторам успешности китайских мигрантов. Принятие любых решений сфокусировано на тщательном взвешивании ситуации и использовании любых преимуществ, что сделало китайцев весьма восприимчивыми к характеру и структуре рынков.

Опора на социальные связи гуанси, расчет долгосрочных перспектив,

стремление не столько к прибыли, сколько к завоеванию прочного места на рынке, отсрочка вознаграждения, активное накопление ради будущего – все эти качества влекут за собой различные последствия в зависимости от состояния экономики и уровня ее развития, оказывают влияние на формирование успешности китайских мигрантов. Анализируя объективные факторы успешности китайских мигрантов в России, следует отметить, что китайские мигранты находятся в условиях поиска путей интеграции в российское общество. Становится важным понимание того, что требует среда той страны, в которую попадает мигрант, и осознание целей, которые перед собой ставит мигрант. Жизненные стратегии тесно взаимосвязаны со стратегиями интеграции китайских мигрантов, что в итоге приводит к формированию их идентичностей.

2.2. Социальные практики успешности китайских мигрантов

Решения, принятые в последние десятилетия центральным и местным правительством Китайской Народной Республики в отношении миграции, существенно повлияли на возможности диверсификации мигрантами собственного жизненного пути. В Китае миграция поддерживается законодательно, уделяется существенное внимание использованию экономических и интеллектуальных ресурсов китайских мигрантов для реализации идеи Китая, открытого миру. Особых почестей заслуживают китайские мигранты, добившиеся успехов на своем эмиграционном пути. Стать китайскими мигрантами означает повышение социального статуса, поэтому в материковом Китае возможность эмигрировать за границу часто считается отправной точкой для достижения успеха. На фоне увеличения миграционных потоков в глобальном масштабе складываются различные стратегии формирования успешности китайских мигрантов, формируются социальные практики достижения успеха, анализ которых необходим для

понимания факторов, способствующих и затрудняющих успешность мигрантов из Китая.

С точки зрения философской антропологии практика в широком смысле рассматривается как деятельность индивида, направленная на знакомство с природными и социальными объектами с целью их дальнейшего преобразования. Эта деятельность реализуется в материальном, чувственно-предметном виде, а также в виде целеполагания индивида. Практика – это не что иное, как специфическая социальная связь, технология, обеспечивающая успешность человека в процессе жизнедеятельности. Социальная практика лежит в основе накопления опыта, во многом детерминирует взаимодействие между людьми, а также обеспечивает трансляцию накопленных компетенций от поколения к поколению.

Наибольшее распространение получили повседневные практики, происходящие в жизни человека ежедневно и насыщающие ее витальным смыслом. Это так называемые «низовые» формы социальной практики труда и отдыха, быта, общения с близкими, связанные со сферой социального бытия. Эти проявления социальной практики рассматриваются в работах Э. Гуссерля, П. Бергера, Т. Лукмана и А. Шюца.

Э. Гуссерль использовал феноменологию для описания и обоснования важности практической стороны жизнедеятельности индивидов. Проведенный феноменологический анализ позволил ученому выделить «формальную практику», которой он обозначал практику, основанную на ценностях, а не на опыте¹.

Анализ практики осуществляется исследователями в рамках парсоновской традиции² социального действия, которая основана на рассмотрении нескольких факторов, детерминирующих действие как единичный акт (Т. Парсонс, П. Бергер, Т. Лукман). Среди важных составляющих социального действия исследователи выделяют акторы, цель

¹ Гуссерль Э. Логические исследования. Исследования по феноменологии и теории познания / пер. с нем. В. И. Молчанова. – М.: Академический Проект, 2011. – 565 с.

² Парсонс Т. О структуре социального действия. – М.: Академический Проект, 2000. – 880 с.

деятельности, социальную ситуацию и нормативную систему. Продолжая развивать идеи социального действия, П. Бергер и Т. Лукман отмечают их важную особенность, связанную с влиянием на развитие социальных процессов.

Роль социальных действий в формировании социальной практики доказал П. Бурдьё. По его мнению, социальные действия определяются нормами, сложившимися в обществе на данный момент, а также ценностями и традициями, значимыми для этого общества. Именно способность субъекта действия (актора) учитывать социальные нормы и ценности при выполнении определенных действий формирует социальную практику, которая, в свою очередь, обуславливает благополучие субъекта, достижимость целей его социальной жизни. П. Бурдьё отмечал, что «практика – это все то, что социальный агент делает сам и с чем он встречается в социальном мире... Следовательно, можно сказать, что практика является изменением социального мира, производимым агентом»¹.

Понимание практики М. Полани основывается на концепции вовлеченности, которая предполагает синтез объективного знания субъекта, представленного в виде информации, и субъективного знания, выраженного в действии. Этот синтез приводит к получению практического опыта, основанного на личностном и «неявном» знании. Именно практический навык, «рецепт» позволяет индивиду добиться требуемого результата, обеспечить достижение поставленных целей на основе «ситуативной вовлеченности» субъекта².

В социальной теории практик уделяется внимание вопросу «следования правилам», установленным социальными институтами, обеспечивающими благополучие людей. Именно освоение правил, следование им в повседневной жизни формирует у человека структуру

¹ См.: Шматко Н. А. На пути к практической теории практики. Послесловие // Бурдьё П. Практический смысл / пер. с фр. А. Т. Бикбов, К. Д. Вознесенская, С. Н. Зенкин, Н. А. Шматко; отв. ред. пер. и послесл. Н. А. Шматко. – СПб.: Алетейя, 2001. – 562 с.

² Полани М. Личностное знание. – М.: Прогресс, 1985. – С. 304.

«фоновых навыков»¹, приводит к появлению так называемой «фоновой практики»² (М. Хайдеггер)³. В свою очередь З. А. Сокулер отмечает значимость правил: «Правило “живет” практикой его применения. Именно она является активным определяющим началом. Она определяет, какое следование правильно, а какое – нет»⁴.

Для мигрантов, попадающих в специфические условия «принимающего» общества, становится необходимым не только освоение социально значимых правил, но и формирование навыков их применения. Фоновая практика начинает проявляться при необходимости следовать правилам в условиях конкретного социального института и определяет то, насколько успешен человек не только в отдельных жизненных ситуациях, но и в жизни в целом.

Таким образом, современные философско-антропологические исследования позволяют выделить два контекста рассмотрения практик: с точки зрения фонового знания и практического опыта, а также через анализ конкретной деятельности, соединяющей слова и действия. Социальные практики следует рассматривать как различные виды самостоятельной деятельности отдельных людей или социальных групп, направленные на реализацию их текущих и перспективных нужд, потребностей и интересов. Социальные практики также выступают своего рода апробацией способов и форм деятельности в целях получения нового опыта. Немаловажным является и нравственный аспект социальных практик, который связан с приобретением компетенций взаимодействия между людьми, связанными взаимовыручкой, поддержкой друг друга, эмпатией.

Анализ социальных практик, характеризующих жизнь китайских мигрантов в «принимающей» стране, показывает, что они направлены

¹ Searle J. The Construction of Social Reality. – New York: Allen Lane, 1995.

² Хайдеггер М. Бытие и время / пер. с нем. В. В. Библихина. – М.: Академический Проект, 2013. – 447 с.

³ Витгенштейн Л. Философские исследования / пер. М. С. Козловой, Ю. А. Асеева. – М.: Гнозис, 1994. – Ч. 1. – 252 с.

⁴ Сокулер З. А. Проблема «следования правилу» в философии Людвиг Витгенштейна и её значение для современной философии математики // Философские идеи Людвиг Витгенштейна / под ред. М. С. Козловой. – М.: Ин-т философии РАН, 1996. – С. 51.

главным образом на удовлетворение различных потребностей, что обеспечивает само существование мигрантов и их семей. Имеется множество примеров позитивного опыта адаптации мигрантов из Китая к жизни в новой стране, примеров их социальной успешности как условия благополучия в настоящем и будущем. Важную роль в успешности китайских мигрантов играет и тот факт, что в Китае наблюдается тенденция к расширению миграции элиты. В последние годы китайская социальная элита также массово пополняет ряды иммигрантов. В данной работе социальная элита или потенциальная социальная элита определяется как успешные люди или те, кто способен стать успешным, включая тех, кто хорошо образован, обладает высокими профессиональными навыками и делает успешную карьеру в различных отраслях. Со времен реформ и открытости наблюдается миграция студентов, квалифицированных мигрантов и бизнес-мигрантов, представителей так называемых элитных или потенциальных элитных мигрантов¹. Поскольку процесс глобализации продолжает углубляться, а Китай и мир все теснее интегрируются друг с другом, миграция потенциально успешных китайцев будет только усиливаться.

В этом отношении более показательны взгляды китайских ученых Чжао Хуньина и Чжан Чжичэна². Исследователи отмечают, что мигрантов из современного Китая характеризуют следующие общие черты:

- высокий уровень образования и культуры, который значительно выше, чем у китайцев, давно проживающих в России;
- открытость, широта взглядов, способность адаптироваться к новым условиям, креативность и новаторство, а также способность быстро закрепиться и развиваться на новой территории проживания;

¹ Чжуан Готу. Новые характеристики китайской зарубежной иммиграции в эпоху глобализации. – Текст: электронный // Народный форум «Академические рубежи». – 2015. – Ч. 2 (апрель) = 庄国土. 全球化时代中国海外移民的新特点: 2015. 09:53 来源: 人民论坛学术前沿 2015年4月下. – URL: <http://www.rmlt.com.cn/2015/0506/385356.shtml> (дата обращения: 13.09.2023).

² Чжу Дунцин. Исследование ученых материкового Китая о новых иммигрантах. Университет Хуацяо. Международный китайский научно-исследовательский институт = 中国大陆学者有关新移民问题的研究 华侨大学·华侨华人研究所 朱东. – URL: <http://www.law.osaka-u.ac.jp/~c-forum/symposium/0611zhudongqin.htm> (дата обращения: 17.06.2023). – Текст: электронный.

– подавляющее большинство из китайских мигрантов испытывают глубокие чувства к своей родине, сохраняют национальную идентичность, заинтересованы в благополучии своих соотечественников и страны в целом. Они сохраняют тесную связь с родиной, участвуют в развитии российско-китайского сотрудничества и обменов в экономической, культурной, научной и технической областях;

– проявляют инициативу по интеграции в российское общество, выступают за налаживание конструктивных взаимоотношений с местным населением и властью, принимают участие в экономической и культурной жизни местных сообществ, при этом энергично защищают собственные интересы, отстаивают свои права. Именно современные мигранты выполняют функцию «новой мягкой силы», берут на себя роль по укреплению положительного имиджа Китая в России, выступают посредниками для развития дружественного сотрудничества между странами.

В целях взаимовыгодного сотрудничества с мигрантами из Китая на территории их пребывания, разработки механизмов успешной адаптации в принимающей стране необходимо изучать успешные социальные практики китайских мигрантов в России. Успешность как продукт социальной практики отражается в идеалах и целях мигранта. Именно целеполагание является важнейшей составляющей социальной успешности мигрантов в стране-реципиенте.

Обеспечение возможностей для достижения успеха во многом зависит от способности мигранта к целеполаганию, умения выстраивать свою жизненную стратегию в краткосрочной и долгосрочной перспективе. В процессе целеполагания формируется иерархия целей, которая выступает ориентиром для успешной жизненной стратегии китайского мигранта. Важна соподчиненность целей в этой иерархической системе, наличие главной цели позволяет сформировать алгоритм действий мигранта, выработать социальные практики целенаправленной жизнедеятельности, направленные

не только на преодоление трудностей, но и на достижение успеха. Идеальный образ будущего – это цели, планируемые результаты практической деятельности китайского мигранта. Этот образ выражается в конкретных планах на ближайшую и долгосрочную перспективу с учетом пространства и времени их реализации.

Исследование целеполагания личности подробно осуществила Н. Ф. Наумова. По ее мнению, целеполагание выступает базисом для жизненного планирования и прогнозирования результатов. Автор выделяет три блока в системе целеполагания: объективные условия жизни, личностная ситуация и система ориентирования поведения¹. Социальные практики успешности, в свою очередь, характеризуются как способы и формы деятельности, направленные на достижение определенных целей, получение нового опыта.

Формирование социальных практик успешности китайских мигрантов зависит от ряда социальных факторов-условий:

- причины переезда;
- временного промежутка миграции;
- социального статуса мигрантов, уровня образования, профессии;
- ценностей, традиций, культуры «выталкивающей» мигранта страны;
- наличия состояния несоответствия между планируемым ожиданием и реальностью.

Особое значение имеет планируемый срок пребывания в принимающей стране. Так, мигранты, прибывшие в страну для краткосрочного, временного проживания, не формируют социальных практик успешности в силу своей низкой адаптированности к новым условиям, невосприимчивости к культуре и языку. В то же время мигранты, приехавшие для длительного или постоянного проживания в новой стране, адаптируются быстрее, достигают успешных результатов в разных сферах жизни.

¹ Наумова Н. Ф. Жизненная стратегия человека в переходном обществе // Социологический журнал. – 1995. – № 2. – С. 5–22.

Целеполагание китайских мигрантов для достижения успеха в России связано чаще всего с тремя аспектами:

- 1) с улучшением материального положения и карьерным успехом¹;
- 2) получением образования или приобретением опыта для дальнейшего возвращения на родину;
- 3) самореализацией, самоактуализацией.

Поиск путей улучшения материального положения и стремление к лучшей жизни стали важнейшими мотивами миграции, а для новых иммигрантов из Китая они превратились в основной миграционный мотив. Одна из главных причин, по которой они мигрируют, заключается в том, чтобы иметь возможность содержать свои семьи – мигранты делают денежные переводы, чтобы финансово помочь тем, кто проживает дома, на родине. Так называемая трудовая миграция направлена не на смену гражданства, а на увеличение экономического дохода, поэтому не попадает в категорию постоянной миграции, однако некоторые из них становятся постоянными мигрантами. Китайский экспорт рабочей силы включает в основном вывоз квалифицированных рабочих и инженеров, а также экспатриантов отечественных предприятий, открывших зарубежные представительства. Отдельную группу составляют хуацяо высокого профессионального уровня, выезжающие в Россию для получения опыта работы и высокого дохода.

Особо востребованы для работы в России китайцы с хорошим знанием русского языка. Привлечение таких специалистов в различные организации с 2022 г. возросло в сфере перевозки, логистики и складов, внешнеэкономической деятельности; IT, системной интеграции и интернета, а также в розничной торговле и производстве электроники и бытовой

¹ 辛璐,周文霞,唐方成.职业成功观清晰度的前因变量及其作用机制——社会认知生涯理论(SCCT)视角/ 辛璐,周文霞,唐方成 // 经济管理. – 2019. – № 41. – 第 127–141 页 = Синь Лу, Чжоу Вэнься, Тан Фанчэн. Антецедентные переменные и их механизмы ясности карьерного успеха – перспектива социально-когнитивной теории карьеры (SCCT) // Экономический менеджмент. – 2019. – № 41. – С. 127–141.

техники¹. Запрет на привлечение иностранных работников установлен в сфере торговли в нестационарных торговых объектах и на рынках, вне магазинов, палаток и рынков, а также в аптеках для реализации лекарств. Китайские мигранты с высшим образованием, профессиональными навыками и более высокой зарплатой, как правило, легче интегрируются в российское общество, чем простые разнорабочие. Однако эта группа также может испытывать большой стресс и тревогу за свою идентичность в процессе интеграции.

В современный период китайцы массово обучаются за границей, отталкиваясь от идеи «учиться у варваров, чтобы управлять варварами». С 1992 г. по настоящее время Центральное правительство Китая провозгласило и проводит политику «поддержки обучения за рубежом, поощрения возвращения и свободы передвижения»; политика в отношении обучения за рубежом стала более либеральной, а обучение за рубежом вступило в фазу устойчивого роста и развития².

Правительством Китая обучение в России официально поддерживается, однако на деле положительное отношение касается небольшого количества направлений подготовки и специальностей, среди которых обучение русскому языку, творческие профессии (музыкальное образование, изобразительное искусство), профессии, связанные с добычей и переработкой углеводородов, а также освоением космоса. В настоящее время в условиях «поворота России на Восток» китайские студенты имеют определенное преимущество среди других иностранцев. Высока вероятность поступления у студентов со знанием русского языка. Значительная часть китайских студентов в период обучения на старших курсах имеют возможность получить работу.

¹ Бородина В. В России растет спрос на специалистов со знанием китайского языка. – URL: <https://www.vedomosti.ru/management/articles/2022/05/24/923463-spros-spetsialistov-kitaiskogo> (дата обращения: 16.09.2023). – Текст: электронный.

² Чэн Си. Некоторые размышления о статусе и роли иностранных студентов в эпоху глобализации // Развитие Китая. – 2002. – № 1. – С. 57.

Достижение целей самореализации и самоактуализации среди хуацяо, проживающих в России, связано в основном с творческой деятельностью и работой в некоммерческих организациях, занимающихся оказанием помощи китайским мигрантам. Это целеполагание свойственно незначительному числу китайских мигрантов, поскольку десятилетия социальных преобразований в китайском обществе привели к полному принятию материалистических ценностей социальной жизни. Акцент на ценности денег, по-видимому, стал молчаливо признанным стремлением к жизненным целям для большинства людей, а архетипы многих успешных ролевых моделей трансформировались из прежних моральных образцов в богатую элиту. Представители творческой элиты в большинстве сохранили «здоровый» взгляд на успешность, который не сводится к единственной ценности – богатству. Современные представления об успешности китайских мигрантов в России подчеркивают необходимость разностороннего развития человека, стремление к удовлетворению наивысшего уровня потребностей – потребности в самореализации¹.

Анализ жизненных историй китайских мигрантов в России демонстрирует наличие опыта достижения ими социальной успешности. Исследование подобных социальных практик позволяет выделить специфику и факторы, способствующие достижению социальной успешности мигрантов в принимающей стране.

Исходя из направлений целеполагания, описанных выше, необходимо отметить, что значительная часть китайцев в России стремится реализовать цель обеспечения материального благополучия, успешность для них связана с ростом дохода и возможностью отправлять средства в Китай для обеспечения своей семьи.

Интересна успешная практика работы в России хуацяо, китайской женщины по имени Ян Сяоли. В 1993 г. она открыла первую китайскую

¹ 赵旭东.当前社会成功教育的问题及分析/赵旭东 // 思想政治工作研究. –2011. № 1. – 第 12–14 页. = Чжао Сюдун. Актуальные проблемы и анализ образования о социальной успешности в обществе // Исследования по идеологической и политической работе. – 2011. – № 1. – С. 12–14.

компанию по производству автозапчастей в России в г. Уссурийске Приморского края. Компания стабильно приносила доход, что позволило Ян Сяоли в 2003 г. инвестировать 5 млн долл. США в строительство первого китайского предприятия по продаже строительных материалов – Уссурийского оптового рынка строительных материалов «Ваньян». Эта задача была решена ее компанией «Ваньян» в кратчайшие сроки (за девять месяцев). Открытие рынка сыграло огромное значение в распространении китайских строительных материалов в России. Таким образом, Ян Сяоли стала первой в Китае, которая вышла на российский рынок строительных материалов. Она также создала первую Китайскую товарную биржу строительных материалов, которая соединила отечественную промышленность строительных материалов и компании по производству строительных материалов внутри страны и за ее пределами с помощью информационной платформы. За последние десять лет группа «Ваньян» расширила свою деятельность в новых отраслях экономики и постепенно превратилась из единственного действующего предприятия в многопрофильное предприятие, специализирующееся на внешнеторговом импорте и экспорте, дополненное дистрибуцией автозапчастей и мелкой продукции. В России Ян Сяоли открыла три супермаркета строительных материалов и мебели, торговый дом автозапчастей «Уссурийск Ваньян», оптовый рынок строительных материалов и мебели «Уссурийск Ваньян» и др. Социальная практика успешности Ян Сяоли очень динамично развивается: от оптовой торговли одним товаром до импортно-экспортной торговли, логистики, строительной и отделочной промышленности, перерабатывающей промышленности и других областей. Она создала профессиональную логистическую базу в Северо-Восточной Азии и России. В настоящее время ее компания стала крупным предприятием группового

типа с сильной экономической мощью, трансграничным сотрудничеством и межотраслевой ориентацией¹.

Успешную практику предпринимательства реализовал китайский мигрант Чжан Чжи, который в конце 90-х гг. XX в. во Владивостоке, столице Приморского края России, создал так называемый «рынок без сайта» с новейшей для Дальнего Востока концепцией – оптовый рынок китайских модных тканей и аксессуаров. Чжан Чжи начал свою деятельность с изучения рынков китайских товаров в крупных и средних городах России и обнаружил, что все китайские торговые площадки и рынки не удовлетворяют спрос на одежду со стороны российских потребителей. Это привело к решению о создании собственного института моды во Владивостоке, откуда образцы одежды, сформированные в ходе исследований, отправляются для изготовления в Китай, а затем выводятся на российский рынок. Во Владивостоке он создал целую систему модного бизнеса, объединяющую разработку, производство и продажу высококачественной одежды. В конце 1999 г. во Владивостоке Чжан Чжи открыл магазин китайских тканей, который стал успешным с экономической точки зрения. Чжан Чжи зарегистрировался во Владивостоке как индивидуальный предприниматель, его производственно-торговая компания «Радуга» сегодня специализируется на производстве и продаже одежды и тканей. В то же время он создал веб-сайт для связи с крупными дилерами тканей в России через интернет. В настоящее время он заключил соглашения о совместных закупках с дилерами тканей в более чем 30 крупных и средних городах центральной части России, при этом Чжан Чжи предоставляет образцы, дилеры их выбирают и подписывают соглашения о заказе на закупку у отечественных производителей. Таким образом, производители могут полностью избежать проблем слепого производства и отставания продукции; централизованные

¹ 初祥, 刘伟东. 俄罗斯远东地区的知名华人/初祥, 刘伟东//西伯利亚研究. – 2007. – № 1. –第 38–41 页. = Чу Сян, Лю Вэйдун. Выдающиеся китайцы на российском Дальнем Востоке // Сибирские исследования. – 2007. – № 1. – С. 39.

закупки также позволяют избежать высоких затрат для дистрибьюторов из-за небольшого количества закупок¹.

Наиболее успешными являются практики предпринимательства в оптовой и розничной торговле товарами первой необходимости, фруктами, одеждой, обувью, головными уборами и др. В городе Благовещенске Амурской области много успешных китайских предпринимателей, занимающихся оптовой и розничной торговлей товарами в крупных торговых центрах, таких как «Заба», «Хуафу», «Улица Труда 47» и «Оптовый рынок фруктов “Дружба”». На складе «Дружба» Благовещенского фруктового рынка в январе 2023 г. было 40–50 китайских торговцев-эмигрантов и почти 10 китайских ларьков в бунгало на выходе с рынка. В городе Биробиджане Еврейской АО действуют три китайских оптовых склада по продаже овощей и фруктов, самый крупный из которых – «Харбинское овощехранилище», занимающее площадь 770 квадратных метров. Во Владивостоке на Спортивном рынке работают около 300 китайских предприятий; в Хабаровске китайский рынок «Али» имеет 31 здание с более чем 1 000 киосков и более 2 000 открытых торговых киосков, в том числе 500 киосков в 12 зданиях. В начале 2023 г. на рынке «Али» насчитывалось более 10 000 китайских торговцев в низкий сезон и более 20 000 – в высокий сезон, 98 % китайцев на рынке занимаются оптовой и розничной торговлей, их годовой доход составляет от 200 000 до 2–3 млн юаней. Интересна практика организации торговли на китайском рынке в Иркутске, где более 1 000 киосков, в том числе 220 киосков в China Mart, более 600 киосков в рынке «Синее здание» и более 200 небольших киосков для сторонних торговцев.

Успешность практик предпринимательства в сфере торговли доказывает размер среднегодового дохода китайских предпринимателей, занимающихся оптовой и розничной торговлей овощами и фруктами на

¹ 初祥, 刘伟东. 俄罗斯远东地区的知名华人/初祥, 刘伟东//西伯利亚研究. – 2007. – № 1. –第 38–41 页. = Чу Сян, Лю Вэйдун. Выдающиеся китайцы на российском Дальнем Востоке // Сибирские исследования. – 2007. – № 1. – С. 39.

Дальнем Востоке. Некоторые из более успешных китайских предпринимателей, которые занимаются оптовой торговлей овощами и фруктами на Дальнем Востоке в течение длительного периода, получают годовую прибыль в размере от 300 000 до 500 000 юаней или более, а в городах с меньшим количеством китайских предпринимателей, таких как Биробиджан, Белогорск, Новобрянск и Красноярск, годовая прибыль китайских предпринимателей намного выше, чем в других городах. Имеется практика работы китайских предпринимателей, получивших монополию на оптовую и розничную продажу товаров первой необходимости, одежды, овощей и фруктов, удовлетворяя потребности российских граждан на Дальнем Востоке.

Традиционно успешной, с точки зрения роста материального благосостояния, является практика ведения фермерского хозяйства. В России на территории Еврейской автономной области с 2003 г. успешно работает фермерское хозяйство «Хунхэ», организованное китайским мигрантом Ван Хэншу. Он прибыл для работы в России из провинции Хэйлунцзян, арендовал 8 000 му (1 му = 1/15 га) земли для выращивания сои вблизи г. Биробиджан. После осеннего замера средняя урожайность с му достигла 150 кг, что является рекордом по урожайности сои с одного му, а средняя выгода с му достигла более 200 юаней. В 2004 г. ферма «Хунхэ» организовала набор дополнительных работников для поездки на Дальний Восток России для выращивания сои, риса и овощей¹. Технология китайских сельскохозяйственных работников была высоко оценена их российскими коллегами. Местные российские власти назвали землю, которую обрабатывало фермерское хозяйство Цзяи Чжоу, «образцовым полем», потому что работники фермы обрабатывали арендованную землю в строгом соответствии с требованиями по ведению качественного и эффективного сельского хозяйства, внедряли стандартизированное управление и операции.

¹ 国文.黑龙江:北大荒人国外租种“样板田”/国文 // 当代蔬菜. – 2004. – № 8. –第 45 页. – Го Вэнь. Хэйлунцзян: бэйдахуанцы арендуют «образцовые поля» за рубежом // Современные овощи. – 2004. – № 8. – С. 45.

Российские средства массовой информации неоднократно освещали этот проект как пример успешной работы китайских мигрантов на Дальнем Востоке ¹.

Успешное ведение фермерского хозяйства и достижение цели повышения материального благополучия китайскими трудовыми мигрантами иллюстрирует опыт Ли Шумина, уроженца деревни Юнли уезда Бин г. Харбина. После окончания средней школы Ли Шумин стал работать фермером и первым в деревне открыл овощную теплицу. В 1994 г. городские власти организовали для поездки в Россию группу фермеров, чтобы выращивать овощи для населения, а его взяли на работу в качестве техника. На Дальнем Востоке в 1996 г. сельское хозяйство находилось в упадке, было много неиспользуемых земель, а продовольственные товары завозились из Центральной России, что сказывалось на удорожании продуктов питания. Ли Шуминг понял, что российский Дальний Восток нуждается в овощах, а работники из Китая с помощью тепличного земледелия и использования хороших сортов овощей могут получить урожай и прибыль. Он оформил в России необходимые документы на строительство овощной теплицы, в Китае собрал деньги и набрал желающих работать, организовал проезд, обеспечив проживание и питание своих рабочих в России. С 1996 по 2005 г. он ежегодно организовывал выезд трудовых мигрантов из своей деревни в Россию, предоставив работникам возможность получать хороший доход. Материальное благополучие самого Ли Шуминга также значительно улучшилось, он приобрел просторное и комфортабельное жилье в уезде Бин, обеспечил свою семью и планирует развивать бизнес в России для обеспечения своей семьи в будущем. Почти все первые овощеводы, которые

¹ Госхоз Хунхэ из провинции Хэйлунцзян: экспериментальный посев заливного риса в России. – URL: <https://russian.dbw.cn/system/2007/12/04/000029434.shtml> (дата обращения: 16.09.2023). – Текст: электронный.

отправились в Россию под его руководством, смогли организовать собственное хозяйство на территории России¹.

Успешные практики ведения сельского хозяйства китайскими мигрантами стали основой для развития российско-китайских совместных производств. Так, большой опыт работы в России имеет Цао Бохай, директор по инвестициям китайской компании “Joybay Agricultural Holding Limited”. В 2023 г. его компания начала работу над новым проектом: разрабатывается проектная документация и поиск площадки под завод для переработки сои в Белогорском округе Амурской области. Цао Бохай принимает непосредственное участие в проекте, объем инвестиций, по первоначальным оценкам, составит 800 млн р. (62,5 млн юаней). Выращенную в Амурской области и в Еврейской автономной области сою планируют перерабатывать в шрот, есть планы производить соевое масло, а также перерабатывать другие зерновые культуры, произведенные на Дальнем Востоке. Эта продукция будет продаваться на внутреннем рынке России, а также экспортироваться в Китай. Эта успешная практика доказывает, что китайские мигранты занимают новые ниши в экономической сфере России и готовы к плодотворному сотрудничеству с российскими предпринимателями и государством.

Китайские бизнесмены успешно реализуют проекты в строительстве и других отраслях экономики, которые не только способствуют развитию российской строительной индустрии, но и обеспечивают поступление большого количества налогов местным властям. В 1989 г. Хэ Вэньань из провинции Фуцзянь возглавил команду строителей и отделочников в составе 150 человек и вышел на строительный рынок Амурской области. За 30 лет жизни и работы в г. Благовещенске он построил такие брендовые проекты, как Благовещенский театр и Амурская государственная больница. В России он построил здания общей площадью более миллиона квадратных метров, а

¹ 初祥, 刘伟东. 俄罗斯远东地区的知名华人/初祥, 刘伟东//西伯利亚研究. – 2007. – № 1. –第 38–41 页. = Чу Сян, Лю Вэйдун. Выдающиеся китайцы на российском Дальнем Востоке // Сибирские исследования. – 2007. – № 1. – С. 38–41.

его общие активы за пределами страны достигли 1,7 млрд юаней, он ежегодно выплачивает большую сумму налогов для Амурской области, что делает его одним из пяти крупнейших налогоплательщиков в Благовещенске. Хэ Вэньань прошел путь от обычного плотника до руководителя крупной строительной компании с активами более 100 млн. юаней, ежегодной прибылью более 10 млн. юаней и ежегодной площадью застройки недвижимости более 50 000 квадратных метров. Он завоевал доверие не только русских, но и китайского частного сектора, а российское правительство рекомендовало его для получения высшей награды в международной строительной индустрии. Это первый иностранный предприниматель на российском Дальнем Востоке, удостоенный такой чести. Своими действиями Хэ Вэньань и его компания Huaifu Group проложили дорогу для продвижения китайской строительной индустрии на российский Дальний Восток¹. Предприниматель Хэ Вэньань успешен не только в ведении бизнеса в России, он хорошо овладел русским языком, общается без переводчика, увлекается музыкой – научился играть на скрипке, для чего в течение нескольких лет осваивал инструмент в музыкальном училище г. Благовещенска.

Опираясь на классификацию целей достижения успеха в России китайских мигрантов, описанную выше, необходимо охарактеризовать социальные практики в сфере получения образования или приобретения опыта для дальнейшего возвращения на родину. Получение образования является важным фактором притяжения для мигрантов из Китая, современная и активно развивающаяся система образования развивает интерес у китайской молодёжи. Ежегодно Правительством РФ выделяется квота для поступления граждан КНР, к примеру, в 2022 г. выделено 1011 мест. Количество китайских студентов, обучающихся в России, с каждым годом растет. В 2022 г. их численность составляла более 32 тыс. человек, что

¹ Архитектор из КНР в России построил «Азию» и полюбил котлеты. – URL: <https://ria.ru/20151126/1328993151.html?ysclid=ltb7f0ziru978132455> (дата обращения: 11.02.2024). – Текст: электронный.

на 10 % выше, чем в 2021 г.¹ В России развивается так называемая «индустрия экспорта образования» и привлекает в том числе богатых студентов из Китая, поскольку значительная часть получающих высшее образование оплачивает его из собственных средств. Кроме того, китайские студенты могут выбрать миграцию не только для того, чтобы получить образование в лучших университетах России, но и в целях дальнейшей жизни и работы в этой стране.

Ван Чжэн, студентка магистратуры по направлению подготовки «Туризм» Московского педагогического государственного университета, выбрала российский вуз для обучения, поскольку хотела не только выучить русский язык, но и изучить русскую культуру, особенности жизни в России. Направление для обучения Ван Чжэн определила с учетом увеличения интереса к России и развития туристического потока из Китая в эту страну, именно это позволит ей найти хорошую работу в будущем. Успешность реализации образовательных целей можно увидеть уже на начальных этапах обучения: Ван Чжэн, как и большинство китайских студентов, показывает высокий уровень успеваемости при обучении, активно участвует в культурной жизни университета, включается в проведение научных исследований². Залогом успешности в обучении является такой фактор, как возможность изучать русский язык. Именно это стало условием успешной социализации Ван Чжэн, способствовало ее вовлечению в социокультурную среду, привело к расширению компетенций, в том числе профессиональных. Знание русского языка позволяет при необходимости найти работу. Ван Чжэн уже поступали такие предложения, но она хочет уделить больше внимания учебе, а не заработку в России. Немаловажным условием успешности в учебе являются условия проживания. Ван Чжэн вместе со своими друзьями живет в общежитии, совместное времяпрепровождение с

¹ За прошедший год число студентов из Китая в российских вузах увеличилось на 10 %. – URL: <https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/mezhdunarodnoe-sotrudnichestvo/51810> (дата обращения: 11.02.2024). – Текст: электронный.

² Научные достижения китайских студентов-магистрантов. – URL: <https://mpgu.su/novosti/dostizhenija-kitajskih-magistrantov> (дата обращения: 11.01.2024). – Текст: электронный.

представителями своей культуры нивелирует негативные стороны жизни в чужой стране, позволяет постепенно привыкнуть к местным обычаям, «мягко» войти в условия «принимающего» общества.

Ярким примером практики успешности хуацяо в России является жизненная биография Цзоу Хун: получение образования в России, в Забайкальском государственном гуманитарно-педагогическом университете им. Н. Г. Чернышевского (г. Чита), явилось стартом для достижения успехов в ведении бизнеса и создании семьи. Цзоу Хун в 2003 г. получила диплом о высшем образовании по специальности «Преподавание русского языка», а в 2008 г. закончила аспирантуру по специальности «Социальная философия», успешно защитив кандидатскую диссертацию и получив научную степень кандидата философских наук. Изучение русского языка в России не только расширило кругозор, но и очень помогло в работе и жизни. Знание русского языка дает возможность заниматься любимым делом – преподаванием китайского языка для русскоязычных студентов. Цзоу Хун работает на кафедре иностранного языка как иностранного в Забайкальском государственном университете. После получения научной степени владение русским языком позволило ей начать свой бизнес. С 2019 года Цзоу Хун занимается производством китайских пельменей и вареного мяса в г. Чите. Фирма позиционирует себя как единственный в России завод по производству китайских пельменей по традиционным технологиям – производитель китайских пельменей с забайкальской душой «Хао Чи». В 2023 году завод занял 1-ое место в конкурсе «Сто лучших товаров России» в номинации «Отличник качества». Продукцию этой небольшой фирмы высоко оценили местные покупатели, началась реализация пельменей за пределами Забайкальского края. Это стало возможным за счет финансирования из фонда развития промышленности Забайкалья по программе «пищевая промышленность». На реализацию проекта предпринимателю Цзоу Хун в 2022 году предоставили более пяти миллионов рублей. Благодаря усилиям семьи Цзоу Хун и российской государственной

поддержке бизнес успешно развивается. Успешность Цзоу Хун выражается также в ее семье, у нее муж – китайский мигрант, который активно занимается бизнесом, их дочь учится в российской школе г. Читы, демонстрируя успехи в освоении учебных предметов.

Самореализация, самоактуализация стала важной целью достижения китайскими мигрантами успеха в России. Достижение этого целеполагания можно охарактеризовать через социальные практики в сфере культуры и творчества, а также в благотворительности. Примерами реализации успешности хуацяо в России служат социальные практики общественных объединений китайских мигрантов, организации китайских общин. В начале 1990-х гг. была создана Московская китайская торговая палата, несколько позже – Московская китайская ассоциация зарубежных китайцев. Цель ассоциаций – объединить зарубежных китайцев и китайских бизнесменов для помощи друг другу, укрепления дружбы между Китаем и Россией и защиты законных прав и интересов своих членов. В июле 1997 г. десятки китайских учреждений объединились в Московскую ассоциацию китайских предприятий, в марте 1998 г. была основана Московская ассоциация китайских женщин. В последние годы в результате объединения и реорганизации многочисленных зарубежных китайских организаций созданы Российская федерация зарубежных китайских ассоциаций и Российская ассоциация содействия мирному воссоединению Китая. Существуют также Ассоциация китайских предприятий Москвы, Ассоциация китайских предпринимателей Санкт-Петербурга, Ассоциация китайских предпринимателей приморских регионов, Ассоциация китайских художников России и Ассоциация китайских добровольцев России. Китайская торговая палата создана во Владивостоке, Хабаровске, Иркутске, Красноярске и других крупных городах России.

Китайскую торговую палату на местах обычно возглавляет китайский бизнесмен с высоким авторитетом и влиянием на определенной территории, например, Чжан Чуньжуй, президент Китайской торговой палаты в

Николаевске, Се Фэй, президент Китайской торговой палаты в Хабаровске, Ма Хун, президент Китайской ассоциации в Хабаровске, и Ли Ючен, вице-президент. Среди многочисленных китайских общественных организаций важное место занимает Китайская торговая палата. В 2008 г. Ма Цян и Юань И, китайские бизнесмены из Чжэнчжоу (провинция Хэнань), приехавшие в Россию, основали Российско-китайскую торговую палату в Центральном Китае, которая была официально зарегистрирована в Министерстве юстиции Российской Федерации в июле 2010 г. Китайская торговая палата в России – это место, где решают всевозможные проблемы зарубежных китайцев, это платформа для взаимодействия и торговли между Китаем и Россией. 220 членов и 20 компаний являются ее членами, большинство из которых – бизнесмены, готовые прийти на помощь своим соотечественникам, проживающим в России, а также организовать проекты, направленные на социально-экономическое развитие обеих стран. Организации китайской общины являются свидетельством тесной дружбы между Россией и Китаем и способствуют реализации совместных акций. Так, в августе 2010 г. Китайская торговая палата в России начала кампанию по сбору пожертвований китайской общине в Москве для района бедствия Чжоуцуй (собранные средства направлены для нуждающихся в Китае). В сентябре того же года Палата провела сбор средств, закупила и передала школьные принадлежности многодетным семьям в Москве, на постоянной основе оказывается помощь двум российским детским домам, средства идут на образование воспитанников учреждений¹. В 2011 г. Палата в сотрудничестве с правительством провинции Хубэй успешно организовала в Москве семинар для талантливых мигрантов, проживающих в России. Палата пригласила более ста китайских и российских экспертов и ученых, китайских студентов на встречу с делегацией провинции Хубэй по вопросам деловых предприятий в Китае. Китайская община организовала множество мероприятий в России,

¹ Китайская торговая палата в России кроме своего основного предназначения занимается благотворительностью. – URL: <https://russian.dbw.cn/system/2007/05/25/000014786.shtml?ysclid=ltbelupx2y686709314> (дата обращения: 19.12.2023). – Текст: электронный.

таких как сбор пожертвований в местные дома престарелых и детские дома. Представители китайского бизнес-сообщества в Хабаровске часто организуют визиты в городские детские сады и Центр помощи детям-сиротам, привозят школьные принадлежности, детские игрушки и др. Эти мероприятия – не только форма поздравления российских детей от лица китайского народа, но и в определенной степени помощь российским властям в решении социальных вопросов, а также способ нивелировать имеющиеся предубеждения русских против китайских мигрантов и их организаций.

Во время эпидемий в Китае зарубежные китайские общественные организации организовывали пожертвования в пользу родины, проводили благотворительные акции. Интересным примером социальной успешности китайцев в России служит деятельность почетного члена Ляонинской ассоциации зарубежных китайцев и президента Китайской торгово-промышленной палаты Дальнего Востока России Сунь Лэй. Он, являясь участником проекта «Эпидемия», продемонстрировал сопереживание, оказал помощь в профилактике и борьбе с эпидемией COVID-19, которая привела к длительной изоляции жителей КНР. Китайские мигранты, чьи семьи проживают в Китае, испытали глубокую озабоченность, поскольку эта болезнь могло коснуться их сыновей и дочерей. Сунь Лэй взял на себя инициативу связаться с Уханем, узнав о новой эпидемии в городе, надеясь внести свой вклад в борьбу с эпидемией. Он был первым, кто организовал сбор пожертвований членов Палаты в России для формирования финансового фонда помощи. В результате его инициативы пожертвования членов Палаты стали увеличиваться. В то же время Сунь Лэй активно связывался с различными предприятиями по производству медицинских материалов в России, закупил 60 000 пар медицинских перчаток и 1,3 млн масок общей стоимостью более 100 000 юаней. С 1 февраля 2020 г. в России приостановлено авиасообщение между Россией и Китаем. Возник вопрос о том, как будут доставляться медицинские товары в страну. Сунь Лэй сумел

найти способ доставить грузы из российского пограничного пункта Полтавка в пограничный пункт Дуннин провинции Хэйлунцзян и отправил их для борьбы с новой эпидемией пневмонии в Народную больницу Ханьчуань провинции Хубэй, Общество Красного Креста в г. Сяоган, Благотворительную федерацию в уезде Иншань, больницу Фанцай в Вучане и Больницу Союза в г. Ухань¹.

В феврале 2020 г. Китайская ассоциация Хабаровска и Ассоциация китайских студентов и ученых Хабаровского края запустили кампанию по сбору пожертвований, чтобы помочь в борьбе с эпидемией коронавируса. В феврале 2020 г. пожертвования в размере более 270 тыс. юаней были получены от китайцев, проживающих в России, через онлайн-переводы WeChat и через сбор средств на крупных рынках, предприятиях, в компаниях и т. д. Средства направлены на приобретение защитных средств и медицинских изделий для китайцев, проживающих в Хабаровске, в том числе раздали более 64 000 масок китайским соотечественникам, пребывающим в других городах Дальнего Востока. Китайская торговая палата в Еврейской автономной области Биробиджан, включая руководителя Че Моу, организовала китайских бизнесменов для покупки 100 тыс. масок и пожертвовала их медицинским учреждениям, сотрудникам полиции и таможни в г. Хэйхэ.

Успешное участие в совместной борьбе с эпидемией проявил Сунь Лэй, директор Всемирной федерации китайской кухни и президент Дальневосточной китайской торгово-промышленной палаты в России. Сунь Лэй организовал сбор пожертвований в России для приобретения 60 000 пар медицинских перчаток и 13 000 масок общей стоимостью более 100 000 юаней. В условиях отмены российских авиарейсов в Китай Сунь Лэй обеспечил доставку 61 посылки общим весом 420 кг (через Дуннин, провинция Хэйлунцзян, для дальнейшей отправки в Сяоган, провинция

¹ Зарубежный член Ляонинской ассоциации зарубежных китайцев, Дальневосточной китайской торгово-промышленной палаты России: борьба президента Сунь Лэя с «эпидемией» показывает глубокую любовь его сына // Сад мигрантов. – 2020. – № 6. – С. 29.

Хубэй). В марте 2020 г. Комитет по профилактике и борьбе с эпидемией пневмонии в г. Сяогань направил благодарственное письмо в Китайскую торгово-промышленную палату Дальнего Востока России и лично Сунь Лэй. Широкое распространение и результативность масштабных благотворительных акции свидетельствует о способности китайских мигрантов, проживающих в России, участвовать в жизни своей родной страны, их заинтересованности в обеспечении благополучия на родине.

Существует большое количество примеров успешной творческой карьеры российских художников китайского происхождения. Пань Икуй, родившийся в 1977 г. в Чжуанлане, провинция Ганьсу, – художник-масляник и доктор наук, получивший этот статус в России. В настоящее время он является председателем Ассоциации китайских художников России, заместителем председателя Ганьсуйского отделения Ассоциации китайских художников и членом Ассоциации художников России. Он успешно спланировал более десяти масштабных выставок русской масляной живописи в Пекине, Шицзячжуане, Тайюане, Ланьчжоу, Вэйхае и Санкт-Петербурге¹.

Китайско-российский художник Цзян Шилун прожил в России 58 лет, но бережно сохранил тесные связи с родиной. Цзян Шилун – профессор Российской академии художеств, золотой медалист Московской международной выставки живописи, его работы находятся в коллекциях музея Лувр, Эрмитажа и др. Он являлся примером уважаемого ветерана-мигранта в России. Цзян Шилунь хорошо известен в мире русской живописи благодаря своим характерным китайским картинам тушью, смелым и оригинальным техникам. Профессор Н. А. Виноградова, теоретик искусства и критик Российской академии художеств, следила за художественным творчеством Цзян Шилуна и высоко оценила его картины за идеальное сочетание техники китайской туши и масляной живописи. Помимо творческой работы, Цзян Шилунь активно занимался общественной

¹ 俄罗斯华人艺术家协会主席潘义奎作品(组图) = Работы Пань Икуя, председателя Ассоциации китайских художников России. – URL: <http://www.tianshui.com.cn/news/gansu/2011120121043511727.htm> (дата обращения: 10.12.2023). – Текст: электронный.

деятельностью. Десять лет он был президентом Китайской ассоциации Санкт-Петербурга и всегда выступал за китайско-российскую дружбу. Умер Цзян Шилунь в феврале 2020 г. в Китае.

Российский художник китайского происхождения Сун Жуй с единомышленниками из общественной организации по развитию культуры организовали и провели в Пекине выставку русской масляной живописи, на которой было представлено более ста работ современных российских гигантов масляной живописи и начинающих художников. На церемонию открытия выставки был приглашен известный заслуженный российский художник-масляник Цзинь. Как вице-президент Санкт-Петербургской ассоциации зарубежных китайцев и представитель молодых российских китайских художников, Сун Жуй более десяти лет содействовал развитию китайской культуры в России. Сун Жуй отметил, что «выставка не только продемонстрировала общую силу русской масляной живописи, но и в полной мере отразила мощный импульс культурного обмена между Китаем и Россией»¹. Таким образом, практика реализации потребности в самоактуализации китайскими мигрантами, проживающими в России, доказывает их стремление к достижению успеха не только ради для себя и своей семьи, но и во благо других людей, прежде всего соотечественников, нуждающихся в поддержке.

Описанные практики успешности китайских мигрантов в России позволяют сделать вывод, что критериями успеха являются, прежде всего, достижение высокого уровня жизни, получение хорошего образования и престижной профессии, а также получение удовлетворенности от своих усилий и проведенной работы. В среде современных китайских мигрантов в России выявляется взаимообусловленность социальных практик успешности и их интеграцией в российское общество, которая обеспечивается освоением русского языка, принятием культурных и социальных норм, активностью в

¹ 华裔画家在京办俄罗斯油画展 = Художник китайского происхождения открывает выставку русской масляной живописи в Пекине. – URL: <http://www.scio.gov.cn/dfbd/dfbd/Document/1362801/1362801.htm> (дата обращения: 10.12.2023). – Текст: электронный.

экономической и культурной жизни местных сообществ при сохранении своей идентичности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В конце XX – начале XXI в. одним из явлений, оказывающих влияние на социальные, политические и экономические преобразования и трансформацию, стала миграция. В современном мире миграция приобрела всеохватывающий характер, затронула все страны и континенты, детерминировала социально-этнические процессы и принимающих, и выталкивающих стран, порождая как позитивные, так и негативные последствия, как для стран, включенных в миграционные потоки, так и для самих мигрантов, непосредственно оказывающихся в ином социокультурном пространстве.

Миграция как глобальное, интенсивное, разнообразное явление оказывает влияние на состояние экономики, политики, социальной сферы, социальной безопасности стран-реципиентов и стран-доноров. Миграция становится одним из факторов развития мирового сообщества, обеспечивая не только гибкость рынка труда, но и межкультурное взаимодействие. Глобализационные процессы изменили как количество мигрантов, так и качественное состояние миграционных процессов. Наряду с трудовой миграцией увеличился поток мигрантов, заинтересованных в получении достойного образования, качества жизни, профессионального роста, повышении культурного уровня. Данная тенденция рефлексировала как международную интеграцию, так и свободу передвижения не только трудовых ресурсов, но и знаний, умений, интеллектуального капитала, уникального профессионального опыта.

Для анализа теорий миграции был использован подход Т. Н. Юдиной. В рамках данного подхода предложено классифицировать миграционные концепции на основе следующих критериев: первая группа – теории, рефлексивные такие стороны миграционного процесса, как причины и факторы, детерминирующие миграцию; вторая группа – теории, исследующие механизмы «вписывания» мигрантов в новое общество.

Предложенная классификация была дополнена следующими параметрами: взаимосвязь миграции с экономическими, экологическими процессами в стране убытия и прибытия; влияние рынков труда на миграцию; эволюция мотиваций мигрантов, стремление либо встроиться в культурное новое пространство, либо его отторгнуть; создание социальной сети, транснациональных социальных структур; состояние миграционной политики государств.

В рамках анализа теорий миграции показано, что причины, детерминирующие миграционные процессы, становятся основой формирования характеристик мигрантов в странах прибытия. Среди причин миграции учеными выделяются как объективные (экономические, политические, социальные трансформации, происходящие в социуме, и др.), так и субъективные (личностные, мотивационные и др.). Характеристики мигрантов, как и причины миграции, носят эволюционный характер, они обусловлены историческими процессами, происходящими в обществе. В частности, в современном мире сформировалась новая группа мигрантов – транснациональные мигранты. Эта группа мигрантов формирует новое миграционное и социальное пространство, создает иные социальные сети, позволяющие им функционировать в нескольких сообществах.

Одним из факторов, детерминирующих успешность мигрантов, являются стратегии их вписывания в новое социальное пространство. Данная проблематика была озвучена в теории приспособления к требованиям среды У. Томаса и Ф. Знанецкого; поколенческой теории Х. Г. Дункана; сегментной ассимиляции А. Портеса, М. Чжоу; миграционной теории трех стадий Л. Л. Рыбаковского, диалоговой модели Т. Н. Юдиной, аккультурации Дж. Берри и др. На основе анализа адаптационных стратегий мигрантов выделяются их характеристики: стратегия интеграции мигрантов предполагает наличие двух противоположных точек зрения: сохранение отдельных элементов своей культуры, ее традиций и принятие культуры общества прибытия, обогащение двух культур за счет друг друга,

формирование интереса к различным культурам и др.; стратегия сепарации мигрантов обуславливает такую характеристику, как собственная культурная идентичность, стремление к ее сохранению и передаче последующим поколениям, непринятие культуры страны-реципиента и др.; стратегия маргинализации характеризуется конфликтами между группами мигрантов и обществами-реципиентами и порождает такие характеристики социальной группы мигрантов, как враждебность, негативное отношение, отрицание как собственной культуры, так и культуры принимающей страны и др.; стратегия ассимиляции формирует следующие характеристики мигрантов как социальной группы: знание языка, культуры, религии принимающей страны, погружение в ее культуру, отказ от культуры страны исхода, отрицание своей культурной идентичности.

Выбор стратегии интеграции китайскими мигрантами, как свидетельствуют исследования ученых и объективные факты современной социальной действительности, обусловлен следующими позициями: политикой открытости и реформ, проводимой китайским государством; миграционными установками правительства Китая как внутри страны, так и на международной арене, направленными на поддержку миграции, ее различных форм и получившими обоснование в нормативно-правовых документах; формированием новой группы китайских мигрантов – «новые мигранты» (транснациональные мигранты). Эта группа мигрантов создает иное миграционное и социальное пространство, создает новые социальные сети, позволяющие им функционировать в нескольких сообществах, принадлежать к нескольким культурам; миграционной политикой стран реципиентов (смягчение политики приема мигрантов, привлечение молодых людей для обучения за рубежом, создание условий для приезда лиц, имеющих высокую профессиональную квалификацию, и др.); стремлением сохранить свою культуру, национальную идентичность, передать свои традиционные ценности последующим поколениям в доминирующей культуре.

Философско-антропологический подход позволил определить успешность как философскую категорию, отражающую достижение желаемого результата как ценности жизни человека. В Китае, в отличие от Запада, предпочитают понимание, постижение гуманитарных знаний, реализацию интуитивного опыта, нежели опыта рациональности. Культурные истоки лежат в основе различий между китайским и западным взглядом на успешность.

Китайские ученые анализируют успешность в рамках двух подходов: инструментального, который, по мнению китайских исследователей, утилитарен и недальновиден; ценностного, согласно которому достижение успеха заключается в учете самооценности человека, реализации своей социальной роли. В основе представлений об успешности в Китае лежат концепция мотивации достижения, концепция успеха, основанная на формуле капитала, приносящего проценты.

Социальная успешность понимается как уровень социальных достижений, признаваемый успешным в данной стране и ее культурой. Обычно это определенный уровень материального достатка, гармонии с самим собой, профессионального и социального статуса, социального влияния.

Выделяются субъективные и объективные факторы формирования успеха, что соотносится с теориями российских ученых, концепцией жизненных сил человека, его индивидуальной и социальной субъектности С. И. Григорьева. Жизненные силы человека в данной концепции понимаются в качестве его способности к воспроизводству и осуществлению жизни как биологического и социального существа, способности к эффективному удовлетворению потребностей поддержания жизнеобеспечения и деятельного существования во всех сферах жизни общества. Жизненное пространство человека понимается как единство экологического, территориально-географического, социокультурного,

экономического, политического, исторического и социально-бытового пространства среды обитания

В аспекте выявления культурных факторов (жизненных сил человека) успешности китайских мигрантов как условия их интеграции в российское общество представляет интерес идея Л. Харрисона и С. Хантингтона о том, что культурные ценности являются важнейшим фактором социального прогресса. Эта идея положена в основу тезиса о том, что некоторые этнические группы, действующие в одинаковых для всех экономических условиях, добиваются гораздо более заметных успехов. Основу культурных факторов составляет менталитет, который тесно связан с развитием и увеличением жизненных сил человека. К культурным факторам успешности китайских мигрантов как условия их интеграции в российское общество относятся такие как: менталитет, ориентация на достижения, азиатский тип ведения бизнеса, стратагемность, субъективный социально-экономический статус (субъективное восприятие индивидом своего социального класса).

Социальные (объективные) факторы обусловлены особенностями жизненного пространства, включающего политический строй, уровень социально-экономического развития, качества жизни страны проживания мигрантов, социальный капитал. Приписывание первостепенной важности внешним обстоятельствам формирует особую чувствительность к объективным факторам успешности китайских мигрантов. Принятие любых решений сфокусировано на тщательном взвешивании ситуации и использовании любых преимуществ, что сделало китайцев весьма восприимчивыми к характеру и структуре рынков.

Китайские мигранты находятся в условиях поиска путей интеграции в российское общество. Становится важным понимание того, что требует среда той страны, в которую попадает мигрант, и осознание целей, которые перед собой ставит мигрант. Жизненные стратегии тесно взаимосвязаны со стратегиями интеграции китайских мигрантов, что в итоге приводит к формированию их идентичностей.

Социальные практики следует рассматривать как различные виды самостоятельной деятельности отдельных людей или социальных групп, направленные на реализацию их текущих и перспективных нужд, потребностей и интересов и выступающие своего рода апробацией способов и форм деятельности в целях получения нового опыта. Социальные практики успешности демонстрируют сохранение идентичности китайских мигрантов, проживающих в России, подтверждают их способность приспосабливаться к условиям принимающего общества, получать новый опыт социальной жизни. Успешность зарубежных китайцев в России с течением времени наполняется новым содержанием, формы социальных практик успешности становятся более разнообразными, институционализируются и в значительной степени связаны со стремлением достичь экономического благополучия, самоактуализации и высокого качества жизни.

Необходимо отметить значимость этой проблемы применительно и к российской реальности, к китайским мигрантам, проживающим в России.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Азимова, М. Т. Особенности функционирования сегментарного рынка труда: дис. ... канд. экон. наук: 08.00.05 / М. Т. Азимова. – Душанбе, 2018. – 157 с.

2. Аранго, Х. Объяснение причин миграции: критический обзор / Х. Аранго // Международный журнал социальных наук. – 2001. – № 32. – С. 44–59.

3. Афонасенко, Е. В. Психологические проблемы межкультурного взаимодействия на приграничных территориях Дальнего Востока России и Северо-Востока Китая / Е. В. Афонасенко // Вестник Бурятского государственного университета. – 2012. – № 1. – С. 60–65.

4. Ахиезер, А. С. Миграция в российской истории / А. С. Ахиезер. – // Полития. – 2004. – № 4. – С. 69–76.

5. Бальчиндоржиева, О. Б. Модернизация китайского общества: социально-философский анализ: автореф. ... д-ра филос. наук: 09.00.11 / О. Б. Бальчиндоржиева. – Улан-Удэ, 2015. – 42 с.

6. Батенин, С. С. Человек в его истории / С. С. Батенин. – Ленинград: Изд-во Ленингр. ун-та, 1977. – 296 с.

7. Беглова, Э. И. Ценностное содержание субъективного образа «успешной личности» как показатель психологической адаптированности / Э. И. Беглова // Социально-психологическая адаптация личности в изменяющемся обществе: материалы междунар. (заоч.) науч.-практ. конф. / под ред. Т. Н. Смотровой. – Балашов, 2010. – С. 22–26.

8. Берри, Дж. Как мы будем жить все вместе? Альтернативное видение межкультурных отношений / Дж. Берри // Кросс-культурная психология: актуальные проблемы / под ред. Л. Г. Почебут, И. А. Шмелёвой. – Санкт-Петербург: Изд-во СПбГУ, 2005. – С. 9–10.

9. Берри, Дж. Кросс-культурная психология: исследование и применение / Дж. Берри, А. Х. Пуртинга, М. Х. Сигалл, П. Р. Дасен. – Харьков: Гуманитарный Центр, 2007. – 556 с.
10. Блинова, М. С. Глобальные миграционные процессы в современных теориях миграции (социологический аспект) / М. С. Блинова // Миграция и социально-экономическое развитие стран региона Балтийского моря: материалы междунар. конф. (Светлогорск, 5–7 июня 2008 г.) / под ред. Л. Л. Емельяновой, Г. М. Федорова. – Калининград, 2008. – С. 275–280.
11. Бокавнева, О. В. Образ Китая в России: история вопроса / О. В. Бокавнева // Концепт: философия, религия, культура. – 2021. – Т. 5, № 2. – С. 161–174.
12. Будаева, З. А. Аккультурация как доминирующий теоретический маркер появления процессов глобализации / З. А. Будаева // Вестник Бурятского государственного университета. – 2014. – № 6. – С. 91–95.
13. Василенко, П. В. Зарубежные теории миграции населения / П. В. Василенко // Псковский регионологический журнал. – 2013. – № 16. – С. 36–42.
14. Витгенштейн, Л. Философские исследования / Л. Витгенштейн; пер. М. С. Козловой, Ю. А. Асеева. – Москва: Гнозис, 1994. – Ч. 1. – 252 с.
15. Вэймин, Т. Множественность модернизаций и последствия этого явления для Восточной Азии / Т. Вэймин // Культура имеет значение. Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу / под ред. Л. Харрисона, С. Хантингтона. – Москва: Моск. школа политических исследований, 2002. – С. 226–239.
16. Ганжа, А. О. Гуманистическая социология Флориана Знанецкого / А. О. Ганжа, А. А. Зотов // Социологические исследования. – 2002. – № 3. – С. 112–120.
17. Гидденс, Э. Последствия модерна / Э. Гидденс // Современная теоретическая социология: Энтони Гидденс. Реферативный сборник под ред. Ю. А. Кимелева. Серия «Социология». М.: ИНИОН РАН, 1995. 531 с.

18. Григорьев, С. И. Жизненные силы человека / С. И. Григорьев, Л. Д. Демина, Ю. Е. Растов. – Барнаул, 1996. – 92 с.
19. Григорьев, С. И. Теоретические основы изучения жизненных сил национальных общностей / С. И. Григорьев // Социологические исследования. – 2000. – № 2. – С. 13–20.
20. Гриценко, В. В. Влияние социальных сетей на успешность социально-психологической адаптации мигрантов / В. В. Гриценко // Социально-психологическая адаптация личности в изменяющемся обществе: материалы междунар. (заоч.) науч.-практ. конф. / под ред. Т. Н. Смотровой. – Балашов, 2010. – С. 40–45.
21. Гуссерль, Э. Логические исследования. Исследования по феноменологии и теории познания / Э. Гуссерль; пер. с нем. В. И. Молчанова. – Москва: Акад. проект, 2011. – 565 с.
22. Дюркгейм, Э. Самоубийство: социологический этюд / Э. Дюркгейм. – Санкт-Петербург: Союз, 1998. – 496 с.
23. Евсеев, В. О. Жизненное пространство как фактор формирования национального менталитета / В. О. Евсеев // Ученые записки Российского государственного социального университета. – 2010. – № 7. – С. 12–20.
24. Зиммель, Г. Избранное. Проблемы социологии / Г. Зиммель; сост. С. Я. Левит. – Москва; Санкт-Петербург: Центр гуманитарных инициатив, 2017. – 416 с.
25. Ивахнюк, И. В. Развитие миграционной теории в условиях глобализации / И. В. Ивахнюк // Век глобализации. – 2016. – № 1–2. – С. 26–43.
26. Илимбетова, А. А. Адаптация и интеграция мигрантов: условия, цели, подходы / А. А. Илимбетова // Вестник Института экономики Российской академии наук. – 2021. – № 2. – С. 144–155.
27. Ионцев, В. А. Международная миграция: населения: теория и история изучения / В. А. Ионцев. – Москва: Диалог-МГУ, 1999. – Вып. 3. – 370 с.

28. Ионцев, В. А. Новые тенденции и формы эмиграции из России / В. А. Ионцев, С. В. Рязанцев, С. В. Ионцева // Экономика региона. – 2016. – Т. 12. № 2. – С. 499–509.
29. Карпов, Ю. Ю. Горцы после гор. Миграционные процессы в Дагестане в XX – начале XXI века: их социальные и этнокультурные последствия и перспективы / Ю. Ю. Карпов, Е. Л. Капустина. – Санкт-Петербург, 2011. – 438 с.
30. Караханян, Е. В. Социально-философская концепция успеха: автореф. дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11 / Е. В. Караханян; Башкир. гос. ун-т. – Уфа, 2010. – 29 с.
31. Каслс, С. Век миграции. Международное движение населения в современном мире / С. Каслс, Хейн де Хаас, М. Миллер. – Москва: Дело, 2022. – 512 с.
32. Кастельс, М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / М. Кастельс; пер. с англ., под науч. ред. О. И. Шкаратана. – Москва: ВШЭ, 2000. – 608 с.
33. Кашпур, В. В. Социокультурная адаптация мигрантов: проблемы и стратегии (Томский кейс) / В. В. Кашпур, И. Г., Поправко // Вестник Томского государственного университета. – 2012. – № 354. – С. 88–93.
34. Кивисто, П. Теперь мы все действительно мультикультуралисты / П. Кивисто // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2016. – Т. 19, № 2. – С. 19–45.
35. Клейменова, Ю. Э. Влияние социально-психологических факторов на успешность карьеры в малом бизнесе: автореф. дис. ... канд. психол. наук: 19.00.05 / Ю. Э. Клейменова. – Москва, 2007. – 47 с.
36. Корель, Л. В. Социология адаптаций: вопросы теорий, методологии и методики / Л. В. Корель. – Новосибирск: Наука, 2005. – 415 с.
37. Костенко, В. В. Теории миграции: от ассимиляции к транснационализму / В. В. Костенко // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2014. – Т. 17, № 3. – С. 62–76.

38. Кочеткова, Л. Ю. Транснациональная миграция: понятие, условия развития и последствия / Л. Ю. Кочеткова // Географический вестник. Социальная и экономическая география. – 2013. – № 2. – С. 24–28.
39. Кречмер, Э. Гениальные люди / Э. Кречмер. – Санкт-Петербург: Академический Проект, 1999. – 303 с.
40. Культура имеет значение. Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу / под ред. Л. Харрисона, С. Хантингтона. – Москва: Моск. школа политических исследований, 2002. – 320 с.
41. Кучинская, Т. Н. «Социокультурное пространство» в научном дискурсе: к проблеме концептуализации понятия / Т. Н. Кучинская // Казанская наука. – 2011. – № 9. – С. 138–144.
42. Ландес, Д. Культура объясняет почти все / Д. Ландес // Культура имеет значение. Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу / под ред. Л. Харрисона, С. Хантингтона. – Москва: Моск. школа политических исследований, 2002. – С. 33–39.
43. Лапшина, Н. И. Миграция и маргинальность в контексте социологии социального пространства / Н. И. Лапшина // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. – 2010. – № 1. – С. 388–394.
44. Ларин, А. Г. Китайские мигранты в России. История и современность / А. Г. Ларин. – Москва: Вост. кн., 2009. – 512 с.
45. Леонтьева, Э. О. Роль женщин в процессе адаптации семей китайских мигрантов в России / Э. О. Леонтьева, Ван На // Социологические исследования. – 2022. – № 8. – С. 59–66.
46. Линдсей, С. Культура, ментальные модели и национальное процветание / С. Линдсей // Культура имеет значение. Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу / под ред. Л. Харрисона, С. Хантингтона. – Москва: Моск. школа политических исследований, 2002. – С. 259–276.

47. Лисицын, П. П. Миграционное поведение: принцип снижения трудозатрат Дж. Зипфа / П. П. Лисицын, Н. А. Орлова, А. М. Степанов // Социологический журнал. – 2022. – Т. 28, № 3. – С. 72–90.
48. Лисицын, П. П. Новые законы миграции Э. Равенштейна / П. П. Лисицын, А. М. Степанов // Социологические исследования. – 2022. – № 8. – С. 15–26.
49. Лю Сяоин, Абжаппарова, А. А. Особенности образовательной миграции китайской молодежи / Лю Сяоин, А. А. Абжаппарова // Вестник Евразийского национального университета имени Л. Н. Гумилева. – 2021. – № 2(135). – С. 38–50.
50. Макклелланд, Д. Мотивация человека / Д. Макклелланд; науч. ред., пер. Е. П. Ильина. – Санкт-Петербург: Печатный двор им. А. М. Горького, 2007. – 669 с.
51. Маслоу, А. Мотивация и личность / А. Маслоу; пер. Т. Гутман, Н. Мухина. – Санкт-Петербург: Питер, 2019. – 400 с.
52. Магомедова, А. Г. Экономико-демографические аспекты внешней миграции в России: монография / А. Г. Магомедова; гл. ред. В. А. Ионцев. – Москва: ТЕИС, 2006. – 128 с.
53. Массей, Д. Синтетическая теория международной миграции / Д. Массей // Мир в зеркале международной миграции. Научная серия «Международная миграция населения: Россия и современный мир» / гл. ред. В. А. Ионцев. – Москва: МАКС-Пресс, 2002. – Вып. 10. – С. 161–174.
54. Матузкова, Е. П. Культурная идентичность: к определению понятия / Е. П. Матузкова // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. – 2014. – Вып. 2. – С. 62–68.
55. Методология и методы изучения миграционных процессов: междисциплинарное учеб. пособие / под ред. Ж. Зайончковской, И. Молодиковой, В. Мукомеля. – Москва, 2007. – 370 с.
56. Миграционные процессы в Евросоюзе: современные проблемы и вызовы / под ред. О. Е. Трофимовой. – Москва: ИМЭМО РАН, 2019. – 211 с.

57. Миграция сельского населения / Под редакцией члена-корреспондента АН СССР Т. И. Заславской. – М., «Мысль», 1970. – 348 с.

58. Митина, О. В. Семантическое пространство восприятия стран мира: универсальность категориальной структуры оценок и зависимость этих оценок от места проживания: результаты психосемантического исследования китайских студентов, обучающихся в разных странах / О. В. Митина, В. Ф. Петренко, Ван Ли // Глобалистика-2020: Глобальные проблемы и будущее человечества: материалы VI Междунар. науч. конгресса (20–24 октября 2020 г.) / под ред. И. В. Ильина. – Москва: МГУ им. М. В. Ломоносова, 2020. – Т. 2, ч. 2. – С. 64–66.

59. Михайлова, Н. В. Школа социальной успешности / Н. В. Михайлова // Вестник кафедры географии ВСГАО. – 2012. – № 1–4. – С. 54–58.

60. Моисеенко, В. М. Территориальное движение населения. Характеристика и проблемы управления / В. М. Моисеенко. – Москва: Мысль, 1985. – 120 с.

61. Морозова, В. С. Специфика культурной политики России и Китая в социокультурном пространстве приграничного взаимодействия и выработка новых моделей соразвития в контексте стратегического партнерства / В. С. Морозова // Россия и Китай: проблемы стратегического взаимодействия: сборник Восточного центра. – 2016. – Вып. 18. – С. 86–91.

62. Мукомель, В. Миграционная политика в России / В. Мукомель. – Москва: Диполь-Т, 2005. – 350 с.

63. Мультикультурализм и трансформация постсоветских обществ / под ред. В. С. Малахова, В. А. Тишкова. – Москва, 2002. – 354 с.

64. Наумова, Н. Ф. Жизненная стратегия человека в переходном обществе / Н. Ф. Наумова // Социологический журнал. – 1995. – № 2. – С. 5–22.

65. Нин, Яньхун. Проблемы экономической и культурной деятельности эмигрантов из КНР на востоке России в советский и

постсоветские периоды истории России / Нин Яньхун, Ван Вэй // Проблемы Дальнего Востока. – 2022. – № 3. – С. 72–81.

66. Островская, Е. А. Транснациональные пространства глобальных межкультурных взаимодействий: методология социологического изучения / Е. А. Островская // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2013. – № 2. – С. 166–188.

67. Очиров, О. Р. Современная деловая культура Китая: сущность и специфика: на примере стратагемности: дис. ... канд культурологии: 24.00.01 / О. Р. Очиров. – Чита, 2006. – 194 с.

68. Пай, Л. «Азиатские ценности»: от динамо к домино? / Пай Л. // Культура имеет значение. Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу / под ред. Л. Харрисона, С. Хантингтона. – Москва: Моск. школа политических исследований, 2002. – С. 211–226.

69. Парсонс, Т. О структуре социального действия / Т. Парсонс. – Москва: Академический Проект, 2000. – 880 с.

70. Перкинс, Д. Законность, семейственность и азиатский способ ведения бизнеса / Д. Перкинс // Культура имеет значение. Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу / под ред. Л. Харрисона, С. Хантингтона. – Москва: Моск. школа политических исследований, 2002. – С. 197–211.

71. Петров, В. Н. Социальная идентичность в условиях транснациональной миграции: теоретические конструкции социологического исследования / В. Н. Петров, М. И. Заславская, В. Н. Ракачев, Я. В. Ракачева // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия «Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология». – 2022. – Вып. 1. – С. 112–131.

72. Поворознюк, О. А. Социальная успешность школьников как результат профилактики их виктимности / О. А. Поворознюк // Вопросы воспитания и обучения. Сибирский педагогический журнал. – 2014. – № 3. – С. 8–13.

73. Полани, М. Личностное знание / М. Полани. – Москва: Прогресс, 1985. – 344 с.
74. Портер, М. Установки, ценности, убеждения и микроэкономика процветания / М. Портер // Культура имеет значение. Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу / под ред. Л. Харрисона, С. Хантингтона. – Москва: Моск. школа политических исследований, 2002. – С. 49–68.
75. Портяков, В. Российский вектор в глобальной китайской миграции / В. Портяков // Проблемы Дальнего Востока. – 2006. – № 2. – С. 10–21.
76. Рыбаковский, Л. Л. История и теория миграции населения. Кн. 2: Миграция населения: явление, понятие, детерминанты / Л. Л. Рыбаковский. – Москва: ЭконИнформ, 2017. – 234 с.
77. Рыбаковский, Л. Л. Факторы и причины миграции населения, механизм их взаимосвязи / Л. Л. Рыбаковский // Народонаселение. – 2017. – Т. 20, № 2. – С. 51–61.
78. Рыбаковский, Л. Л. Функции и последствия миграционных процессов / Л. Л. Рыбаковский // Социологические исследования. – 2017. – № 10. – С. 56–63.
79. Рязанцев, В. С. Китайская миграция в Россию: тенденции и подходы к регулированию / В. С. Рязанцев // Вестник Академии экономической безопасности МВД России. – 2014. – № 4. – С. 86–89.
80. Савоскул, М. С. Обзор теорий международной миграции населения во второй половине XX века / М. С. Савоскул // Региональные исследования. – 2015. – № 4. – С. 56–65.
81. Савоскул, М. С. Стратегии адаптации этнических мигрантов в локальных сообществах / М. С. Савоскул // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2011. – № 5. – С. 103–112.

82. Саманчина, Ж. Б. Обзор классических и современных западных теорий миграции / Ж. Б. Саманчина // Известия вузов. – 2012. – № 6. – С. 207–211.
83. Саркисян, Л. Ю., Шаренкова, Т. А. Проблемы рынка труда КНР / Л. Ю. Саркисян, Т. А. Шаренкова // Российско-китайские исследования. – 2019. – Т. 3. – № 2. – С. 53–63.
84. Сачкова, А. С. Сравнительный анализ социальной успешности молодежи в разных социальных группах / А. С. Сачкова // Инновационный потенциал молодежи: информационная, социальная и экономическая безопасность: материалы междунар. молодежной науч.-исслед. конф. / под ред. А. В. Пономарева. – Екатеринбург, 2017. – С. 383–388.
85. Сердюков, К. Н. Жизненные стратегии иностранных трудовых мигрантов (на материалах Приморского края): дис. ... канд. социол. наук: 5.4.4 / К. Н. Сердюков. – Владивосток, 2022. – 207 с.
86. Серякова, С. Б. Успешность деятельности специалиста социальной сферы как фактор формирования социально-педагогической компетентности / С. Б. Серякова, Е. А. Леванова, Т. В. Пушкарева, Я. А. Баскакова // Социосфера.– 2017. – № 3.– С. 60–66.
87. Слободчикова, Д. В. Миграция населения: теоретические аспекты / Д. В. Слободчикова, Г. Н. Строева // Ученые заметки ТОГУ. – 2016. – Т. 7, № 4. – С. 900–907.
88. Сокулер, З. А. Проблема «следования правилу» в философии Людвиг Витгенштейна и её значение для современной философии математики / З. А. Сокулер // Философские идеи Людвиг Витгенштейна / под ред. М. С. Козловой. – Москва: Ин-т философии РАН, 1996. 169 с.
89. Теннис, Ф. Общность и общество: основные понятия чистой социологии / Ф. Теннис; пер. с нем. Д. В. Складнева. – Москва: Фонд Университет; Санкт-Петербург: Владимир Даль, 2002. – 450 с.
90. Терелянская, И. В. Концепт понятия «социальная успешность» в социально-психологическом и историческом контекстах / И. В. Терелянская

// Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 11: Естественные науки. – 2015. – № 4. – С. 90–97.

91. Тишков, В. А. Исторический феномен диаспоры: слабости традиционного подхода / В. А. Тишков // Этнографическое обозрение. – 2000. – № 2. – С. 43–62.

92. Тишков, В. А. Увлечение диаспорой. О политических смыслах диаспорального дискурса / В. А. Тишков // Диаспора. – 2003. – № 2. – С. 49–75.

93. Тишков, В. А. Нация наций: о подходах к пониманию России / В. А. Тишков. – Москва: ИЭА РАН, 2023. – 69 с.

94. Толочек, В. А. Условия социальной среды как факторы социальной успешности субъекта / В. А. Толочек // Психология. Журнал Высшей школы экономики. – 2023. – Т. 20, № 1. – С. 129–150.

95. Толочек, В. А. Условия социальной среды, ресурсы и социальная успешность субъектов: открытые вопросы / В. А. Толочек // Психологический журнал. – 2022. – Т. 43, № 4. – С. 36–47.

96. Троянская, М. А. Миграция населения: понятие, виды и значение для территорий / М. А. Троянская // Азимут научных исследований: экономика и управление. – 2021. – Т. 10, № 2. – С. 356–360.

97. Тужба, Э. Н. Социальная адаптация мигрантов: теоретическая модель анализа / Э. Н. Тужба, В. Н. Муха // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2019. – № 12. – С. 137–140.

98. Фромм, Э. Человек для самого себя / Э. Фромм. – Москва: АСТ, 2009. – 118 с.

99. Фукуяма, Ф. Социальный капитал / Ф. Фукуяма // Культура имеет значение. Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу / под ред. Л. Харрисона, С. Хантингтона. – Москва: Моск. школа политических исследований, 2002. – С. 123–141.

100. Фэйрбенкс, М. Преобразуя сознание нации: о ступенях, ведущих к процветанию / М. Фэйрбенкс // Культура имеет значение. Каким образом

ценности способствуют общественному прогрессу / под ред. Л. Харрисона, С. Хантингтона. – Москва: Моск. школа политических исследований, 2002. – С. 240–259.

101. Хайдеггер, М. Бытие и время / М. Хайдеггер; пер. с нем. В. В. Бибихина. – Москва: Академический Проект, 2013. – 447 с.

102. Харрисон, Л. Способствуя прогрессивным преобразованиям в культуре / Л. Харрисон // Культура имеет значение. Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу / под ред. Л. Харрисона, С. Хантингтона. – Москва: Моск. школа политических исследований, 2002. – С. 276–290.

103. Хоффман, Б. Мотивация к обучению и производительность / Б. Хоффман. – Амстердам; Бостон; Париж: Эльзевир, 2015. – 410 с.

104. Худякова, Н. Л. Потребности человека и личностные ценности как социокультурная форма их существования / Н. Л. Худякова // Вестник Челябинского государственного университета. – 2020. – № 4. – С. 36–47.

105. Хунмэй, Ян. Миграция из Китая и китайская диаспора / Хунмэй Ян // Международная экономика. – 2008. – № 3. – С. 61–65.

106. Цзоу, Хун. Влияние традиционной культуры Китая на современное общество / Цзоу Хун // Гуманитарный вектор. – 2009. – № 4. – С. 92–97.

107. Чжоу, В. Проблема социальной адаптации китайцев на Дальнем Востоке России / В. Чжоу // Социально-политические науки. – 2019. – № 5. – С. 52–55.

108. Чижков, Н. С. Особенности культурного взаимодействия русского и китайского населения в Харбине век глобализации / Н. С. Чижков // Век глобализации. – 2020. – № 3. – С. 135–141.

109. Шаренкова, Т. А., Никитина, М. В. Особенности китайского маркетинга и китайских потребителей в современных условиях / Т. А. Шаренкова, Никитина, М. В. // Российско-китайские исследования. – 2019. – Т. 3. – № 1. – С. 68–74.

110. Шаренкова, Т. А., Никитина, М. В. Особенности китайского маркетинга и китайских потребителей в современных условиях / Шаренкова Т. А., Никитина М. В. // Российско-китайские исследования. – 2019. – Т. 3. – № 1. – С. 68–74.

111. Шибутани, Т. Социальная психология / Т. Шибутани; пер. с англ. В. Большанского. – Ростов-на-Дону: Феникс, 1998. – 544 с.

112. Шматко, Н. А. На пути к практической теории практики. Послесловие / Н. А. Шматко // Практический смысл / П. Бурдьё; пер. с фр. А. Т. Бикбов [и др.]; отв. ред. пер. и послесл. Н. А. Шматко. – Санкт-Петербург: Алетейя, 2001. – 562 с.

113. Щепаньский, Я. Элементарные понятия социологии / Я. Щепаньский. – Москва: Прогресс, 1969. – 240 с.

114. Эндрюшко, А. А. Теоретические подходы к изучению адаптации мигрантов в принимающем обществе: зарубежный опыт / А. А. Эндрюшко // Вестник Института социологии. – 2017. – Т. 8, № 4. – С. 46–65.

115. Юдина, Т. Н. Миграционные процессы: теория, методология и практика социологического исследования: автореф. ... д-ра социол. наук: 22.00.01 / Т. Н. Юдина. – Москва, 2004. – 45 с.

116. Юдина, Т. Н. Социология миграции: основные вехи становления и развития / Т. Н. Юдина // Социальная политика и социология. – 2014. – Т. 2, № 4. – С. 227–247.

Англоязычные источники

117. Atkinson, J. A Theory of Achievement Motivation Huntington / J. Atkinson, W. John. – New York: RE Krieger Pub. Co, 1974. – 393 p.

118. Barnes, J. A. Class and Committees in Norwegian Island Parish / J. A. Barnes // Human Relations. – New York: Hafner Press, 1975. P. 39–58.

119. Berry, J. W. Conceptual Approaches to Acculturation / J. W. Berry // *Acculturation: Advanced in Theory, Measurement, and Applied Research* / ed. by K. M. Chun, P. B. Organista, G. Martin. – Washington DC: APA, 2006. – 291 p.
120. Cohen, S. Positive Events and Social Supports as Buffers of Life Change Stress / S. Cohen, H. M. Hoberman // *Journal of Applied Social Psychology*. – 1983. – No. 13. – P. 99–125.
121. Gordon, M. M. Assimilation in American Life. The Role of Race, Religion and National Origin / M. M. Gordon. – New York: Oxford University Press, 1964. – 288 p.
122. Ip, D. Concepts of Citizenship and Identity among Recent Asian Immigrants in Australia / D. Ip, C. Inglis, C. T. Wu // *Asian and Pacific Migration Journal*. – 1997. – No. 3/4. – P. 363–384.
123. Esser, H. Does the “New” Immigration Require a “New” Theory of Intergenerational Integration? / H. Esser // *International Migration Review*. – 2004. – No. 38. – P. 1126–1159.
124. Faist, T. Transnationalism / T. Faist // *Routledge International Handbook of Migration Studies* / eds. S. J. Gold, S. J. Nawin. – L.: Routledge, 2013. – P. 449–459.
125. Faist, T. Transnationalization in International Migration: Implications for the Study of Citizenship and Culture / T. Faist // *Ethnic and Racial Studies*. – 2000. – Vol. 23, no. 2. – P. 194–196.
126. Fleming, J. The Motive to Avoid Success / J. Fleming, M. Horner // *Motivation and Personality: Handbook of Thematic Content Analysis*. – New York, 1992. – P. 190–204.
127. Heckmann, F. Integration von Migranten. Einwanderung und neue Nationenbildung / F. Heckmann. – Heidelberg: Springer VS, 2015. – 309 p.
128. Indicators of Immigrant Integration 2015. – Текст: электронный // OECD: Official Website. – URL: <https://www.oecd.org/els/mig/indicator-sofimmigrantintegration.htm> (дата обращения: 13.07.2023).

129. Inkeles, A. *One World Emerging? Convergence and Divergence in Industrial Societies* / A. Inkeles. – Boulder, CO: Westview, 1998. – 423 p.
130. Searle, J. *The Construction of Social Reality* / J. Searle. – New York: Allen Lane, 1995. – 241 p.
131. Lee, E. S. *A Theory of Migration* / E. S. Lee // *Demography*. – 1966. – No. 3. – P. 47–57.
132. Liu, G. *The Right to Leave and Return and Chinese Migration Law* / G. Liu. – Leiden [The Netherlands]: Martinus Nijhoff Publishers, 2007. – 428 p.
133. McClelland, D. C. *Human motivation* / D. C. McClelland. – Cambridge: Cambridge University Press, 1987. – 669 p.
134. *Migration Theory: Talking across disciplines*. – New York: Routledge, 2000. – 392 p.
135. Park, P. *Race and Culture* / P. Park. – Glencoe: Free Press, 1950. – 456 p.
136. Piore, M. *Unemployment and Inflation: Institutional and Structuralist Views* / M. Piore. – New York: Sharpe Press, 1979. – 256 p.
137. Portes, A. *The New Second Generation: Segmented Assimilation and Its Variants* / A. Portes, M. Zhou // *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*. – 1993. – Vol. 530. – P. 74–98.
138. Smith, R. *Transnational Migration, Assimilation, and Political Community* / R. Smith // *The City and the World: New York's Global Future* / eds. M. E. Crahan, A. Vourvoulias-Bush. – New York: Council on Foreign Relations, 1997. – P. 1123.
139. Stark, O. *Tales of Migration without Wage Differentials: Individual, Family and Community Contexts: ZEF Discussion Paper on Development Policy No. 73* / O. Stark. – Bonn: University of Bonn. Center for Development research, 2003. – 15 p.
140. Stark, O. *The Migration of Labour* / O. Stark. – Oxford: Blackwell, 1991. – 406 p.

141. Thomas, W. I. The Polish Peasant in Europe and America: A Classic Work on Immigration History / W. I. Thomas, F. Znaniecki. – Urbana: University of Illinois Press, 1996. – 129 p.

142. Weiner, B. An Attributional Theory of Motivation and Emotion / B. Weiner. – New York: Springer-Verlag., 1986. – 304 p.

Электронные источники

143. Абрамова, Н. А. «Новая полиэтничность» как проявление межкультурного дискурса в приграничном социокультурном пространстве КНР / Н. А. Абрамова, Чжоу Юй. // Актуальные проблемы развития КНР в процессе её регионализации и глобализации: материалы VIII Междунар. науч.-практ. конф. – Чита: ЗабГУ, 2016. – С. 9–13. – . [Электронный ресурс] – URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_25847756_51427743 (дата обращения: 05.12.2023).

144. Альтнер, Б. «Век мигрантов» / Б. Альтнер. – . [Электронный ресурс] – URL: <http://www.rosbalt.ru/main/2006/06/28/258300.html> (дата обращения: 04.09.2023).

145. Архитектор из КНР в России построил «Азию» и полюбил котлеты. – . [Электронный ресурс] – URL: https://ria.ru/20151126/1328993151.html?ysclid=ltb7f0ziru_978132455 (дата обращения: 11.08.2023).

146. Беликов, В. И. Отзыв о статье Ян Цзе «Забайкальско-маньчжурский препиджин: опыт социолингвистического описания» / В. И. Беликов. // Форум «Восточное полушарие». – 2008. – . [Электронный ресурс] – URL: <http://www.polusharie.com/index.php?topic=99606.0> (дата обращения: 17.07.2022).

147. Бляхер, Л. Е. Трансграничные миграции на Дальнем Востоке: «русские там» / Л. Е. Бляхер. // Пути России. Война и мир: сб. ст. (Москва, 27–28 марта 2015 г.). – Москва: ООО «Нестор-История», 2017. – С. 221–228. – . [Электронный ресурс] – URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_30617828_30770699.pdf (дата обращения: 12.07.2023).

148. Бляхер Л. Е. Вглядываясь в зеркала: смысловые трансформации образа Китая в российском социум / Л. Е. Бляхер, К. В. Григоричев. // Полития: Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики). – 2015. – № 1. – С. 24-38. – . [Электронный ресурс] – URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_28104642_83966500.pdf (дата обращения 15.10.2022).

149. Боженкова, Р. К. К вопросу о межкультурной адаптации китайских студентов в филологических вузах Российской Федерации / Р. К. Боженкова, Г. Н. Майерс. // Известия ЮЗГУ. Серия «Лингвистика и педагогика». – 2011. – № 2. – С. 57–60. – . [Электронный ресурс] – URL: https://www.swsu.ru/izvestiya/serieslingva/archiv/2_2011lin.pdf#page=57 (дата обращения: 09.12.2023).

150. Бойко, И. В. Учёт социокультурных различий при организации учебного процесса для китайских студентов / И. В. Бойко, Ц. Гао. // Педагогический Имидж. – 2020. – Т. 14, № 4. – С. 536–544. – . [Электронный ресурс] – URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_44746041_72672555 (дата обращения: 25.07.2023).

151. Бойко, С. В. Формирование духовного мира билингва: философский и социокультурный аспекты / И. В. Бойко, А. А. Фомичева. // Современные проблемы науки и образования. – 2014. – № 4. – . [Электронный ресурс] – URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_22285898_26557443 (дата обращения: 20.07.2023).

152. Бородина, В. В России растет спрос на специалистов со знанием китайского языка / В. В. Бородина. – [Электронный ресурс] – URL: <https://www.vedomosti.ru/management/articles/2022/05/24/923463-spros-spetsialistov-kitaiskogo>(дата обращения: 16.09.2023).

153. Воног, В. В. Межкультурная коммуникация русского населения Сибири и китайской диаспоры: монография / В. В. Воног. – 105 с. – .

[Электронный ресурс] – URL: <https://www.litmir.me/br/?b=638814&p=1> (дата обращения: 13.06.2023).

154. Гао, Цзин. Межкультурное иноязычное образование в зеркале русской и китайской культур / Гао Цзин. // Актуальные проблемы социально-гуманитарного знания: сб. ст. (с междунар. участием). – Москва: Перо, 2021. – С. 35–40. – . [Электронный ресурс] – URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_44627400_99218270.pdf (дата обращения: 13.06.2023).

155. Гао, Цзин. Развитие способности студентов к межкультурному общению / Гао Цзин. // Вестник современной науки. – 2021. – № 1. – С. 72–80. – [Электронный ресурс] – URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_46668689_25616738.pdf (дата обращения: 13.06.2023).

156. Глаголев, В. С. Своеобразие коммуникации россиян с дальневосточными партнерами / В. С. Глаголев. // О России с любовью. Лики России. Материалы II международного межвузовского форума. 2017. С. 324–331. – . [Электронный ресурс] – URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_35008051_31693551.pdf (дата обращения: 14.10.2023).

157. Генсек ООН: Миграционного кризиса не существует, существует кризис солидарности. – . [Электронный ресурс] – URL: <https://asiaplustj.info/ru/news/world/20221217/gensek-oon-migratsionnogo-krizisa-ne-sutshestvuet-sutshestvuet-krizis-solidarnosti?ysclid=lm77qzo89f760484472> (дата обращения: 04.09.2023).

Госхоз Хунхэ из провинции Хэйлунцзян: экспериментальный посев заливного риса в России. – . [Электронный ресурс] – URL: <https://russian.dbw.cn/system/2007/12/04/000029434.shtml> (дата обращения: 16.09.2023).

158. Добрынина, М. И. Китайская миграция в условиях модернизации: российский вектор / М. И. Добрынина. // Вестник Забайкальского государственного университета. – 2023. Т. 29, № 1. – С. 149–157. – . [Электронный ресурс] – URL:

https://elibrary.ru/download/elibrary_50465091_86287362.pdf(дата обращения: 16.09.2023).

159. Ерофеева, Е. В. Влияние факторов «изучение языка» и «пребывание в стране» на стереотипные представления об интеллекте у китайцев и русских относительно друг друга / Е. В. Ерофеева, Чэнь Яо. // Евразийский гуманитарный журнал. – 2022. – № 2. – С. 25–37. – . [Электронный ресурс] – URL:https://elibrary.ru/download/elibrary_48434816_84539163.pdf(дата обращения: 16.10.2023).

160. Жилина, Л. Н. Особенности развития приграничного сотрудничества России и Китая / Л. Н. Жилина. // Азимут научных исследований: экономика и управление. – 2016. – Т. 5, № 4. – С. 159–163. – . [Электронный ресурс] – URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_28383469_40338418.pdf(дата обращения: 16.10.2023).

161. Журбина, Н. Е., Завалина Е.И. Структура и динамика миграционных потоков из Китая в Россию (в 2019 и 2022 гг.) / Н. Е. Журбина, Е. И. Завалина. // Проблемы социальных и гуманитарных наук. – 2023. – № 3. – С. 160–167. – . [Электронный ресурс] – URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_54800318_93623483.pdf (дата обращения: 16.10.2023).

162. За прошедший год число студентов из Китая в российских вузах увеличилось на 10 %. – [Электронный ресурс] – URL: <https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/mezhdunarodnoe-sotrudnichestvo/51810> (дата обращения: 11.12.2023).

163. Китайская торговая палата в России кроме своего основного предназначения занимается благотворительностью. – [Электронный ресурс] – URL: <https://russian.dbw.cn/system/2007/05/25/000014786.shtml?ysclid=ltbelupx2y686709314> (дата обращения: 19.12.2023).

164. Клелланд, М. Мотивация человека / М. Клелланд. – Санкт-Петербург: Питер. – 667 с. [Электронный ресурс] – URL: https://www.phantastike.com/motivation/chelovecheskaya_motivatciya/djvu/view (дата обращения: 11.09.2023).

165. Конституция КНР от 04.12.1982 // Законодательство Китая. – . [Электронный ресурс] – URL: http://chinalawinfo.ru/constitutional_law/constitution (дата обращения: 16.09.2023).

166. Концевая, В. А. Особенности китайской миграции на территорию Сибири во второй половине XIX – начале XX в. / В. А. Концевая, Т. А. Шеметова. // Педагогическое образование на Алтае. – 2022. – № 1. – С. 55–58. – [Электронный ресурс] – URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_49219197_85599343.pdf (дата обращения: 11.09.2023).

167. Лексютина, Я. В. Мониторинг китайской миграции в Россию в 2016–2020 гг.) (анализ официальных статистических данных) / Я. В. Лексютина. // Народонаселение Сибири и Дальнего Востока: проблемы сбережения и развития: материалы XIII Междунар. науч. конф. / науч. ред. К. А. Багаева. – Улан-Удэ, 2021. – С. 153–158. – [Электронный ресурс] – https://elibrary.ru/download/elibrary_46519902_55976083.pdf (дата обращения: 16.09.2023).

168. Международная миграция и развитие. Генеральная Ассамблея ООН. Доклад эксперта, 2016. – . [Электронный ресурс] – URL: https://evolutio.info/images/pdf/UN_Documents/GA_resolutions/71session/a_res_71_237.pdf (дата обращения: 13.05.2023)..

169. Миграционные установки китайских студентов / Е. Ю. Кошелева, Е. И. Самофалова, И. Я. Пак [и др.]. // Международный журнал экспериментального образования. – 2015. – № 6. – С. 14–16. [Электронный

ресурс] – URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_23457016_44796121.pdf (дата обращения: 13.05.2023).

170. Научные достижения китайских студентов-магистрантов. – . [Электронный ресурс] – URL:<https://mpgu.su/novosti/dostizhenija-kitajskih-magistrantov> (дата обращения: 11.12.2023).

171. Нурдинова, К. Х. Фактор миграции в кыргызско-китайских отношениях / К. Х. Нурдинова, Сюй Ч., А. К. Ташыбаева. // Modern Science. – 2022. – № 5-4. – С. 174–179. . [Электронный ресурс] – URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_48566013_27307259.pdf (дата обращения: 11.07.2023).

172. Почему в Россию едут на заработки? – . [Электронный ресурс] – URL: <https://media-mig.ru/industry/pochemu-v-rossiyu-edut-na-zarabotki-zhiteli-podneb> (дата обращения: 10.12.2023)..

173. Салтыкова, А. Э. Условия открытия бизнеса в Китае и России иностранными гражданами / А. Э. Салтыкова. // Экономика и управление: проблемы, решения. – 2023. – Т. 3, № 8. – С. 79–89. . [Электронный ресурс] – URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_54605678_82325417.pdf (дата обращения: 12.05.2023).

174. Стёпин, В. С. Глобализация и диалог культур: проблема ценностей / В. С. Степин. // Век глобализации. – 2011. – № 2. – С. 8-18. . [Электронный ресурс] – URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_16950541_91066415.pdf (дата обращения: 22.05.2022).

175. Стёпин, В. С. Цивилизация в эпоху перемен: поиск новых стратегий развития / В. С. Стёпин. // Журнал Белорусского государственного университета. Социология. – 2017. – № 3. – С. 6–11. . [Электронный ресурс] – URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_36665773_51457955.pdf (дата обращения: 27.07.2022).

176. Сяоин, Лю Особенности образовательной миграции китайской молодежи / Сяоин Лю, А. А. Абжаппарова. // Вестник Евразийского национального университета им. Л. Н. Гумилева. Серия «Политические

науки. Регионоведение. Востоковедение. Тюркология». – 2021. – № 2. – С. 38–50. . [Электронный ресурс] – URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_46333791_36035897.pdf (дата обращения: 12.07.2023).

177. Шелер, М. Человек и история / М. Шелер. // THESIS. – 1993. – Вып. 3. – С. 132-154 . [Электронный ресурс] – URL: https://igiti.hse.ru/data/987/313/1234/3_3_1Schel.pdf (дата обращения: 15.08.2023).

Источники на китайском языке

178. Ван, Люфэй Социальное сравнение, атрибуция достижений и чувство социального конфликта / Ван Люфэй // Социальные науки. – 2015. – № 6. – С. 86–93. = 王刘飞.社会比较、成就归因与社会冲突感// 社会科学.2015.(06). 86–93 页(На китайском яз.)

179. Ван, Сяолэй Как субъективный социально-экономический статус влияет на атрибуцию социальных успешностей? –Анализ опосредующих эффектов на основе чувства социальной справедливости / Ван Сяолэй // Социальные науки в Пекине. – 2018. – № 5. – С. 95–104. = 王晓磊.主观社会经济地位如何影响社会成就归因?—基于社会公平感的中介效应分析//北京社会科学.2018.(05). 95–104 页 (На китайском яз.)

180. Ван, Цзюнь Практическое значение и теоретическая ценность «миграционной политики для развития» / Ван Цзюнь // Новые горизонты. – 2003. – № 4. – С. 68–69 = 王骏. “开发性移民方针”提出的实践意义和理论价值 // 新视野. 2003. (04). (На китайском яз.)

181. Го Вэнь Хэйлунцзян: бэйдахуанцы арендуют «образцовые поля» за рубежом // Современные овощи. – 2004. – № 8. – С. 45 = 国文.黑龙江：北大荒人国外租种“样板田”//当代蔬菜. 2004年.第 8 期.45 页 (На китайском яз.)

182. Гао, Сяоцзе Транснациональная иммиграция: исследование цинтянь из заморских китайских поселков / Гао Сяоцзе, У Юсинь //

Социология. – 2002. – № 11. – С. 4–9 = 高晓, 吴玉鑫. 跨国移民——来自侨乡青田的研究报告 // 社会. 2002. (11).4-9 页 (На китайском яз.)

183. Жэнь Гуйсян Зарубежные китайцы и реформа и открытость Китая. – Пекин: Изд-во истории Коммунистической партии Китая, 2009. – 622 с. = 任贵祥. 海外华侨华人与中国改革开放. 北京: 中共党史出版社, 2009 年. 622 页. (На китайском яз.)

184. Зарубежный член Ляонинской ассоциации зарубежных китайцев, Дальневосточной китайской торгово-промышленной палаты России: Борьба президента Сунь Лэя с «эпидемией» показывает глубокую любовь его сына // Сад мигрантов. – 2020. – № 6. – С. 29. = 辽宁省侨联海外委员、俄罗斯远东华人工商联合会: 会长孙雷战“疫”展示赤子深情 // 侨园. 2020.(06).29 页 (На китайском яз.)

185. Инь, Чжиго Исследование взаимосвязи между эмоциональным интеллектом, академической успеваемостью и социальными достижениями у студентов вузов / Инь Чжиго, Чэнь Цюань // Образование и карьера. – 2012. – № 35. – С. 83–85. = 尹志国, 陈权. 对大学生情绪智力、学业成绩和社会成就关系的探究 // 教育与职业. 2012.(35).83-85 页 (На китайском яз.)

186. Ли, Да Эмпирическое исследование атрибуции социальных достижений среди городских жителей в Китае --Город Личуань, провинция Хубэй, в качестве примера/ Ли Да // Журнал Хуачжунского сельскохозяйственного университета (издание по общественным наукам). – 2011. – № 5. – С. 127–131. = 李达. 我国城镇居民社会成就归因实证研究—以湖北省利川市为例 // 武汉大学社会学系. 2011.(05).127-131 页 (На китайском яз.)

187. Ли, Ипэн Единство дихотомии между «принципом социальной успешности» и «принципом индивидуального наслаждения» в глубинной

структуре национальной культуры – размышления о строительстве новой социалистической культуры с точки зрения глубоких структурных различий между китайской и западной национальными культурами / Ли Ипэн // Теория и реформа. – 2004. – № 4. – С. 102–105. = 李宜蓬. 民族文化深层结构中“社会成就原则”与“个体享乐原则”的对立统一——从中西民族文化深层结构差异视角对社会主义新文化建设的思考//理论与改革. 2008.(04).102-105 页 (На китайском яз.)

188. Ли, Цзя Урбанизация и внутренняя миграция: теория и проблемы исследования / Ли Цзя, Лю Цзинмин, Чжэн Лу. – Пекин: Изд-во литературы по общественным наукам, 2015. –340 с. = 李强, 刘精明, 郑路. 城镇化与国内移民: 理论与研究议题. 北京: 社会科学文献出版社, 2015 年. 340 页 (На китайском яз.)

189. Ло, Цзядэ Влияние социального капитала на атрибуцию социальных успешностей – пример анализа данных сельских жителей в пострадавших от землетрясения районах / Цзядэ Луо, Яци Цзо // Социальные науки Цзянсу. – 2015. – № 5. – С. 21–29. = 罗家德. 邹亚琦. 社会资本对社会成就归因的影响——以地震灾区农村居民数据分析为例//江苏社会科学. 2015.(05).21-29 页 (На китайском яз.)

190. Лу, Сяохэ От Билла Гейтса до Уоррена Баффета – размышления об успешном взгляде на финансовый кризис в США / Сяохэ Лу // Этика и цивилизация. – 2010. – № 2. – С. 22–25. = 陆晓禾. 从比尔·盖茨到巴菲特——对美国金融危机的成功观反思//道德与文明. 2010.(02).22-25 页 (На китайском яз.)

191. Лу, Цзяньлань Исследование мотивации успешности и связанных с ней факторов среди учащихся младших классов школ Хань, Чжуан и Маонань: магистерская диссертация / Цзяньлань Лу. – Шанхай: Вост.-Кит.

нормальный ун-т, 2007. – 59 с. = 陆建兰. 汉族、壮族和毛南族初中生成就动机及相关因素研究//华东师范大学. 硕士学位论文. 上海, 2007 年. 59 页 (На китайском яз.)

192. Лу, Яньцзюнь Общество нуждается в разнообразных представлениях об успешности / Яньцзюнь Лу // Новости науки Китая (Центральный). – 2012. – № 1, вып. 006. = 卢艳君. 社会需要多元化的成功观//中国科学报(中央级). 2012.(01).第 006 版 (На китайском яз.)

193. Лю, Цзунби Сравнение традиционных китайских и западных взглядов на успешность и их социальное влияние / Лю Цзунби // Хуланский педагогический колледж. – 1998. – № 1. – С. 28–34 = 刘宗碧. 中西传统成就观及其社会影响的比较//呼兰师专. 1998 年. (01). 28–34 页 (На китайском яз.)

194. Лян, Цичао Избранные произведения Лян Цичао. Персонажи переходной эпохи и их необходимые добродетели / Лян Цичао. – Шанхай: Шанхайское народное изд-во, 1984. – 128 с. = 梁启超. 梁启超选集. 过渡时代之人物与其必要之德性. 上海: 上海人民出版社, 1984 年. 128 页 (На китайском яз.)

195. Си, Лу Предшествующие переменные и механизмы их влияния на ясность представлений о карьерном успехе – перспектива социально-когнитивной теории карьеры (СККТ) / Си Лу, Чжоу Вэнься, Тан Фанчэн // Управление экономикой. – 2019. – № 4. – С. 127–141 = 辛璐,周文霞,唐方成. 职业成功观清晰度的前因变量及其作用机制—社会认知生涯理论(SCCT)视角//经济管理. 2019 年. 第 4 期. 127–141 页 = (На китайском яз.)

196. Синь, Лу Антецедентные переменные и их механизмы ясности карьерного успеха – перспектива социально-когнитивной теории карьеры (SCCT) / Лу Синь, Вэнься Чжоу, Фанчэн Тан // Экономический менеджмент. – 2019. – № 4. – С. 127–141. = 辛璐, 周文霞, 唐方成. 职业成功观清晰度的前

因变量及其作用机制——社会认知生涯理论(SCCT)视角 // 经济管理. 2019.(04).127–141 页 (На китайском яз.)

197. Сунь, Цзин Теория успеха китайской философии / Сунь Цзин, Чжан Сяньхао // Сюэхай. – 2011. – № 5. – С. 183–186 = 孙婧, 张祥浩. 中国哲学的成功论 // 学海. 2011 年. (5) . 183–186 页 . (На китайском яз.)

198. Су, Ши Мнения о Сунь У / Су Ши. – Пекин: Гос. кн. компания КНР, 1986. – 145 с. = 苏轼. 苏武文集·孙武论.北京: 中华书局, 1986 年. 145 页 (На китайском яз.)

199. Сю, Цзиньдин Предварительное исследование двух волн иммиграции в современных заморских китайских поселках Фуцин / Сю Цзиньдин // Журнал университета Хуацяо (издание по философии и социальным наукам). – 2004. – № 4. – С. 69–74.= 许金顶. 近现代福清侨乡两次移民浪潮初探 // 华侨大学学报 (哲学社会科学版) . 2004. (04). 69–74 页 (На китайском яз.)

200. Хуан, Жунлун Новые иммигранты из-за рубежа на материковой части Китая за последние десять лет / Хуан Жунлун, Бао Ситон, Лю Лин // Население и экономика. –1998. – № 1. – С. 19–29 = 黄润龙, 鲍思顿, 刘凌. 近十年我国大陆海外新移民 // 人口与经济. 1998. (01). 19–29 页 (На китайском яз.)

201. Цай, Дэци Новое развитие китайской диаспоры / Цай Дэци, Цзян Юнлян. – Ся Мэн: Изд-во Сямэньского ун-та, 2017. – 271 с. = 蔡德奇, 江永良. 华侨华人的新发展. 厦门: 厦门大学出版社, 2017 年. 271 页 (На китайском яз.)

202. Цай, Дэци Новое развитие китайской диаспоры / Цай Дэци, Цзян Юнлян. – Сямэнь: Издательство Сямэньского университета, 2001. – 271 с. = 蔡德奇, 江永良. 华侨华人的新发展. 厦门: 厦门大学出版社, 2001 年. 271 页. (На китайском яз.)

203. Цзэн, Гофань Полное собрание сочинений Цзэн Гофана / Цзэн Гофань. – Чанша: Книжный клуб «Юэлу», 1986. – 290 с. = 曾国藩.曾国藩全集. 长沙: 岳麓书友会, 1986年. 290页 (На китайском яз.)

204. Чжан, Инлун Хуацяо, зарубежные китайцы и новый Китай / Инлун Чжан. – Гуанчжоу: Изд-во Цзинаньского ун-та, 2009. – 402 с. = 张应龙. 华侨华人与新中国. 广州: 暨南大学出版社出版, 2009年. 402页 (На китайском яз.)

205. Чжан, Чэнфэн Социальная психология / Чэнфэн Чжан, Гуанхай Ма. – Цзинань: Шаньдунское народное изд-во, 2018. – 343 с. = 张承芬. 社会心理学. 济南: 山东人民出版社, 2018年. 343页 (На китайском яз.)

206. Чжао, Сюдун Актуальные проблемы и анализ образования о социальной успешности в обществе / Сюдун Чжао // Исследования по идеологической и политической работе. – 2011. – № 1. – С. 12–14. = 赵旭东. 当前社会成功教育的问题及分析// 思想政治工作研究. 2011. (01). 12–14页 (На китайском яз.)

207. Чжао, Хунин Размышления о некоторых проблемах новых иммигрантов в материковом Китае в последние 1–2 десятилетия / Чжао Хунин // Исторические исследования заморских китайцев и хауцяо. – 2000. – № 4. – С. 7–16. = 赵红英. 近一二十年来中国大陆新移民若干问题的思考 // 华侨华人历史研究. 2000. (04). 7–16页 (На китайском яз.)

208. Чжан, Чжичэн Обсуждение проблемы новых иммигрантов в Европе / Чжан Чжичэн // Журнал китайских мигрантов «Бакгуй». – 2002. – № 1. – С. 15–18 = 章志诚. 关于欧洲新移民问题的探讨 // 八桂侨刊. 2002. (01). 15–18页 (На китайском яз.)

209. Чжао, Сюдун Проблемы и анализ успешного образования в современном обществе / Чжао Сюдун // Исследования по идеологической и политической работе. – 2011. – № 1. – С. 12–14 = 赵旭东. 当前社会成功教育的

问题及分析// 思想政治工作研究. 2011年. 第01期. 12–14页 = (На китайском яз.)

210. Чжан, Чэнфэн Социальная психология /Чжан Чэнфэн, Ма Гуанхай. – Цзинань: Шаньдунское народное изд-во, 2018. – 343 с. = 张承芬, 马广海. 社会心理学. 济南: 山东人民出版社, 2018年. 343页 (На китайском яз.)

211. Чжуан, Готу Отношения между зарубежными китайцами и Китаем / Чжуан Готу. – Гуанчжоу: Гуандунское изд-во высшего образования, 2001. – 520 с. = 庄国土. 华侨华人与中国的关系. 广州: 广东高等教育出版社, 2011年. 520页 (На китайском яз.)

212. Чжэн, Аньвэнь Анализ патологической концепции успеха в современном китайском обществе / Чжэн Аньвэнь // Научная теория. – 2013. – № 21. – С. 102–104 + 126 郑安文. 当代中国社会病态成功观问题探析// 学理论. 2013年. 第21期. 102–104+126页 = (На китайском яз.)

213. Чу, Сян Выдающиеся китайцы на российском Дальнем Востоке / Чу Сян, Лю Вэйдун // Сибирские исследования. – 2007. – № 1. – С. 38–41. = 初祥, 刘伟东. 俄罗斯远东地区的知名华人// 西伯利亚研究. 2007年. (01). 38–41页 (На китайском яз.)

214. Чэн, Си Некоторые размышления о статусе и роли иностранных студентов в эпоху глобализации / Чэн Си // Развитие Китая. – 2002. – № 1. – С. 57–61. = 程希. 关于全球化时代留学人员地位和作用的若干思考 // 中国发展. 2002. (01). 55–61页 (На китайском яз.)

215. Чэнь, Юэ Введение в социологию / Чэнь Юэ, Тан Цзин. – Чэнду: Изд-во Юго-Западного транспортного ун-та, 2014. – 229 с. = 陈玥, 唐靖. 社会学概论. 成都: 西南交通大学出版社, 2014年. 229页 (На китайском яз.)

216. Чэнь, Яньдэ Исследование о религиозных организациях китайских мигрантов в Филиппинах / Чэнь Яньдэ // Исследование истории морского

транспорта. – 1996. – № 1. – С. 34–39. = 陈衍德. 试论菲律宾华人的宗教组织 // 海交史研究. 1996. (01). 34–39 页 (На китайском яз.)

217. Ши, Сюэцинъ Новые иммигранты в заморских китайских поселках Фуцин после реформы и открытия, и нелегальные иммигранты / Ши Сюэцинъ // Исторические исследования заморских китайцев и хауцяо. – 2000. – № 4. – С. 26–31. = 施雪琴. 改革开放以来福清侨乡的新移民——兼谈非法移民问题 // 华侨华人历史研究. 2000. (4). 26–31 页 (На китайском яз.)

218. Эн, Чуньмэй Новый взгляд на классификацию мигрантов в Китае / Эн Чуньмэй, Ши Сяньхуа, Чэнь Сюэюнь // Журнал Су Чжуоского института. – 2014. – № 10. – С. 7–11 = 冯春梅, 史贤华, 陈学云. 新视角下我国移民分类研究 // 宿州学院学报. 2014. (10). 7–11 页 (На китайском яз.)

219. Янь, Е. Анализ социальных достижений женского населения нашей страны / Е. Янь // Статистические исследования. – 2002. – № 1. – С. 33–36. = 颜焯. 我国女性人口的社会成就分析 // 统计研究. 2002 年. 第 1 期. 33–36 页. = (На китайском яз.)

Электронные источники на китайском языке

220. Ван, Хуияо. Новые характеристики зарубежной международной иммиграции Китая (Ч. 1) / Ван Хуияо. = 王辉耀. 中国海外国际移民新特点 (之 一) [Электронный ресурс] URL: <http://qwgzyj.gqb.gov.cn/yjytt/176/2424.shtml> (дата обращения: 28.07.2022). (На китайском яз.)

221. Ван, Хуияо. Новые характеристики зарубежной международной иммиграции Китая (Ч. 2) / Ван Хуияо. == 王辉耀. 中国海外国际移民新特点 (之 二) [Электронный ресурс] – URL: <http://qwgzyj.gqb.gov.cn/yjytt/177/2451.shtml> (дата обращения: 23.10.2023). (На китайском яз.)

222. Взаимная гармония и сотрудничество с выигрышем для всех, построим исполненное живой силы сообщество для зарубежных китайцев. =

和睦相融合作共赢-构建一个充满活力的华侨华人社会 [Электронный ресурс] – URL: <http://www.chinaqw.com/news/200707/03/78232.shtml> (дата обращения: 26.09.2023). (На китайском яз.)

223. В синей книге «Доклад о международной миграции в Китае за 2020 год» представлены темпы роста международной миграции в Азии = 《中国国际移民报告 2020》蓝皮书发布亚洲国际移民增速 [Электронный ресурс] – URL: <http://www.ccg.org.cn/archives/61145>(дата обращения: 28.12.2022). (На китайском яз.)

224. Гэ, Цзяньсюн. История китайской иммиграции / Гэ Цзяньсюн. = 葛剑雄. 《中国移民史》 [Электронный ресурс] – URL: <https://fddi.fudan.edu.cn/ad/e0/c19045a437728/page.htm> (дата обращения: 11.03.2022). (На китайском яз.)

225. Исследования новых иммигрантов, проведенные учеными материкового Китая. = 中国大陆学者有关新移民问题的研究 [Электронный ресурс] – URL: <http://www.law.osaka-u.ac.jp/~c-forum/symposium/0611zhudongqin.htm> (дата обращения: 23.09. 2023). (На китайском яз.)

226. Исследования МВФ: побочные эффекты переходного периода и миграции в Китае. = 基金组织的研究: 中国转型和移民问题的溢出效应 [Электронный ресурс] – URL: <https://www.imf.org/zh/News/Articles/2016/09/26/AM16-NA270916-Spillovers-from-Chinas-transition-and-migration> (дата обращения: 27.09.2020). (На китайском яз.)

227. Кембриджская группа исследований китайской миграции (CCMSG) = 剑桥中国移民研讨小组简介 [Электронный ресурс] – URL: <https://www.humanmovement.cam.ac.uk/events/2022-23-cambridge-chinese-migration-studies-group-jian-qiao-zhong-guo-yi-min-yan-tao-xiao-zu> (дата обращения: 10.11.2023). (На китайском яз.)

228. Китайский центр иммиграционных исследований (филиал) Китайского центра иммиграционных исследований Университета Хэхай. Министерство водных ресурсов. Центр экономических исследований резервуарной иммиграции. = 中国移民研究中心 (挂靠) 河海大学中国移民研究中心 – 即 (水利部) 水库移民经济研究中心 [Электронный ресурс] – URL: <https://ggy.hhu.edu.cn/zgymyjzxwkw/main.htm>(дата обращения: 28.12.2021). – (На китайском яз.)

229. Лу, Чжоусян. Китайские иммигранты в Ирландии / Лу Чжоусян, У Вэйи = 吕洲翔, 吴维忆. 中国移民在爱尔兰 [Электронный ресурс] – URL: https://www.maynoothuniversity.ie/sites/default/files/assets/document/%E4%B8%AD%E5%9B%BD%E7%A7%BB%E6%B0%91%E5%9C%A8%E7%88%B1%E5%B0%94%E5%85%B0_0.pdf (дата обращения: 26.10.2022). (На китайском яз.)

230. Лю, Цзунби Сравнение традиционных китайских и западных представлений об успешности и их социальных последствиях / Лю Цзунби. = 刘宗碧. 中西传统成就观及其社会影响的比较 [Электронный ресурс] – URL: https://xueshu.baidu.com/usercenter/paper/show?paperid=83f1c2911561cd67e4d13472806c6a2c&site=xueshu_se(дата обращения: 14.05.2020). (На китайском яз.)

231. [Международная миграция] Изменения в международной миграции Китая с 1960 года – анализ, сосредоточенный на численности иммигрантов и направлениях их назначения. = 国际移民】1960 年以来中国国际移民的变迁—以移民存量与目的地为主的分析 [Электронный ресурс] – URL: <http://www.chinaql.org/n1/2023/0417/c420265-32666555.html> (дата обращения: 17.10.2023). (На китайском яз.)

232. Обзор Форума «Миграция и социальное развитие – путь миграции с китайской спецификой». = “移民与社会发展 – 中国特色的移民之路”论坛综述 [Электронный ресурс] – URL: http://csa.cssn.cn/xsnh2010/ltzs2010/201008/t20100807_1966895.shtml (дата обращения: 25.07.2023). (На китайском яз.)

233. Работы Пань Икюя, председателя Ассоциации китайских художников России. = 俄罗斯华人艺术家协会主席潘义奎作品(组图) [Электронный ресурс] – URL: <http://www.tianshui.com.cn/news/gansu/2011120121043511727.htm> (дата обращения: 01.09.2021). (На китайском яз.)

234. Феномен иммиграции в Китае: причины, последствия и многочисленные социальные перспективы. = 中国移民现象: 原因、影响与社会的多元视角 [Электронный ресурс] – URL: https://www.sohu.com/a/719631898_120978428(дата обращения: 11.09.2023). (На китайском яз.)

235. Художник китайского происхождения открывает выставку в Пекине «Выставка русской масляной живописи к Году Лошади». = 华裔画家举办《马年新春俄罗斯油画展》在京开幕 [Электронный ресурс] – URL: <https://www.chinanews.com.cn/zgqj/2014/01-18/5752339.shtml> (дата обращения: 20.07.2020). (На китайском яз.)

236. Чжан, Жэньчжи Обзор исследовательского статуса Макса Шелера / Чжан Жэньчжи. = 张任之: 马克斯·舍勒研究状况述评 [Электронный ресурс] – URL: <http://www.aisixiang.com/data/20676.html> (дата обращения: 24.07.2023). (На китайском яз.)

237. Чжу, Дунцинь Исследование ученых материкового Китая о новых иммигрантах. / Чжу Дунцинь Университет Хуаця. Международный китайский научно-исследовательский институт. = 朱东芹.中国大陆学者有关新移民问题的研究. 华侨大学·华侨华人研究所 [Электронный ресурс] – URL: <http://www.law.osaka-u.ac.jp/~c-forum/symposium/0611zhudongqin.htm>(дата обращения: 28.12.2020). (На китайском яз.)

238. Чжуан, Готу Новые характеристики китайской зарубежной иммиграции в эпоху глобализации / Чжуан Готу. = 庄国土. 全球化时代中国海

外移民的新特点 [Электронный ресурс] – URL: <http://www.rmlt.com.cn/2015/0506/385356.shtml> (дата обращения: 06.08.2023). (На китайском яз.)

239. Чжуан, Готу Китайская зарубежная иммиграция за последние 30 лет: на примере иммиграции в Фучжоу / Чжуан Готу. – Текст: электронный // Нации мира. – 2006. – Вып. 3.– С. 38–46 = 庄国土. 近 30 年来的中国海外移民: 以福州移民为例// 世界民族. 2006 年.第 3 期: 38–46 [Электронный ресурс] – URL: <https://core.ac.uk/download/pdf/41345226.pdf> (дата обращения: 29.07.2023). (На китайском яз.)

240. Чжуан, Гуту Типы и распределение новых иммигрантов в Китае / Чжуан Гуту, Чжан Цзиньин. // Общественные науки. – 2012. – № 12.– С. 4–11 = 庄国土张晶盈. 中国新移民的类型和分布// 社会科学.2012 年.第 12 期: 4–11 – [Электронный ресурс] – URL: http://www.ims.sdu.edu.cn/__local/0/94/42/77413559F4883D89FCCCF18C9C99_E0D8FE6E_4C619.pdf (дата обращения: 07.09.2021). (На китайском яз.)

241. Гэ, Цзяньсюн История китайской иммиграции / Гэ Цзяньсюн. = 葛剑雄. 《中国移民史》 [Электронный ресурс] – URL: <https://fddi.fudan.edu.cn/ad/e0/c19045a437728/page.htm> (дата обращения: 11.03.2022). (На китайском яз.)

242. Китайские трудовые иммигранты в Европе: проблемы и перспективы. = 赴欧中国劳务移民的规模和前景 [Электронный ресурс] – URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---asia/---ro-bangkok/---ilo-beijing/documents/publication/wcms_573469.pdf (дата обращения: 21.05.2022). (На китайском яз.)

243. Экомигранты (Китайская онлайн-энциклопедия «Байду байкэ»).= 生态移民 (百度百科) [Электронный ресурс] – URL: <https://baike.baidu.com/item/%E7%94%9F%E6%80%81%E7%A7%BB%E6%B0%91/1115316?fr=aladdin> (дата обращения: 12.04.2023). (На китайском яз.)